

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5
2020

СЕНТЯБРЬ •
ОКТАБРЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Аншаков Ю.П. (Самара). Российские эмиссары в Черногории во второй половине XVIII века.....	3
Лебедева Н.С., Терехова Н.Г. (Москва). РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы.....	13
Новосельцев Б.С. (Москва). Начало переориентации Югославской внешней политики на запад в 1949 году (по материалам американских источников)	29
Белов М.В. (Нижний Новгород). «Исторический ревизионизм» в критике постъюгославских историков	43
Каганович Б.С. (Санкт-Петербург). К теме: С. Н. Валк и марксизм. (Заметки С.Н. Валка на полях книги Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность»)	57
Старикова Н.Н. (Москва). Роль литературной парадигмы в формировании словенской нации	68
Гусев Ю.П. (Москва). Символизм и авангард в венгерской литературе начала XX века. (В сопоставлении с опытом русской литературы)	74
Байдалова Е.В. (Москва). Владимир Кириллович Винниченко. Биография политика и писателя на фоне эпохи.....	89

СООБЩЕНИЯ

Чибисова А.А. (Москва). Представления польского правительства о роли Константинопольского патриархата в православном мире в контексте переговоров с патриархом Мелетием IV (Метаксакисом) об автокефалии Польской Православной Церкви (1922–1923 годы)	99
Егорова К.Б. (Санкт-Петербург). Ярослав Гашек о собаках и козах, или партия умеренного прогресса в рамках закона за реабилитацию животных	112
Ламм М.А. (Москва). Город и деревня в миниатюрах Сократа Яновича: развитие модели взаимопроникновения	122
Пилипенко Г.П. (Москва). Лингвистическая экспедиция к славянским сообществам в Аргентину и Парагвай.....	128

РЕЦЕНЗИИ

Задорожник Э.Г. А. Дубчек. Надежда умирает последней 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кашианова О.С. Международная конференция «Между соглашательством и царсубийством. Пределы польско-российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года» 142

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, **М.М. Валенцова**, **Г.К. Венедиктов**, **М. Гардзанини** (Италия),
А.А. Гиппиус, **М. Зеленка** (Чехия), **В.И. Косик**, **М.В. Лескинен**, **Г.Ф. Матвеев**,
Л. Матейко (Словакия), **В.В. Мочалова**, **К.В. Никифоров**, **В. Павлович**, (Сербия),
В.Я. Петрухин, **Р. Прешленова** (Болгария), **А.С. Стыкалин**, **Б.Н. Флоря**, **О.В. Хованова**.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

РОССИЙСКИЕ ЭМИССАРЫ В ЧЕРНОГОРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

© 2020 Ю.П. Аншаков

*Д-р ист. наук, начальник отдела истории и археологии Самарского
федерального исследовательского центра РАН**yuri.anshakov@mail.ru*

В статье рассматриваются отдельные сюжеты, связанные с пребыванием и деятельностью в Черногории во второй половине XVIII в. российских военных и дипломатов: С. Ю. Пучкова, М. Тарасова, Г. Мерка, Ю. В. Долгорукова, И. (Дж.) Оливьери, М. К. Ивелича.

The author analyses activities of the Russian officers and diplomats (S. Puchkov, M. Tarasov, G. Merk, Yu. Dolgorukov, I.(G.) Olivieri, M. Ivelich) in Montenegro in the second half of the 18 century.

Ключевые слова: Россия, Черногория, Екатерина II, Степан Малый, Махмуд-паша Бушати.

Keywords: Russia, Montenegro, Catherine II, Šćepan Mali, Kara Mahmud Pasha.

DOI: 10.31857/S0869544X0011087-8

В XVIII в. Черногория была фактически независимой, с собственной системой управления, горной страной. Единственный признак ее вассальной зависимости от Турции в XVIII в. — это крайне редкая уплата харача (хараджа), собираемого чаще всего при помощи карательных экспедиций, зачастую неудачных, и его скорее следует рассматривать как вынужденный откуп, нежели чем дань. Однако Черногория не получила международного признания и не имела точно зафиксированных границ, а Османская империя продолжала считать ее частью своих владений.

Началом русско-черногорских отношений стал Прутский поход Петра I в 1711 г., тогда царь обратился с грамотой к балканским христианам с призывом оказать помощь русским войскам. И черногорцы откликнулись на этот призыв, начав под командованием митрополита Данилы и российского эmissара М. Милорадовича боевые действия против турок в Герцеговине, которые продолжались и после заключения Россией мира с Турцией в апреле 1712 г. Прутские события нашли отражение в черногорском эпосе, где отмечалось, что Петр I заключил мир «с турками не по воле, но по неволе», и, узнав об этом, «заплакал и мал, и велик, всяк жалел царя православного» [1. С. 517]. В 1713 г.

в письме к брату Раде митрополит Данило подчеркнул: «Я — Москвы, Москвы, Москвы. Говорю, говорю, говорю: чей я — того и вся земля» [2. С. 29]. С того времени Россия для черногорцев стала символом веры и надежды в освободительной борьбе, деле государственных преобразований, а в сознании черногорцев и их церковных иерархов утвердился культ Петра Великого навсегда.

Вторая половина XVIII в. — время дальнейшего становления и развития русско-черногорских отношений. В этом процессе важную роль сыграли российские эмиссары — военные и дипломаты, посещавшие Черногорию в различные годы. Весомая заслуга в активизации русско-черногорских отношений в 50–60-е годы XVIII в. принадлежит черногорскому митрополиту Василию Петровичу, трижды посещавшему Россию. Деятельный человек и политик, склонный к авантюризму, он все же сумел убедить российское руководство в том, что Черногория достаточно обширна и могущественна, а потому способна объединить балканские народы и стать центром освободительной борьбы против турецкого владычества на Балканах. При этом митрополит прекрасно понимал, что в действительности маленькая, отрезанная еще в начале XVIII в. от Адриатического моря Черногория, переживающая внутреннюю анархию, не может заинтересовать русский двор.

По просьбе Василия Петровича Петербург в 1758 г. выделил Черногории на один год субсидию в размере 15 тыс. рублей, однако ее пролонгация зависела от способности черногорцев навести у себя порядок. В 1759 г. в Черногорию для сопровождения митрополита был направлен эмиссар русского правительства полковник С. Ю. Пучков под именем ранее служившего в России хорватского дворянина. Он должен был обеспечить сохранность денег, но главная его задача состояла в сборе информации об истинном положении дел в Черногории, сведений о стране и ее народе. Именно с правления Елизаветы Петровны балканское направление во внешней политике России в той или иной форме стало одним из ее постоянных факторов. И здесь Черногория в силу ее фактической независимости, выгодного географического положения вблизи от тыловых османских владений в Герцеговине и Северной Албании стала вплоть до Первого сербского восстания в 1804–1813 гг. главной точкой опоры России на Балканах.

По возвращении из Черногории С. Ю. Пучков представил в Коллегию иностранных дел рапорт, позднее дополненный сведениями о черногорцах [3. Л. 180об.—185об.; 4. С. 556–558], в котором сообщил, что «черногорцы находятся в крайнем беспорядке, не имеют добрых учреждений, законов и обычаев, живут в междоусобице и вражде», не подчиняются властям, которые в свою очередь «не пекутся об их пользе» [3. Л. 181], что во многом соответствовало реальности. Внутренние междоусобицы, кровная месть, сепаратизм отдельных племен и нахий (областей) создавали непреодолимые препятствия для консолидации черногорского общества. Наведение порядка было крайне затруднено в стране, где, как справедливо заметил Пучков, люди в результате ссоры по любому ничтожному поводу «друг друга режут или застреливают», а потом убегают в иные края [3. Л. 181об.]. Пучков информировал о расхищении русских денег, получаемых в виде церковной субсидии Цетинскому монастырю (500 рублей каждые три года), «начальниками черногорскими» и их родственниками [3. Л. 180], черногорские старейшины «ищут протекцию у той державы, от которой больше денег получить надеются». Оценивая таким образом черногорцев, Пучков все же считал, что они хотя и дикий народ, но

«добрым предводительством и нравоучительным наставлением можно из него со временем (хотя и с трудом) нечто доброе сделать» [3. Л. 182—182об.].

Говоря о состоянии черногорских дел в самых мрачных тонах, Пучков был излишне категоричен. Он, например, отметил абсолютное отсутствие в Черногории какого-либо правосудия. В действительности в стране отношения регулировались нормами обычного права, на основе которых принимали решения такие судебные органы, как «суд добрых людей» и «кметский суд», состоявшие из наиболее влиятельных старейшин. Пучков черногорские порядки мерил по российским меркам; для него, привыкшего у себя на родине к совершенно иным реалиям, почти все казалось странным и диким в этой стране. В Петербурге полученная от Пучкова информация не вызвала каких-либо сомнений¹. В начальный период правления Екатерины II русское правительство на основе сведений, полученных от Пучкова, считало, что для России нет никакой реальной пользы от черногорцев, а только лишние проблемы с Портой и Венецией, приморские владения которой граничили с Черногорией.

В 1766 г., находясь в Петербурге, умер митрополит Василий Петрович, он был с почестями похоронен в Александро-Невской лавре. Для доставки церковной субсидии Цетинскому монастырю и личных вещей митрополита в Черногорию был направлен подпоручик Севского полка Михаил Тарасов с дополнительным поручением выяснить отношение черногорцев к Российской империи, а также собрать информацию «об их правлении, порядках и внешних делах» [6. С. 85].

Дневник Тарасова содержит сведения о политическом, экономическом и военном положении Черногории, быте и нравах черногорцев. Он отметил плачевное экономическое состояние Черногории, ее изолированность, внутреннюю и внешнюю нестабильность, которую объяснил отсутствием «должного правления» и крайней слабостью соправителя Василия Петровича митрополита Савы, титул которого — «черногорский правитель» — не воспринимался черногорцами, почитающими его лишь за митрополичий сан, а он «кроме проклятия более ничего учинить не силен» [7. С. 62].

Дневник Тарасова содержит запись и о вопросе, с которым к нему обратился, будучи навеселе, цетинский воевода Степо: «Для чего-де ты, москаль, не привез нам денег на свинец и на порох, чтоб-де мы имели чем от неприятеля обороняться, ибо мы заслужили оные деньги кровью, пособляя против турок государю императору Петру Великому. А о присланном-де ныне архиепископу облачении в России объяви, чтоб их более нам не присылали, потому что и прежде присланные лежат-де без употребления, ибо мы своего митрополита и в 3 года одиножды в архиерейском облачении не видим» [7. С. 58].

В отличие от полковника Пучкова подпоручик Тарасов с большим пониманием отнесся к проблемам Черногории. Он понял, что многие несчастья и беды черногорцев связаны не только с их порядками и нравами, но и с суровыми условиями жизни: земельный голод, враждебное окружение со стороны турок и венецианцев тормозили даже слабые ростки общественного и экономического прогресса. Пессимизм Тарасова в оценке внутреннего положения Черногории все же преобладал над оптимизмом, в том числе и по поводу перспективы русско-черногорских отношений. Некоторые черногорцы, беседуя с ним, говорили, что если бы они не имели надежды на покровительство со

¹ О миссии С. Ю. Пучкова также см.: [5. С. 96—98].

стороны России, то давно бы «потурчились». Однако Тарасов видел и другое. Он заметил, что среди черногорцев не много было людей доброжелательных к России, «прочих же усердие и доброжелательство только тогда оказывается, когда они получают подарки, и паче всего деньги» [7. С. 64]. Митрополит Сава и черногорские «главари», выражая благодарность Екатерине II за денежную поддержку, просили не оставлять их без «сильной протекции» и «пансиона», при этом клялись перед богом и «монаршеским величеством кровию нашу заслужить», когда на это будет получено «повеление» [8. С. 185–186; 9. С. 285].

Однако вскоре стало ясно, что «русская идея», хотя и в весьма своеобразной форме, оказалась живучей в сознании большинства черногорцев. Особенно ярко она проявилась в связи с правлением в Черногории самозванца Степана Малого в 1767–1773 гг., намекавшего, что он – император Петр III, якобы с ведома императрицы покинувший Россию из-за происков врагов и решивший найти убежище среди единомышленников черногорцев.

События в Черногории внимательно отслеживались в Петербурге. Для Екатерины II появление за пределами России «ожившего супруга» было явлением абсолютно новым, с непонятными и непредсказуемыми последствиями, в том числе происки недружественных России держав, тем более что самозванец объявился не где-нибудь, а в Черногории, главном оплоте русского влияния на Балканах в XVIII в. С началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг. у Екатерины II под влиянием находившегося тогда в Италии главнокомандующего средиземноморской военной экспедицией графа А. Г. Орлова сложился план привлечения балканских народов к войне против Турции. С этой целью она послала эмиссаров на Балканы, в том числе и в Черногорию. В 1768 г. Екатерина II, по понятным причинам крайне негативно относившаяся к Степану Малому, приказала отправить в Черногорию советника русского посольства в Вене капитана Георгия Мерка с грамотой, содержавшей призыв к черногорцам «схватить самозванца и отдать его праведному суду» [10. Л. 20]. Из-за противодействия венецианских властей, опасавшихся, что миссия Г. Мерка будет расцениваться Портой как вмешательство в ее внутренние дела и поэтому уведомивших российского посла в Вене Д. М. Голицына, что сенат был бы и рад помочь, но «нежные обстоятельства сего же дела приводят его в неприятное изнеможение» [11. Л. 55–56], Мерк не попал в Черногорию. После вынужденного пребывания в Которе он вернулся в Вену. Раздосадованная Екатерина II написала на полях его донесения: «Если бы капитан гвардии был послан с грамотой к черногорцам, то бы письмо, несомненно, отдано было, но сей претонкий политик возвратился с ней, [ничего] не сделав, кроме преострых размышлений» [12. С. 34]. Однако, даже если бы Мерк и достиг Черногории, у него абсолютно не было шансов в одиночку отстранить Степана Малого от власти – это могло стоить ему жизни, а результат был бы все равно отрицательный. К тому же Коллегия иностранных дел проинструктировала Мерка, что поездка в Черногорию могла состояться только в том случае, если она не угрожала его безопасности.

Мерк во время случайной встречи с черногорцами в Которе предпринял все же попытку разоблачить перед ними самозванца. Черногорцы при этом, хотя и с долей сомнения, были склонны согласиться с ним, но заявили, что с появлением Степана Малого у них «неслыханное дружелюбие и порядок завелись, через что сохранено, по крайней мере, человек с триста, коим, конечно, по прежней их жизни быть убитыми» [13. Л. 101об.]. Уставшие от бесконечного кровопролития, связанного с кровной мстью, черногорцы готовы

были пожертвовать жизнью за самозванца, но не отпускать его от себя, заметил Мерк. Им русский православный царь нужен был как своего рода символ защиты и опоры в борьбе с самоуправством и внутренней анархией, от чего так страдало все черногорское общество. Никто из природных черногорцев претендовать на эту роль не мог, поскольку их «гордыня была безмерна и они не восприняли бы своего за повелителя». В случае со Степаном Малым такая ситуация разрешалась бесконфликтно, поскольку никто даже в мыслях не мог претендовать на равенство с российским монархом, пусть и бывшим, пусть даже и не настоящим. Поэтому, когда Степан Малый, учредив суд, ввел смертную казнь за кровную месть и стал пресекать грабежи и разбои, это было с удовлетворением воспринято большинством черногорцев. Самозванец мог праздновать полную победу. Все, что он делал, было единодушно одобрено и принято народом, значительная часть которого устала от бессмысленного постоянного кровопролития. Он стал повелителем Черногории, в народе его называли царем. Сам же Степан Малый, насколько это было возможно в той или иной ситуации, избегал открыто отождествлять себя с Петром III, но говорил, что он — «Степан Малый, добрый с добрыми, злой со злыми, малый с малыми, и великий с великими» [14. С. 37]. Впрочем, как и все самозванцы, он тщательно скрывал свое истинное происхождение, сообщал о себе крайне противоречивые сведения: одним он намекал на свою принадлежность к династии Неманичей, другим сообщал, что происходит из Далмации, третьим, четвертым... — что он то «турецкий подданный из Боснии», то «родом из Янин», то «из Австрии», то «дезертир из Лики» (область в Хорватии), а в других случаях называл себя черногорцем [6. С. 93; 14. С. 157] и т.п. Однако тайну его происхождения так никто и не раскрыл². Сам Степан Малый при встрече с венецианским полковником Т. Стукановичем замечал, что во время своих странствий он десять раз переменял свое имя и фамилию [17. С. 589].

² Настоящее имя и происхождение самозванца до сих пор не выяснено. А. П. Бажова предположила, что эту роль мог сыграть кто-либо из югославян, переселившихся в Россию в 50-х годах XVIII в., вероятнее всего один из организаторов переселения черногорцев в Россию майор С. Петрович (Шарович) [6. С. 95–97]. Мнение это является ошибочным, поскольку, как доносила рижская пограничная канцелярия уже после гибели Степана Малого в 1773 г., в декабре 1777 г. — июне 1778 г., С. Петрович уже в чине полковника совершил поездку в Вену с женой и служителем [15. С. 277]. Черногорскому историку Р. Петровичу, безусловно, принадлежит главная заслуга в исследовании жизни и государственной деятельности Степана Малого. Он выдвинул гипотезу [16], согласно которой под именем Степана Малого скрывался И. Балевиц, уроженец Брды, находившийся в России на военной службе и умерший, согласно челобитной его сына С. И. Балевича от 1780 г., в 1769 г. (см. [9. С. 326]). Зная об этом документе, Р. Петрович все же посчитал, что И. Балевиц был одним из трех российских эмиссаров, которые, согласно дубровницкому источнику, были в 1766 г. направлены в Морею, а затем один из них якобы пробрался в Черногорию и объявил себя Степаном Малым [16. С. 56]. Безоговорочно доверяя этому источнику, Р. Петрович утверждал, что в 1769 г. тогда еще шестилетний сын И. Балевича поверил в ложный слух о гибели Степана Малого, зная при этом, что самозванец — его отец [16. С. 53–54]. По мнению историка, Екатерина II, направляя в 1768 г. с миссией в Черногорию старого знакомого И. Балевича полковника С. Эздемировича, также знала, что самозванец не кто иной, как И. Балевиц [16. С. 53]. Эти и другие аналогичные предположения представляются крайне сомнительными, поскольку получается, что Екатерина II ни тогда, ни позже не известила об этом своих самых доверенных лиц, сохраняя — и это известно — неприязнь к Степану Малому и после его реальной гибели в 1773 г., именую его исключительно самозванцем, поскольку его действительное имя так и осталось для нее тайной. Существует и другая версия, связывающая Степана Малого с Россией. По ней он мог попасть в Россию как младший церковнослужитель в свите кого-либо из представителей югославянского православного духовенства, посещавших Россию для получения денежных пособий и церковной утвари. Наслушавшись в России о смерти Петра III и самозванцах, он и решил разыграть роль императора в Черногории [17. С. 517].

Возлагая определенные надежды на балканских славян в борьбе с Турцией, Екатерина II направила на Балканы генерала князя Ю. В. Долгорукова, который под именем купца Барышникова, а на самом деле как глава русской военной миссии, в состав которой входило немногим более 30 человек, в конце июля 1769 г. прибыл из Италии в Черногорию с грамотой от императрицы, зачитанной 6 (17) августа 1769 г. на Общечерногорском зборе (народном собрании) в присутствии почти двух тысяч человек, содержащей призыв ко всем христианским народам выступить против турок. Кроме того, была зачитана грамота, обличавшая Степана Малого как самозванца, «возмутителя покоя и злодея нации» и предлагавшая черногорцам отречься от него и «исправить свой грех служением российскому двору» [18. С. 394–395]. Ее составил бывший сербский патриарх Василий Бркич, укrywшийся в Черногории после ликвидации турками в 1766 г. Печской патриархии. До прибытия русской военной миссии он был приверженцем Степана Малого и с его помощью потеснил митрополита Саву в делах религии. В новой ситуации патриарх быстро сориентировался и переметнулся на сторону князя. Итак, самозванец был разоблачен, и князь приказал его арестовать. В ходе допроса на требование князя назвать свое подлинное имя Степан Малый объявил, что он далматинец из семейства Раичевичей, а затем заявил, что он турецкий подданный, боснийский уроженец, вышел из Боснии в малолетстве, «скитался по многим государствам» и, наконец, объявился в Черногории [18. С. 397]. Нейтрализовав самозванца, Долгоруков занялся подготовкой антитурецкого восстания, в которое помимо черногорцев рассчитывал привлечь христианское население сопредельных с Черногорией земель. Развернув кипучую деятельность, князь установил связь со старейшинами Герцеговины и Венецианского Приморья, что, разумеется, вызвало крайнее раздражение османских и венецианских властей. Князь обещал всем скорое прибытие в эти края русской эскадры для помощи в подготавливаемом им антитурецком восстании.

Помимо выполнения главной задачи князь занялся устройством внутренних дел Черногории. Он учредил в Цетинье суд из представителей различных наций, который разрешал самые тяжкие споры, пресекал междоусобицы. Вместе с тем Долгоруков принялся княжить в Черногории, причем княжить по-русски, забывая, что в черногорской среде царили другие обычаи и нравы, иные ценности были мерилom жизни. Следует напомнить, что представляла собой Черногория незадолго до приезда князя. В стране под управлением митрополита Савы было полнейшее безначалие. Неожиданно объявился «русский царь», посадил под арест Саву и его родню, затем все же их всех выпустил, навел железной рукой относительный порядок. Вдруг неожиданно появился русский генерал со свитой, большими деньгами и военными припасами, велел читать грамоту Екатерины II с призывом к борьбе против турок, раздал деньги «главарям», снабдил черногорцев оружием и потребовал, чтобы все шли воевать. И одновременно доказывал, что их царь вовсе не царь. Народ не понял, что вообще происходит, и в конце концов решил, что «царь», хотя арестованный и развенчанный, лучше подходит на роль правителя Черногории, нежели князь, так и несумевший найти общий язык с черногорцами.

В свою очередь, за трехмесячное пребывание в Черногории Долгоруков выяснил, что самозванец не представляет ни малейшей опасности для России, наоборот, он готов быть ее верным союзником. Из постоянной переписки с А. Г. Орловым, князь узнал, что первоначальный план посылки части российского флота к далматинским берегам для помощи черногорцам изменен, и ждать помощи с моря было уже бессмысленно. Черногорцы и близлежащие

сопредельные христианские народы не были настолько наивны, чтобы, несмотря на явную враждебность и даже ненависть к туркам, вступать с ними в тяжелейшую борьбу без мощной, к тому же обещанной поддержки российского флота. Ю. В. Долгоруков с его небольшим отрядом не мог оказать им помощь. В силу сложившихся обстоятельств князь, потребовав от Степана Малого «усердия и верности», освободил его из-под ареста, и, вероятно, не без влияния А. Г. Орлова, а то и по прямому его приказу, объявил Степана Малого наместником России в Черногории.

В декабре 1769 г. А. Г. Орлов проинформировал вице-канцлера А. М. Голицына о том, что Долгоруков «принужден был уехать из Черной Горы со всеми офицерами и отдать команду Стиопке Малому, надев на него мундир российского офицера» [19. С. 277]³. Степан получил то, что хотел. Россия, не балуя чином, все же признала своего «императора». Отъезд русской военной миссии в конце октября 1769 г. из Цетинье в Будву, где ее ожидало небольшое судно для отплытия обратно в Италию, происходил в величайшей тайне. Князь повсюду ожидал венецианских шпионов, но более всего он опасался владыки Савы, этого «старого злыдня», способного, как думал князь, известить власти Котора об отбытии миссии из Черногории, а это не входило в его планы. Вместе с русскими Черногорию покинул и Василий Бркич, так как дальнейшее пребывание здесь не предвещало для него ничего хорошего из-за неприязни со стороны Степана Малого, которого он в силу обстоятельств предал и опорочил, и митрополита Савы, полагавшего, что черногорцам достаточно одного пастыря.

После отъезда русской военной миссии Степан Малый стал вновь самовластно править в Черногории, продолжая эффективные меры по наведению порядка в стране. По прочно укоренившемуся в народном сознании преданию, он повелел по дороге из Котора в Цетинье положить десять цехинов, и они лежали там несколько дней — никто так и не посмел прикоснуться к ним. Вполне возможно, что эта легенда, берущая начало от современников Степана Малого, имеет под собой реальную основу. Черногорский правитель, и это было в его характере, мог устраивать подобные «проверки на дорогах», а черногорцы, уже в полной мере познавшие крутой и беспощадный нрав своего господаря, понимали, что, покусись они на эти деньги, их непременно сыщут и жестоко накажут. Им ничего не оставалось, как смириться и стать честными поневоле. Страх подавлял все, даже жажду наживы.

Надо сказать, что миссия Долгорукова все же принесла определенные положительные плоды. Во-первых, в Черногории окрепло русское влияние. Через полгода после отъезда князя черногорские «главари» в письме к венецианскому провидуру Г. Молину в Которе написали: «Знаешь ли, господин, что мы сегодня российские? Кто стоит против России — стоит против нас» [2. С. 321]. Летом 1770 г., в те дни, когда русская эскадра разбила турецкий флот при Чесме и высадила десант в Греции, черногорцы во главе со Степаном Малым воспрепятствовали объединению войск боснийского, герцеговинского и албанского пашей с главными турецкими силами на Дунае, что, вероятно, было результатом тайных переговоров Долгорукова, Орлова и Степана Малого. Впрочем, как бы то ни было на самом деле, черногорцы все же оказали вооруженную поддержку России, а Долгоруков по возвращении из Черногории получил награды от Орлова, а затем уже в Петербурге — от Екатерины II. Сам же

³ Алексей Орлов, согласно рескрипту Екатерины II от 4 (15) марта 1769 года, имел право «тамошним знатым людям» присваивать офицерские чины до капитана включительно.

Степан Малый правил Черногорией до трагической смерти в сентябре 1773 г. от руки подосланного шкодринским пашой наемного убийцы грека Станко Клазомуня (Поликарда).

В 1784 г. на митрополичий престол вступил митрополит Петр I Петрович Негош, проводивший активную внутреннюю и внешнюю политику, где центральное место отводилось России. В свою очередь, и в России по-прежнему нуждались в черногорцах как военных союзниках.

В войне 1787–1791 гг. против Турции Австрия была союзницей России, и балканскому театру военных действий отводилось важное место в русско-австрийских военных планах. Вена и Петербург рассчитывали привлечь к борьбе с турками правителя Северной Албании шкодринского пашу Махмуда Бушати, лишь номинально подчинявшегося Порте, и фактически независимую Черногорию. Черногорско-албанский альянс мог дать до 60 тысяч опытных воинов, готовых выступить против Турции, в том числе 20 тысяч черногорцев. В 1785 г. Бушати напал на Черногорию и разорил ее, теперь же вчерашние враги должны были стать союзниками. За это дело взялись дипломаты и военные — вице-канцлер А. И. Остерман, посол в Венеции А. С. Мордвинов, князь Г. А. Потемкин. В Черногорию был направлен драгоман российского консульства в Венеции Иван (Джованни) Оливьери, который, проезжая через Далмацию, познакомился с доверенным лицом Бушати, монахом-францисканцем Эразмом Франкини ди Баньо и под строжайшим секретом открыл ему свое поручение, прося проинформировать обо всем Махмуда-пашу. В Шкодру направился другой российский эмиссар майор Сава Миркович. И паша после трехдневных переговоров с «препятствием многих господ, всюду за ним следующих» [20. Л. 27], принял предложение русского правительства, приказав при этом «отрубить головы двенадцати skutарским приматам», в том числе и его ближайшим родственникам [21. Л. 21], выступившие против союза с христианскими державами. За союз с христианами выступали горцы-католики Северной Албании. Черногорцы были в курсе всех дел. Они просили от российской стороны лишь прислать русских офицеров с боеприпасами и продовольствием, а Махмуд Бушати, чьи владения простирались и на Адриатику, просил выделить для усиления его флота российские корабли. Все это было обещано черногорцам и албанцам. В это время в Петербурге замышлялась грандиозная морская операция с участием мощной Балтийской военной эскадры, призванной блокировать Босфор и Дарданеллы высадкой десанта в Стамбуле и последующим выходом в Средиземное море, что было тесно увязано с восстанием балканских народов, и в первую очередь черногорцев и албанцев [22. С. 60–61].

В Шкодре побывала черногорская делегация, сам Петр I Негош лично встречался с пашой, и переговоры о союзе прошли удачно, однако убийство албанцами на пути из Шкодры в Черногорию австрийской военной делегации во главе с де Броньяром сорвало русско-австрийские планы. После убийства членов австрийской миссии, независимо от того, произошло оно по приказу паши или без его ведома противниками союза с Россией и Австрией, Махмуду Бушати не оставалось ничего другого, как искать примирения с Портой, ибо он понимал, что Австрия не простит ему гибели своих дипломатов.

Вскоре черногорцы во главе с австрийским майором Ф. Вукасовичем совместно с находившимися на Балканах австрийцами напали на владения шкодринского паши, но военные действия австро-черногорских войск не принесли успеха. В эти дни в Черногорию прибыла русская военная миссия в составе подполковника М. К. Ивелича, подполковника Тутолмина и премьер-майора

Драшковица. Российские эмиссары критиковали австрийцев и Петра I Негоша за преждевременное, по их мнению, выступление против Шкодры. После военных неудач австрийцы тайно бежали из Черногории. Затем и русская военная миссия по настоянию Вены, не желавшей укрепления позиций России в этом регионе, покинула Черногорию. Лишь М. К. Ивелич, направившись в Герцеговину, набрав отряд из 1 200 человек и одержав ряд побед над турками. Перед возвращением в 1790 г. в Россию Ивелич заверил герцеговинцев, что он непременно к ним вернется, и вернулся, хотя и не так скоро, как обещал. За заслуги на Балканах М. К. Ивелич был награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира с бантом.

Все попытки России помочь Черногории (отправить эскадру в Средиземное море, направить к «Адриатическому морю и Черным Горам» сухопутные войска) были сорваны в силу разного рода внешних обстоятельств⁴.

Век восемнадцатый заканчивался, приближалась другая эпоха, эпоха наполеоновских войн, в которых извечные враги — Россия и Османская империя — в борьбе против французов стали на время союзниками. И в это время, насыщенное драматическими и героическими событиями, российские эмиссары вновь появились в Черногории, ставшей нужной в противостоянии с наполеоновской Францией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ровинский П. А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. СПб., 1888. Т. I.
2. *Миловић Ј. М.* Зборник докумената из Историје Црне Горе. (1685–1782). Цетиње, 1956.
3. Краткая выписка о черногорском народе // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 52 (Потемкина-Таврического). Оп. 1/94. Ч. I. Д. 248. Ч. 6.
4. Записка о пребывании владыки Василия Петровича и черногорских старейшин в России. Не ранее конца апреля 1762 г. // Црна Гора и Русија. Материали за историју односа Црне Горе и Русије у периоду владавине црнагорских митрополита Саве и Василија Петровића. 1742–1766 гг. / Редколл.: А. Н. Сахаров, Р. М. Распоповић. Сост.: Р. М. Распоповић, В. Б. Хлебникова, С. Бабович-Распоповић. Подгорица; М., 2011.
5. *Аншаков Ю. П.* Черногория — «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. Жизнь общества, становление государства, освободительная борьба, внешняя политика (1711–1860 гг.). М., 2019.
6. *Бажова А. П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
7. Црногорско-руски односи. 1711–1918 (Черногорско-русские отношения. 1711–1918). Подгорица; М., 1992. Књ. I: Руски извори о Црној Гори од краја XVII до средине XIX вијека.
8. *Хитрова Н. И.* Церковь и культура Черногории в отношениях с Россией // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.
9. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. Документы / Сост.: А. П. Бажова, К. К. Миронова, В. М. Хевролина, Н. И. Хитрова. М., 1984.
10. Грамота Екатерины II черногорским старейшинам, 14 (25) марта 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 130.
11. Записка венецианского посла в Вене к князю Д. М. Голицыну, 14 (25) апреля 1768 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Черногорией. Оп. 95/1. 1768 г. Д. 16. Ч. II.
12. *Драговић М.* Споменници о Шћепану Маломе. Из московскога главнога архива министарства иностранијех дела // Споменик Српске Краљевске Академије. Београд, 1893. Т. XXII.
13. Г. Мерк — Коллегии иностранных дел, 6 (17) сентября 1768 г. Вена // Российский государственный архив древних актов. Ф. 149 (О самозванцах). Оп. 1. Ед. хр. 78.

⁴ Подробнее о планах российской и австрийской дипломатии и деятельности российских эмиссаров в Черногории и Северной Албании см.: [5. С. 147–155].

14. *Петрович Р. В.* Степан Малый — загадка истории (Русский лжецарь в Черногории) / Пер. с сербского С. Якича и А. Зырина. Белград, 1996.
15. *Строев А. Ф.* «Те, кто поправляет Форуну». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
16. *Петровић Р. В.* Шћепан Мали. Загонетка је решена. Београд, 2001.
17. *Макушев В.* Самозванец Степан Малый: По актам венецианского архива // Русский вестник. 1869. Август. Т. 82.
18. Журнальная записка происшествиям во время экспедиции его сиятельства князь Юрья Долгорукова, от армии генерал-майора и лейб-гвардии Преображенского полку майора, в Черную Гору, для учинения оттуда в Албании и Боснии неприятелю диверзии. 1769 год // Русский архив. 1886. Кн. 1.
19. *Рачинский А. В.* К биографии графа А. Г. Орлова-Чесменского. (Извлечено из бумаг государственного вице-канцлера князя А. М. Голицына) // Русский архив. 1876. № 7.
20. С. Миркович — А. С. Мордвинову, 19 (30) мая 1788 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1788 г. Д. 170. Д. 170.
21. И. Оливьери — А. С. Мордвинову, 8 (19) апреля 1788 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 43/1. 1788 г. Д. 169.
22. *Станиславская А. М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья. 1798—1807. М., 1962.

РКП(б) И ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА КОМИНТЕРНА. 1919–1925 годы

© 2020 г. Н.С. Лебедева^{1*}, Н.Г. Терехова^{2**}

¹*Канд. ист. наук, реабилитированный доктор истории (Польша),
главный научный сотрудник ИВИ РАН*

²*Общество изучения наследия А. Грамши (РФ), аспирант-соискатель ИВИ РАН*

**lebedevaivi@mail.ru*

***natgenter@gmail.com*

В статье рассматривается политика РКП(б) и Коммунистического интернационала в отношении Польши в 1919–1925 гг., центральным событием которой стала советско-польская война летом 1920 г. Проанализирована также проблематика, связанная с ослаблением влияния партии, созданной Р. Люксембург.

The article considers the policy of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Communist International towards Poland in 1919–1925, the central event of which was the Soviet-Polish War in the summer of 1920. The article also analyses the problematics related to the weakening of the influence of the party created by Rosa Luxemburg.

Ключевые слова: Р. Люксембург, КРПП, РКП(б), Коминтерн, мировая революция, советско-польская война 1920 г.

Keywords: Rosa Luxemburg, Communist Workers Party of Poland, Russian Communist Party (Bolsheviks), Comintern, world revolution, Soviet-Polish War of 1920.

DOI: 10.31857/S0869544X0011088-9

История польской секции Коминтерна (КИ) неизменно привлекала к себе внимание исследователей, особенно в конце 50-х и в 60-е годы XX в., когда были реабилитированы многие польские коммунисты, погибшие в сталинских застенках, и появилась возможность писать о деятельности «партии расстрелянных» [1–12]. Однако идеологическая обусловленность и цензурные ограничения наложили негативный отпечаток на эти работы. В годы перестройки появились более благоприятные возможности для объективного освещения истории Коминтерна и его секций, включая Коммунистическую партию Польши (КПП) [13–19]. Но объем источников по этой проблематике все еще оставался ограниченным, а круг историков, допущенных в святая святых — Центральный партийный архив, весьма узким.

Открытие для исследователей архива Коминтерна в 1992 г. неизмеримо расширило документальную базу исследований. Институт всеобщей истории РАН

и Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) подготовили и выпустили в свет многотомное издание документов Третьего интернационала [20–24]. Появились и отдельные статьи, посвященные теме «Коминтерн и Польша» [25–29]. Начальному этапу в деятельности КИ были посвящены общие работы [30], однако специальных исследований по истории польской секции все еще немного, притом, что количество документов, отложившихся в РГАСПИ, весьма значительно. Интерес к 20-м годам прошлого века обусловлен чередой столетних юбилеев: революционных потрясений в России 1917 г., основания Третьего интернационала в 1919 г., а также событий 1920 г., связанных с советско-польской войной или «броском на Варшаву», как ее порой называют.

Военный конфликт между молодой Советской республикой и соседним, в равной мере недавно вновь обретшим независимость государством¹, стал значимым водоразделом в истории международных и двусторонних советско-польских отношений, в военной истории и в истории Коммунистического интернационала.

Коминтерн можно считать общественной организацией лишь с большими оговорками. С момента основания в марте 1919 г. он был призван служить действенным орудием Советского государства на международной арене. И все же Третий интернационал объединил вокруг себя и многие общественные силы и организации, которые искренне стремились преобразовать мир. Когда же надежды на мировую революцию рухнули, была сделана ставка на укрепление СССР как единственного оплота коммунистического движения, притом что многие понимали антидемократический характер его общественного строя.

Как известно, Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП, с 1925 г. — КПП) была основана 16 декабря 1918 г. активистами левого крыла Польской социалистической партии (ППС-левицы) и партии Розы Люксембург² — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). В то же время в России находилась многочисленная польская диаспора, многие представители которой поддерживали большевиков: бывшие политзаключенные, освобожденные в феврале 1917 г.; мобилизованные в царскую армию поляки; возвратившиеся из Швейцарии вместе с В. И. Лениным польские революционеры и др. Они вошли в польскую секцию РКП(б), во главе которой стояло Польское бюро при ЦК РКП(б). В 1919–1920 гг. его секретарем являлся Стефан Бродовский-Братман³, член СДКПиЛ с 1903 г., один из ее руководителей в 1906–1917 гг. В январе 1918 г. он предложил создать Революционный военный совет Польши для подготовки восстания польских рабочих и координации поддержки России [20. С. 128–129].

КРПП же была тесно связана с германскими левыми социал-демократами (спартаковцами) [29. Р. 81–88]. В официально оформившуюся в 1916 г. группу «Интернационал» наряду с Карлом Либкнехтом⁴, Розой Люксембург, Фран-

¹ Польское государство было восстановлено в ноябре 1918 г. и получило название Вторая Речь Посполитая или Польская Республика.

² Люксембург Роза (1871–1919) — уроженка Польши, видный теоретик марксизма, экономист, публицист, стояла у истоков революционной польской социал-демократии, влиятельный деятель германского и польского рабочего движения, активно выступала с антивоенных позиций, для чего организовала «Союз Спартака».

³ Братман-Бродовский Стефан (1880–1937) — участник революции и Гражданской войны, впоследствии советский дипломат. Арестован в июле 1937 г., вскоре расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

⁴ Либкнехт Карл (1871–1919) — адвокат, выступал защитником российских революционеров на судебных процессах в Германии. Один из вождей левого крыла немецкой социал-демократии, основатель СДПГ. Ярko и последовательно выступал с антимилитаристских позиций, в декабре 1914 г. стал единственным депутатом Рейхстага, голосовавшим против военных кредитов. Был убит во время подавления восстания, организованного «Союзом Спартака».

цем Мерингом входили Юлиан Мархлевский⁵, Лео Йогихес (Тышка) и другие польские революционеры. Именно эта группа сформулировала цель создания нового социалистического интернационала и определила его задачи.

В ноябре 1918 г. разразилась революция в Германии и Австро-Венгрии, в конце декабря была создана Компартия Германии (КПГ). Задача объединения усилий революционных сил разных стран стояла достаточно остро. Тем не менее оставались и сомнения, поскольку кроме РКП(б), КПГ и КРПП сложившихся компартий было очень мало. Роза Люксембург направила в Москву программный манифест «Что хочет “Союз Спартака”?». В ее «Рукописи о русской революции», написанной осенью 1918 г. в тюрьме, выражалось несогласие с большевиками, прежде всего по вопросу о демократии [32. С. 341]. Ограничение свободы неизбежно приведет к затуханию жизни в советах, бюрократизированию власти и одичанию общества, считала она.

После гибели Розы Люксембург, Карла Либкнехта и Лео Йогихеса лидеры РКП(б) полагали, что главные их оппоненты, способные воспрепятствовать установлению полного контроля большевиков над будущей международной организацией, исчезли с политической сцены. Однако взгляды этих выдающихся деятелей разделяли такие руководители КПГ, как Клара Цеткин⁶, Пауль Леви⁷, Генрих Брандлер, а также лидеры КРПП Мария Кошутская (Вера Костшева)⁸, Адольф Варский⁹, Юлиан Мархлевский, Хенрик Лауер-Бранд, Эдвард Прухняк¹⁰, Хенрик Валецкий¹¹ и др. Они вслед за Р. Люксембург и Л. Йогихесом выражали определенные сомнения в своевременности создания Коммунистического Интернационала и пребывания его в Москве под опекой РКП(б).

В то же время большинство бывших членов СДКПиЛ и членов польской секции РКП(б) ратовали за скорейшее создание Третьего интернационала. С. Петковский, Ю. Лещинский (Ленский), С. Бобинский были в числе организаторов так называемого Малого интернационала [7. С. 390–391]. Руководству КРПП, в свою очередь, приходилось считаться с тем, что основные финансовые средства поступали для их партии от ЦК РКП(б). В результате оно поддержало предложение В. И. Ленина о создании Коминтерна. Председатель заграничного бюро КРПП Ю. Мархлевский принял в январе 1919 г. участие в совещании по созыву

⁵ Мархлевский Юлиан (1866–1925) — революционер, организатор КИ и МОПРа.

⁶ Цеткин Клара (1857–1933) — известный деятель международного коммунистического движения, входила в число основателей КПГ, активистка борьбы за права женщин, депутат Рейхстага с 1920 г. После прихода Гитлера к власти эмигрировала в СССР, где вскоре умерла.

⁷ Леви Пауль (1883–1930) — адвокат, один из руководителей группы «Спартак», принимал участие в организации возвращения в Россию В. И. Ленина с соратниками в 1917 г. Глава КПГ с 1919 по 1921 г., протестовал против «наступательной стратегии» КИ. Во время съезда Социалистической партии Италии, на который он был послан в январе 1921 г. в качестве представителя Коминтерна, стал свидетелем исторического раскола, приведшего к учреждению компартии Италии, в связи с чем в ИККИ им была направлена критическая записка. Зачастую проявлял независимость взглядов, что привело к его исключению из партии.

⁸ Кошутская Мария (Костшева Вера) (1876–1939) — учительница, деятель польского рабочего движения, теоретик и руководитель КПП, с 1929 г. жила в СССР, в августе 1937 г. арестована, погибла в тюрьме. Реабилитирована в 1956 г.

⁹ Варский Адольф (1868–1937) — организатор Союза польских рабочих, один из создателей СДКПиЛ. В 1926 г. избран в Сейм от КПП. С 1929 г. проживал в СССР, в 1937 г. арестован и расстрелян.

¹⁰ Прухняк Эдвард (1888–1937) — слушатель ленинской школы в Лонжюмо, участник Февральской и Октябрьской революций, член ЦК компартии Польши, член Президиума ИККИ. Арестован в мае 1937, через два месяца расстрелян в Лефортовской тюрьме. Реабилитирован в 1957 г.

¹¹ Валецкий Хенрик (1872–1937) — член ЦК КРПП, проживал в СССР, член Интернациональной контрольной комиссии КИ, редактировал журнал «Коммунистический Интернационал». В июне 1937 г. арестован, приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1956 г.

учредительного конгресса Коминтерна. Его подпись под воззванием совещания «К первому съезду Коммунистического Интернационала» стоит непосредственно за подписью Ленина. В воззвании указывалось: «Нижеподписавшиеся партии и организации считают настоятельно необходимым созыв первого конгресса нового, революционного Интернационала» [20. С. 83–90]. Представитель же КПГ это воззвание не подписал. Более того, Гуго Эберлейн (Макс Альберт)¹² прибыл на учредительный конгресс новой международной организации с предписанием ЦК КПГ возражать против незамедлительного основания Коминтерна. В связи с этим открывшийся 2 марта 1919 г. в Москве форум решено было считать конференцией. ЦК КРПП же предоставило Иосифу Уншлихту¹³, будущему заместителю Феликса Дзержинского по ВЧК, право представлять его на учредительном конгрессе КИ. Делегат от КРПП, как и представители ряда других стран, поддержал предложение Ленина о незамедлительном создании Третьего интернационала и помог убедить Эберлейна воздержаться при голосовании за данное предложение. Это позволило объявить конференцию Первым конгрессом Коминтерна, принять Манифест «К пролетариям всего мира» и другие документы [20. С. 105–113; 31. Ф. 488. Оп. 1. Д. 5а. Л. 40–46; 34. С. 21–216].

В июне 1919 г. ЦК КРПП сообщил в Москву о принятом им решении присоединиться к Коминтерну [31. Ф. 466. Оп. 1. Д. 3. Л. 19; 35. С. 701]. Однако за год существования КРПП не смогла стать сколько-нибудь влиятельной силой в своей стране, продолжая действовать в глубоком подполье и оставаясь, по существу, узкой сектой. Об этом, в частности, свидетельствовало письмо ЦК КРПП в ЦК РКП(б) от 14 января 1920 г. В нем сообщалось о разрухе в стране, полицейском терроре, массовых арестах членов КРПП, включая четырех членов ЦК и около 200 ее функционеров. В ЦК партии в стране работали лишь семь человек, в подпольной типографии – 13. Продолжали действовать 16 городских организаций, в сельской местности – 16 окружных и 84 уездных. 241 человек получали жалование из бюджетных средств партии, которые составляли 855 тыс. марок на год [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 6–8]. Из этого и ряда других сообщений явствовало, что ни о каком революционном выступлении масс в Польше в обозримом будущем речь идти не могла, и единственным средством установить там власть коммунистов является «красная интервенция», в частности, об этом шла речь в записке С. Бродовского о положении в Польше и Восточной Галиции [20. С. 163–166].

Этот путь представлялся руководителям Коминтерна и Советского государства весьма заманчивым и потому, что Польша, с их точки зрения, могла быть либо мостом, либо баррикадой для будущей пролетарской революции в Германии, пролога мировой революции. Презумпция революционной целесообразности главенствовала в их сознании над международным правом, отвергавшимся как классово чуждое, буржуазное. Это касалось и финансирования подрывной работы, в том числе в польской армии. 27 февраля 1920 г. в докладе Польского бюро при ЦК РКП(б) предлагалось «усилить до последней

¹² Эберлейн Гуго (1887–1941) – один из основателей КПГ и Коминтерна, близкий и доверенный человек В. И. Ленина. Участник конгрессов КИ, депутат ландтага Пруссии, в 1933 г. бежал во Францию. В 1937 г. был вызван в Москву, арестован, приговорен к 15 годам лагерей, расстрелян в октябре 1941 г. В 1956 г. реабилитирован.

¹³ Уншлихт Иосиф (1870–1938) – член СДКП и ВКП(б), в 1917 г. член Петроградского ВРК, с 1921 г. – заместитель председателя ВЧК – ГПУ Ф. Э. Дзержинского. Занимал ряд высоких должностей в советских военных органах, начальник Главного управления воздушного флота, организовал ряд добровольных оборонных обществ, среди которых самым массовым был ОСОАВИАХИМ. В июне 1937 г. арестован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной «Польской организации войсковой» (ПОВ). Год спустя расстрелян на полигоне «Коммунарка». В 1956 г. реабилитирован.

возможности» революционную агитацию в польской армии, особенно через КРПП. «Нам известно, что они страдают от недостатка средств. Необходимо послать им деньги по возможности скорее. Дорога через фронт очень опасна (деньги часто пропадают) и длительна. Необходимо использовать дорогу через Германию», — указывалось в этом документе. [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 5].

На открывшейся 3 мая 1920 г. первой конференции КРПП рассматривался вопрос об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм, которыми долгое время пренебрегали. Конференция приняла резолюцию в связи с наступлением польской армии на Украине, указав на необходимость выступить на защиту Советской России от посягательств польского и международного империализма. Подчеркивалось, что образование в Польше республики Советов рабочих депутатов соответствует коренным интересам трудящихся [7. С. 394]. В середине мая Исполком ЦК КРПП назначил Ю. Мархлевского представителем партии в Коминтерне.

Руководство КРПП надеялось, что Красной армии удастся прорвать польский фронт, нанести поражение польской армии, что создаст благоприятные условия для восстания в тылу и захвата власти коммунистами. Выдавая желаемое за действительное, оно сообщало в Москву, что в Галиции крестьяне ждут прихода Красной армии как спасителя [20. С. 172]. В то же время ЦК КРПП предупреждал Москву, что наступление следует предпринимать лишь в том случае, если можно рассчитывать на успех. Рекомендовалось не переходить границу этнической Польши, поскольку это, несомненно, вызовет новый бурный всплеск национализма не только среди крестьян, но и у значительной части рабочих. В этом случае «коммунизму на многие годы был бы нанесен тяжелейший удар» [19. С. 17]. Этот прогноз оказался пророческим, но им пренебрегли.

Несмотря на падение советских республик в Баварии и Венгрии и ослабление активности пролетарских масс в Центральной Европе, к середине 1920 г. революционный энтузиазм буквально захлестнул Коминтерн и его секции, включая КРПП. Руководители Коминтерна и Политбюро ЦК РКП(б), стремясь «прощупать красноармейским штыком» Польшу, и не только ее, не ограничились изгнанием польских войск из пределов Украины, отдав приказ двигаться на Варшаву. 12 июля В. И. Ленин писал И. С. Уншлихту: «Польские армии совершенно разваливаются». Позднее, выступая в сентябре 1920 г. с отчетом на IX конференции РКП(б), В. И. Ленин рассказывал: «Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши [...]. Мы сформулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК [...]. Но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать: не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» [20. С. 198]¹⁴.

¹⁴ Отвечая на данное высказывание Ленина, член ЦК РКП(б) и ИККИ К. Радек заметил: «Теперь т. Ленин показывает новый метод собирания информации: не зная, что делается в данной стране, он посылает туда армию. Я спрашиваю, товарищи, неужели у нас нет других методов, при помощи которых мы могли бы получить те же самые результаты в смысле ознакомления с положением в стране? Владимир Ильич доказывал, что мы узнали о положении в Германии и Англии при помощи щупанья штыками. Если бы Владимир Ильич имел больше времени, чтобы читать иностранные газеты, то он и без штыка узнал бы, что в Германии корниловцы за нас [...] В основе нашей ошибки лежала переоценка зрелости революции в Центральной Европе» [20. С. 202–203]. Радек Карл (1885–1939) — род. во Львове, вырос в Польше. С 1902 г. — социалист, примыкал к левому крылу СДПГ, после ссоры с Р. Люксембург исключен из партии. Эмигрировал в Швейцарию. После Октябрьской революции прибыл в Петроград, где возглавил Отдел внешних сношений ВЦИК. Участвовал в работе учредительного съезда КПП. Считал, что ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии пролетариат не стоял накануне революции, полагал несвоевременным это вторжение Красной армии в Польшу.

Днем ранее, 11 июля, министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон направил советскому правительству ноту, в которой требовал остановить наступление Красной армии за линию Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, заключить перемирие с Польшей, которая отведет свои войска за эту линию. На следующий день Ленин информировал Сталина, Уншлихта и ряд других лиц об этой ноте и предложил ускорить «бешеное усиление наступления» [36. С. 237–238; 37. С. 378].

13 июля Сталин в ответной телеграмме сообщил, что польские армии совершенно разваливаются и от полного распада поляки не скоро оправятся. «Вы совершенно правы, говоря, что у нас хотят вырвать из рук победу [...]. Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда не были мы так сильны, как теперь, поэтому, чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции», — писал он [39. С. 142, 143].

15 июля ответ Ленину направил и Уншлихт, возглавлявший Реввоенсовет Литовско-Белорусской республики и одновременно являвшийся членом РВС Западного фронта. Его предложения не исключали переговоров в Лондоне. На случай, если ко времени подхода к «линии Керзона» договоренности достигнуты не будут, а восстания трудящихся Польши не произойдет, он полагал, что Красная армия должна будет продолжить наступление на территории Польши, вооружая рабочих и батраков, создать временный военно-революционный комитет и провозгласить уничтожение помещичьей собственности и национализацию фабрик. «Дальнейшее пребывание наше в Польше обуславливаем волей рабочих и крестьян», — указывалось в его письме [39. С. 144–145]. Состоявшийся в Москве пленум ЦК РКП(б) 16 июля принял решение отвергнуть посредничество Англии и продолжить наступление Западного фронта по территории Польши.

На втором конгрессе Коминтерна (19 июля — 7 августа 1920 г.) верх взяли левые настроения, хотя, готовя его, Ленин и намеревался предотвратить обострение «детской болезни левизны в коммунизме» [40]. Лево́й ориентации придерживался и возглавлявший ЦК КРПП В. Ковальский-Гжех. Эта точка зрения нашла отражение в подробных инструкциях, направленных польской делегации на конгрессе. В кулуарах данного форума висела карта военных действий в Польше, по которой делегаты следили за стремительным продвижением красных частей. В решениях конгресса указывалось, что задача Коммунистического интернационала «состоит теперь в том, чтобы ускорять революцию» [20. С. 17]. Хотя вопрос о переходе Красной армией границ Польши конгресс Коминтерна не рассматривал, принятые им резолюции укрепили позиции тех, кто выступал за советизацию не только Польши, но и Германии, Финляндии, Италии, Венгрии, Чехии, Румынии, а также высказывался за создание конфедерации из советизированных стран [20. С. 182–184]. В дни работы международного форума 23 июля 1920 г. Ленин уже со всей определенностью писал Сталину в Харьков: «Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение» [33. С. 35]¹⁵.

¹⁵ См. также письмо В. И. Ленина И. Уншлихту от 12 июля [23. С. 53–54].

На следующий же день Сталин направил Ленину свои соображения. Он писал: «Теперь, когда мы имеем побежденную Польшу и более или менее сносную Красную Армию, когда, с другой стороны, Антанта добивается передышки в пользу Польши [...], — в такой момент и при таких перспективах было бы грешно не поощрить революцию в Италии. [...] Мы можем теперь и должны вести политику наступления, если мы хотим сохранить за собой инициативу во внешних делах, которую мы завоевали недавно. Поэтому на очередь дня Коминтерна нужно поставить вопрос организации восстания в Италии и в таких еще не окрепших государствах, как Венгрия, Чехия (Румынию придется разбить)» [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 551. Л. 3—4; 39. С. 148].

30 июля 1920 г. в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши, в который вошли Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон¹⁶ и др. В его задачу входили установление власти на территории, занятой Красной армией, и издание декретов, которые бы содействовали советизации Польши. Однако в середине августа после перехода польской армии в наступление пришло отрезвление. Патриотический подъем в стране привел к молниеносному разгрому Красной армии и пленению более 100 тыс. красноармейцев [41].

В самой Польше начались массовые аресты коммунистов и сочувствующих им, роспуск левых профсоюзов. «По всем данным события застигли партию врасплох», — писал 5 августа Дзержинский Ленину. Он указал, что за р. Нарев отношение населения к Красной армии крайне враждебное, крестьяне угоняют скот, лошадей. На занятых красноармейцами территориях фабрики стоят, снабжение армии и рабочих городов наладить не удалось [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 17]. 11 августа он же информировал Л. Троцкого и ЦК РКП(б) о том, что вся военная сила Белостока и округа состоит из 70 человек. Единственный отряд, находившийся там, накануне был отправлен на фронт. Дзержинский потребовал в срочном порядке отправить для охраны Польшевкома батальон ВЧК [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 21]. Тем не менее, надеясь на изменение военной ситуации к лучшему, 17 августа он советовал Ленину затягивать переговоры с поляками, направив к ним опытного дипломата А. А. Иоффе [31. Ф. 17. Д. 210. Оп. 86. Л. 26.]¹⁷.

Председатель ВЧК полагал, что одной из причин того, что крестьянство не оказало поддержки коммунистам, стали ошибки в аграрной политике партии. 7 сентября комиссия ИККИ в составе Ю. Мархлевского, Н. И. Бухарина и И. И. Скворцова-Степанова утвердила тезисы по аграрной политике. В них предлагалось экспроприировать помещичьи земли, передав их в ведение фольварочных комитетов, убедить крестьян, что их земли — это неприкосновенная их собственность, не призывать **пока** к разделу земель богатых крестьян [31. Ф. 17. Оп. 86. Д. 210. Л. 27—29] (выделено нами. — *Н.Л., Н.Т.*). Дзержинский же считал, что помещичьи земли надо отдать крестьянам, чтобы обеспечить их поддержку новой власти.

¹⁶ Кон Феликс (1864—1941) — польский революционер, был сослан в Сибирь, долго жил в Иркутске, Минусинске, Туве, где занимался этнографическими и антропологическими исследованиями коренных народностей. С 1907 по 1917 г. — в эмиграции в Швейцарии. Вернулся в Россию вместе с Лениным. Комиссар Харьковской губернии по польским делам, член коллегии польского бюро при ЦК РКП(б), член Польшевкома, сменил В. М. Молотова на посту председателя ЦК КП Украины, от имени СССР им подписан первый мирный договор. Летом 1922 г. участвовал в показательном процессе над социалистами-революционерами в Москве. Возглавлял газеты «Красная звезда», журнал «Мурзилка», затем занимал должность заведующего сектором искусств Наркомпроса, был первым председателем Всесоюзного комитета по радиовещанию. Скончался во время эвакуации из Москвы.

¹⁷ См. также пункт 1 протокола Политбюро ЦК РКП(б) от 10 августа 1920 г. «О Польше» [23. С. 57].

Польская кампания Красной армии нанесла колоссальный урон идее мировой революции, усилила неприязнь и недоверие подавляющего большинства поляков к ее восточному соседу [42]. IX конференция РКП(б) признала военные и иные ошибки, но не подвергла сомнению необходимость идти с оружием в руках, чтобы «помочь» польским и другим рабочим установить рабоче-крестьянскую власть. Не желая признать в корне неправильной политику в отношении Польши летом 1920 г., Сталин, Ленин, Троцкий, Каменев пытались взвалить ответственность друг на друга, а также на несознательность польских рабочих, на бездействие КРПП. К. Ворошилов писал С. Орджоникидзе о жестоких боях с «проклятой темной Польшей», подчеркивая, что совершенно сознательно употребил это выражение. «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к “русским”», — указал он [39. С. 156]. «Несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца», — заявил Ленин. Его критик К. Радек, в свою очередь, считал: «Движение растет быстро. Если завтра вспыхнет революция в Италии, то она может коренным образом изменить положение в Европе. Я отнюдь не говорю, что в продолжении зимней кампании или весной перед нами не встанет ситуация, когда надо будет решительно идти напролом не для шупанья, а для того, чтобы помочь рабочей революции на Западе» [20. С. 199, 203]¹⁸.

В резолюции конференции РКП(б) от 22 сентября 1920 г. по поводу доклада представителя КРПП вопреки фактам констатировалось, что передовые рабочие Польши «вполне признали поддержку вооруженной рукой дела советизации Польши и не делали ни малейших уступок, ни национализму, ни пацифизму» [20. С. 205].

Попытки Коминтерна и его секций и в дальнейшем продолжить безоглядное наступление на мир капитала окончились полным провалом. В сентябре 1920 г. потерпело поражение движение итальянских рабочих за захват фабрик и заводов; в октябре в Румынии армия и жандармерия подавили всеобщую политическую забастовку; не достигла своих целей и всеобщая стачка в декабре в Чехословакии. В марте 1921 г. было потоплено в крови выступление рабочих в Средней Германии, в апреле захлебнулась, не достигнув своих целей, забастовка английских углекопов.

Все это лишь усилило реформистские настроения в рабочем классе, укрепило позиции партий Второго интернационала. Волна репрессий обрушилась на компартии, большинство из которых вынуждены были уйти в подполье. В Польше в тюрьмы были посажены более семи тысяч коммунистов и сочувствующих им. В этих условиях руководство РКП(б) и ИККИ разработало новую стратегию и тактику, рассчитанную не на штурм, а на длительную осаду старого мира. Для этого требовалось прежде всего завоевать большинство рабочего класса на свою сторону.

¹⁸ Бухарин же в статье «О наступательной тактике», опубликованной в декабрьском номере (№ 15) журнала «Коммунистический Интернационал», писал: «Если современная буржуазия прекрасно помогает друг другу и не гнушается принимать эту помощь, то как же интернациональный пролетариат может отказаться от вмешательства в интересах социализма и его победы? [...] С другой стороны, раз “вмешательство” уже началось (началась внешняя “советизация”) коммунистические партии обязаны ее поддержать со всей энергией. Иначе простая измена и дезертирство с поста [...]. Революция может победить только как мировая революция. Мы это твердили тысячу раз. Поэтому всякая возможность ускорить крах капитализма в других странах есть революционная необходимость».

Провал попытки советизировать Польшу с помощью Красной армии побудил и руководство КРПП приступить к более тщательной и кропотливой работе по расширению влияния в массах. На второй конференции КРПП в феврале 1921 г. впервые был поставлен вопрос о союзниках пролетариата в революции. Тем не менее ППС по-прежнему рассматривалась как агентура буржуазии в рабочем движении. У руководства партии остались В. Ковальский-Гжех, В. Дмовский и другие представители левого крыла партии. В то же время в делегацию КРПП на третьем конгрессе Коминтерна, проходившем с 22 июня по 12 июля 1921 г., вошли и сторонники борьбы за привлечение на сторону коммунизма большинства рабочего класса (А. Варский, Х. Валецкий, Э. Прухняк, Ю. Мархлевский и др.). Поражение на конгрессе сторонников «тактики наступления» тем не менее не означало торжества реального курса на сотрудничество с социал-демократическими партиями. Цель заключалась лишь в том, чтобы, проникнув в их низовые организации и профсоюзы, расположить к себе массы рабочих. Планировалось интенсифицировать работу и среди других слоев населения, прежде всего крестьянства. 3 декабря 1921 г. ИККИ, обсудив польский вопрос, предложил немедленно выпустить воззвание в связи с подготовкой польскими властями чрезвычайного закона против коммунистов [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 1. Л. 31].

После третьего конгресса КИ внутри КРПП продолжилась острая борьба по вопросам стратегии и тактики. Ультралевая группировка Слюсарского – Гжеха, отрицавшая необходимость использования буржуазного парламента, отвергла саму идею сотрудничества с социал-демократами, выступила против НЭПа в Советской России. И все же вопреки ей в начале 1922 г. ЦК КРПП одобрил в принципе тезисы ИККИ о тактике единого фронта, но выступил категорически против каких-либо переговоров и соглашений с ППС и другими партиями социал-демократического толка [31. Ф. 461. Оп. 1. Д. 32958. Л. 804–807]¹⁹.

Вновь вопрос обсуждался на третьей конференции КРПП в апреле 1922 г. На этот раз коммунисты несколько изменили абсолютно негативное отношение к возможности сотрудничества с другими политическими партиями рабочего класса. По их инициативе 1 мая в ряде промышленных центров были проведены совместно с ППС демонстрации рабочих в поддержку единого фронта и решений Берлинской конференции исполкомов трех Интернационалов. Вскоре после этого «левые» обратились в ИККИ с обвинением ЦК КРПП в оппортунизме. Для рассмотрения их письма на IV конгрессе Коминтерна была создана польская комиссия, в которую вошли Христо Кабакчиев²⁰, Евгений Варга²¹, Иосиф Уншлихт, Карл Радек, Отто Куусинен. Они отвергли обвинения «левых» как не подтвержденные фактами из деятельности ЦК КРПП и противоречащие

¹⁹ См. также резолюцию конференции КРПП об отношении к парламентаризму и участию в выборах в сейм (ранее 13 сентября 1921 г.) [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 20–24]. Валецкий и Мархлевский были назначены представителями КРПП в ИККИ и в Исполком Профинтерна [31. Ф. 495. Оп. Д.1. Л. 69].

²⁰ Кабакчиев Христо (1878–1940) – историк, журналист, член партии «тесных социалистов», секретарь Болгарской коммунистической партии. В январе 1921 г. КИ направил его для участия в съезде Социалистической партии Италии (именно тогда коммунистическая фракция образовала ИКП). Участвовал в Сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии, был арестован. После освобождения с 1927 г. проживал в СССР, работал в Институте марксизма-ленинизма, в Институте истории АН СССР.

²¹ Варга Евгений (1879–1964) – член левого крыла Венгерской социал-демократической партии, экономист. После установления советской власти в Венгрии в 1919 г. стал народным комиссаром финансов. После разгрома бежал в Советский Союз, где активно участвовал в работе Коминтерна, руководитель Статистико-информационного института ИККИ в Берлине (Бюро Варги). С 1927 по 1947 г. – директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР.

документам. «То, что названные товарищи считают проявлением оппортунизма и ликвидаторства в политике ЦК КРПП, есть начало применения польским ЦК тактики Коминтерна [...] Критику [со стороны] тов. Слюсарского и поддерживающих его товарищей надо считать направленной против политики Коминтерна, принятой третьим и четвертым съездами», — говорилось в решении комиссии [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 40–43]²². После августовского отчета о состоянии дел в КРПП Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение ассигновать польской компартии 50 тыс. золотых рублей в валюте [31. Ф. 495. Оп. 123. Д. 6. Л. 9–19; Ф. 558. Оп. 2. Д. 40. Л. 1]. 19 декабря 1922 г. ИККИ направил очередное письмо «левым», в котором снова осудил позицию Слюсарского и его сторонников как ошибочную и противоречащую позиции Коминтерна. «Тактика единого фронта, примененная в Польше, тактика единого пролетарского фронта, выработанная в период между третьим и четвертым конгрессами и подтвержденная решениями IV конгресса, является одной из важнейших задач Коммунистической партии Польши», — указывалось в нем [44. С. 246]²³.

Что же побудило ИККИ и ЦК РКП(б) на следующем, V конгрессе КИ, проходившем 17 июня — 8 июля 1924 г., обрушить на руководство КРПП буквально шквал обвинений в оппортунизме и других смертных грехах? Дело в том, что лидеры польских коммунистов, находившиеся в Москве, не раз занимали самостоятельную позицию, выступали против отнюдь не демократических методов Политбюро ЦК РКП(б) и председателя ИККИ Григория Зиновьева, расправлявшихся с неугодными Кремлю деятелями германской, французской, итальянской и других коммунистических партий — секций Коминтерна [45. С. 187, 188; 29. Р. 79]. Их заступничество в отношении деятелей иностранных компартий, хотя и вызывало раздражение, тем не менее не стало поводом для ожесточенных нападок на польских лидеров. 18 октября 1923 г. Сталин в связи с обсуждением на заседании Политбюро вопроса об отношении Польши и других к Германии в случае революции в этой стране написал: «Коппа задержать. Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать). Румын купить. А с поляками подождать» [23. С. 208, 233–239].

Однако стоило последним высказаться против сталинских методов борьбы с неугодными деятелями в самой РКП(б), как последовала жесточайшая реакция. 23 декабря 1923 г. пленум ЦК КРПП направил в ИККИ и Политбюро ЦК РКП(б) письмо. В нем выражалась не только озабоченность по поводу ошибок ИККИ в германском вопросе, в том числе инспирирование им двух провалившихся путчей в 1921 и 1923 гг. в Германии, но и несогласие со сталинскими методами осуждения оппозиции в РКП(б), в первую очередь Л. Д. Троцкого. Подчеркивалось при этом, что ЦК КРПП не поддерживает политическую линию Троцкого, но считает важным отстаивать право коммунистов на дискуссию, на высказывание и иных мнений, чем те, которые выражают Сталин — Зиновьев — Каменев. Польские лидеры полагали целесообразным обсудить нездоровую ситуацию в РКП(б) на предстоящем пятом конгрессе Коминтерна [29. Р. 85].

²² См. также резолюции мартовского пленума ЦК КРПП и резолюцию от 17 ноября по поводу ареста польского депутата Рыбацкого [31. Ф. 495. Оп. 123. Л. 1–16; 41].

²³ 7 августа 1923 г. Сталин писал Зиновьеву, что не следует подталкивать КПГ к решительным действиям, ибо их разобьют. Но уже 20 сентября он считал, что «революция назрела, надо взять власть». В протоколе Политбюро от 4 октября 1923 г. уже назначался срок восстания в Германии — 9 ноября и направлялась в Германию «четверка» [23. С. 160]. Однако события развивались вопреки расчетам Сталина.

21 января 1924 г. в Президиум ИККИ было направлено заявление польской делегации в ИККИ, подписанное Эдвардом Прухняком, относительно политических тезисов ИККИ о событиях в Германии в октябре 1923 г. Признавая ошибки представителей правого крыла Компартии Германии, таких как К. Цеткин, Г. Брандлер, А. Тальгеймер, В. Пик и др., польские товарищи подчеркнули, что эти люди составляют самое старое, испытанное и закаленное ядро партии. Они выступили против их травли «левыми коммунистами»: «Травля эта нередко противоречит духу большевизма и носит демагогический характер». Определенная ответственность за октябрьский путч в Германии возлагалась и на ИККИ [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 263. Л. 6–9].

Выступая на пятой конференции Компартии Западной Украины (КПЗУ), Вера Костшева так объяснила намерения ЦК КРПП: «В этих письмах была высказана тревога за судьбу РКП, ввиду того характера, которая приняла дискуссия. ЦК КРПП написал письмо против заострения дискуссии, а также против того, чтобы дискуссия велась в направлении, которое могло бы сделать невозможным дальнейшее сотрудничество тов. Троцкого и тов. Радека в Коминтерне и ЦК РКП. По вопросам чисто организационным ЦК КРПП стоит на точке зрения ленинизма». Однако в решении конференция КПЗУ отметила, что ЦК КРПП занял неопределенную позицию по вопросу о дискуссии в РКП(б), «в действительности поддержав оппозицию» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 264. Л. 76].

Как справедливо указал польский историк Феликс Тых, Сталин, имевший в это время все основания рассчитывать на победу в битве за ленинский «трон», опасался, как бы Коминтерн не стал независимым от Политбюро ЦК РКП(б) органом и не смог вмешиваться в его усилия добиться неограниченной власти [23. С. 233–239. 29. Р. 86]. По настоянию Сталина, на V конгрессе Коминтерна, проходившем 17 июня – 8 июля 1924 г., была создана специальная польская комиссия под его личным председательством. Она заседала с 1 по 5 июля 1924 г. [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–38; Д. 246. Л. 1–53; Д. 249. Л. 1–72]. Открыл ее первое заседание И. Уншлихт, который намеревался огласить резолюцию ИККИ о КРПП, чтобы задать тон дискуссии. Однако Сталин, стремясь создать впечатление беспристрастного разбирательства, предложил вначале выслушать представителей двух направлений в КРПП. От «левых» первым выступил Ю. Ленский (Лещинский), подчеркнувший, что резолюция ИККИ, которая осуждает оппортунистические ошибки КРПП, предрешила решение вопроса. Он указал, что Компартия Польши должна перестать быть барьером между революционным ленинизмом России и революционным ленинизмом Запада. Чтобы этого достичь, считал он, необходимо: 1) выправить политическую линию коммунистов Польши; 2) дать ответ на кардинальные вопросы тактики; 3) сделать так, чтобы революционная тактика проводилась не на словах, а на деле. Ленский высказался за создание здорового, большевистского хребта партии, подготовку революционных кадров и обеспечение революционного (т.е. «левого») руководства партией [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–14; 43].

Ленского поддержал Л. Скульский, указавший, что он и его сторонники не одобрили декабрьское и январское письма ЦК КРПП в Политбюро ЦК РКП(б) и ИККИ по русскому и германскому вопросам. На мартовском же пленуме ЦК КРПП пришел к пониманию того, что им совершена огромная политическая ошибка [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 16–25].

С обвинениями в адрес всей Компартии Польши выступили и представители Украины в ИККИ Николай Скрипник и Александр Шумский, а также ЦК КПЗУ. В заявлении Костшевой, Прухняка, Валецкого и Варского от

26 июня подчеркивалось, что они разделяют тактическую линию ИККИ, положенную в основу доклада Зиновьева, что именно эта линия проводилась компартией в Польше, что она нашла воплощение в тезисах, одобренных пленумом ЦК КРПП в марте 1924 г. [31. Ф. 492. Д. 243. Л. 34].

Нападки «левых» (Ю. Лещинского, Л. Домского, З. Осинской, Я. Дмовского, Г. Рваля) на авторов заявления стали особенно острыми еще в начале 1924 г. Рваль, в частности, писал в ИККИ в марте, что их партия стоит вместе с Г. Брандлером в лагере ликвидаторов и таким же лагерем ликвидаторства в России. «Это опасность, о которой недостаточно сигнализировать, но против которой необходимо бороться беспардонно», — подчеркнул он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 38]. Варский, выступая на заседании польской комиссии 1 июля 1924 г., в очередной раз заявил, что они никогда не поддерживали Троцкого и всегда солидаризировались с позицией ЦК РКП(б). В то же время он напомнил о выступлениях Розы Люксембург против методов российской Октябрьской революции. Ведь она восставала против всего того, что составляло систему в большевистской революции, высказывалась против решений большевиков в национальном и аграрном вопросах, выступала против разгона Учредительного собрания, против организационной структуры партии. «И вот мы были тем, чем была Роза Люксембург, мы ее духовные дети. То, что переживала она, переживала вся наша партия», — сказал он [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 243. Л. 26–38]. Но именно это и не устраивало Сталина, Зиновьева и их сторонников.

Костшева в заявлении на Польской комиссии V конгресса Коминтерна поблагодарила Сталина за попытку разобраться во внутренних вопросах КПП и выявить ее больные места. Она признала, что в их работе было много недочетов, поскольку они долгое время оставались вне Польши. Но упрек в том, что они были якобы «польским отделением оппортунистической группировки или тенденций в русской и германской партиях» она назвала безосновательным. «Во-первых, что касается русского вопроса. Тут я должна прежде всего отвести раз навсегда то, что говорилось о нашей мнимой дипломатии. Если тов. Зиновьев позволил себе с трибуны Коминтерна такие выходки по отношению к нам, то это лишь доказывает, что он нас недостаточно знает, недостаточно оценивает. Как председатель Коминтерна он все-таки должен был лучше знать тех, кто долгое время руководил партией и лучше должен был их оценивать. Я не стану здесь полемизировать с утверждениями о перемене нашей ориентации и указываемых тут ее причинах, ибо я считаю вообще этот тон по отношению к нам недопустимым. Мы говорили и прежде, и теперь именно без дипломатии то, что нам диктовало глубокое убеждение. Теперь еще раз о наших разногласиях. Тов. Сталин говорил о нас как о сентиментальных людях, которые вообще боятся борьбы и которые хотят, чтобы все было шито-крыто. Плохо попали, товарищ. Кто так, как я, пережил три раскола, знает превосходно, что такое борьба в партии. Мы не раз боролись не на жизнь, а на смерть, с товарищами, которые стали для нас потом бывшими товарищами. Боролись затем без шуток и в коммунистической партии. И если тут тов. Шумский, например, заявляет, что недостаток нашей партии именно то, что у нас никогда не было острой борьбы, то это доказывает только то, что этот товарищ любит говорить о том, о чем не имеет ни малейшего представления. Мы здорово боролись прежде всего из-за аграрного вопроса». Костшева нашла в себе смелость заступиться за Троцкого, которого не считала оппортунистом, но личностью, в силу неординарности, не сумевшей усвоить большевизм. Она остановилась и на пассивности германского пролетариата. «Говорить только о вине Брандлера или Радека — это значит мешать тому, чтобы пролетариат учился на основании тяжелого опыта и сделанных ошибок.

Тот поворот, который теперь сделал Коминтерн, вполне идет по той линии, которой мы придерживаемся и которую мы наметили уже на нашем мартовском пленуме. И если тов. Молотов думает, что нам не нравится V конгресс в смысле этого выпрямления линии и сделанного тактического поворота, то он ошибается», — указала она [31. Ф. 492. Д. 258. Л. 1—9].

После Прухняка, Костшевой, Валецкого выступили Молотов и Сталин. Молотов счел нужным отделить сокрушительную критику руководства КРПП от оценки деятельности всей партии. Он указал, что Скрыпник и Шумский перешли все допустимые границы в нападках на партию в целом, и подчеркнул, что, несомненно, за последние годы партия выросла «вопреки плохому руководству». В основных тактических вопросах партия заняла более правильную политическую линию, то же касается и программных вопросов. Молотов не согласился и с критикой в адрес депутата сейма от КРПП Стефана Круликовского левым коммунистом В. Домским, указав, что выступления последнего по национальному вопросу вряд ли приемлемы для большевика. Тем самым он невольно засвидетельствовал, что замена «левых» в руководстве партией сторонниками А. Варского пошла ей на пользу [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 13—15].

Сталин же не стал прибегать к камуфляжу. Он заявил со всей категоричностью, что прения в польской комиссии установили факт, что польская партия переживает ненормальное положение, внутри нее кризис, она больна и причина ее болезни в грехах лидеров этой партии. Председатель комиссии подчеркнул, что русский вопрос имеет решающее значение для всего революционного движения как на Западе, так и на Востоке. «Почему, — задал он вопрос и сам ответил, — потому что советская власть есть база, это оплот, прибежище революционного движения всего мира. И если в этой базе, то есть в СССР, власть начинает колебаться, значит, все революционное движение во всем мире должно потерпеть какой-то минус [...]. Колебание, ослабление дисциплины, разлад внутри партии, стоящей у власти, это есть колебание власти, это расшатывание основ, опоры революционного и международного движения, которое называет-ся у нас советской властью» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 22—25]²⁴.

Говоря о значении германского вопроса, Сталин отметил, что победа революции в Германии будет означать ее победу во всей Европе. Только Германия может взять на себя инициативу в этом отношении и революционизировать Европу. Преемник Ленина обвинил польскую, германскую, французскую и английскую партии в том, что они в перестройке революционной работы скатились на парламентские рельсы. А ведь еще совсем недавно, на III и IV конгрессах КИ делегатов подвергали жесткой критике именно за то, что их компартии не уделяли внимание завоеванию масс, не участвовали в парламентских выборах и не использовали парламенты как трибуну для агитации.

Демагогическое по сути выступление Сталина подействовало на большинство польских делегатов V конгресса Коминтерна, многие из которых были практическими работниками и слабо разбирались в вопросах большой политики. Вопреки существующему порядку Бюро ЦК КРПП по предложению Сталина было избрано лишь членами делегации, многие из которых не были членами Центрального Комитета. В результате в бюро ЦК КРПП попали только представители «левых» (В. Гржегожевский, Л. Скульский, А. Краевский, Казик,

²⁴ В. Костшева, отвечая Сталину, отвергла его обвинения. Она считала, что Троцкого надо не отталкивать, а связать с большевизмом, что для руководства РКП и Коминтерна опасны не люди, которым можно поломать кости, но те, у кого «вовсе нет костей» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 258. Л. 1—9].

Беньковский). Представителем в ИККИ стал Гржегожевский, его заместителями В. Богуцкий и от КПЗУ — Недобытый.

В резолюции польской комиссии было записано: «ЦК КРПП, политически руководимый группой Варского, Костшевой и Валецкого, оказался, при всей своей революционности на словах, не способным проводить на деле революционную линию КИ. Проводимая им политика, которая лишила партию революционной боеспособности, являлась продолжением оппортунистических традиций и навыков руководящей группы ЦК, навязавшей партии свою позицию. Используя свое исключительное положение по отношению к нелегальной партии и являясь ее единственными информаторами по вопросам интернациональной политики, эти товарищи вводили партию в заблуждение относительно тактической и организационной линии Коминтерна, в частности, РКП и КПГ, дабы сделать из партии орудие правых элементов в КИ. В особенности же они скрыли перед партией действительное положение в РКП и свою деятельность в пользу оппозиции, несмотря на понимание громадной важности этого вопроса для международного рабочего движения» [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 249. Л. 73–74; Д. 270. Л. 6–7].

Комиссия приняла решение обратиться к КРПП с открытым письмом ИККИ «Ко всем членам партии Польши»; экстренно созвать конференцию КРПП для «выпрямления» политической линии партии в духе постановлений Коминтерна, разрешения очередных задач партии и обновления состава ее ЦК [31. Ф. 492. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–10].

В письме ИККИ, адресованном членам КРПП и тщательно отредактированном самим Сталиным, указывалось, что группа вождей их партии бросила свое влияние на чашу весов оппозиции против РКП, а значит, и против Советской власти. «Эта группа, руководившая до сих пор деятельностью Центрального Комитета Компартии Польши, борясь с линией Коминтерна, сделала невозможной проведение на практике революционной тактики большевизма», — указывалось в этом документе [31. Ф. 558. Оп. 1. Д. 762. Л. 4; 15. С. 386]²⁵.

Видный деятель германского и международного рабочего движения Август Тальгеймер, подводя в одной из статей итоги рассмотрения V конгрессом Коминтерна польского вопроса, указал, что ЦК КРПП стоял по существу на линии ЦК РКП(б), но пытался играть роль посредника в конфликте с Троцким, Радеком и смягчить его острие. «На этой почве произошел кризис польского руководства, причем внезапно группа старейших товарищей в польском движении (Варский, Прухняк, Костшева, Валецкий), руководившие до сих пор партией, оказались оппортунистами или правыми, а остальные оказались «левыми», включая сюда заграничных товарищей из «левой» оппозиции, не имевших до сих пор никакого влияния» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 53–54].

Чешский коммунист Карел Крейбих, в свою очередь, отмечал, что Варский, друг Розы Люксембург, Валецкий и другие до кризиса в русской партии считались лучшими коммунистами и никто не мог их даже заподозрить в оппортунизме или ставить под сомнение их верность коммунизму. «В русском вопросе они целиком одобряли конкретную линию ЦК, но пытались в конфликте между ЦК и Троцким сыграть роль посредников, улаживающих дело. Этого оказалось достаточно, чтобы удалить их как оппортунистов из ЦК польской партии, передав его целиком в руки “левых”» [31. Ф. 324. Оп. 1. Д. 588. Л. 126–127].

²⁵ 24 декабря 1924 г. была утверждена смета расходов ИККИ. В ней КПГ выделялись на год 1 млн 35 тыс. золотых рублей, Компартии Франции 600 тыс., КПП — 240 тыс., КП Италии — 180 тыс., КП Чехословакии — 90 тыс. [23. С. 286].

Чтобы избежать каких-либо осложнений с КРПП, Политбюро ЦК РКП(б) 3 января 1925 г. приняло решение создать «для руководства польской партийной конференцией» комиссию, включив в нее Дзержинского, Уншлихта, Зиновьева, Рыкова, Сталина и Бухарина. Комиссии поручалось рассмотреть все данные о состоянии движения в Польше, особенно на ее окраинах, и доложить в Политбюро [27. С. 11].

На третьем съезде КРПП, проходившем с 14 января по 5 февраля 1925 г. под бдительным присмотром учрежденной Политбюро ЦК РКП(б) комиссии, главными стали вопросы «большевизации» партии, осуждение троцкизма, тактика единого фронта, работа в деревне и национальная политика. Партия, как бы порывая с прошлым, даже изменила название, и стала именоваться Коммунистическая партия Польши.

Спустя несколько дней ИККИ обратилось в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением наладить в Москве постоянное издание ежемесячного теоретического органа КПП, и 19 февраля 1925 г. оно было поддержано. Журнал был призван обеспечить «устойчивость теоретической линии партии», а также систематическое проведение в жизнь решений V конгресса Коминтерна и III съезда КПП [27. С. 11–12; 38. С. 273–274]²⁶. В совещательный комитет при редакции журнала были введены М. Бронский, С. Бобинский, А. Варский, В. Богущкий, Ф. Трускер, а в руководство редакции помимо представителя от КИ были представлены Ф. Э. Дзержинский и У. С. Уншлихт²⁷.

Судя по интенсивности, с которой польские вопросы рассматривались руководством партии большевиков [46], и решительным мерам, предпринятым для смещения влиятельных и принципиальных лидеров КПП, польскую секцию КИ можно по праву назвать «слабым звеном» той жесткой, забюрократизированной и весьма ресурсозатратной системы управления левыми политическими движениями в Европе, да и в мире, каким стал Коммунистический интернационал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Коммунистическая партия Польши за антифашистский народный фронт. М., 1935.
2. *Нашковский М.* Неспokoйные дни. М., 1962.
3. *Хренов И.* Коммунистическая рабочая партия Польши на путях превращения в партию нового типа (1918–1923) // Из истории польского рабочего движения. М., 1962.
4. *Стецкевич С. М.* Рабочее движение в Польше в 1918–1919 гг. Л., 1966.
5. *Яжборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября 1918–1923. М., 1967.
6. *Яжборовская И. С.* Идейное развитие польского рабочего движения. М., 1973.
7. *Неволина В. С.* Коминтерн и революционное сотрудничество РКП(б) и КРПП (1918–1923) // СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1.
8. *Тыменецкая А.* Роль КПП и левых социалистических сил в борьбе за дружбу с Советским Союзом в межвоенный период. // СССР и Польша. Интернациональные связи — история и современность. М., 1977. Т. 1.

²⁶ При этом подчеркивалось: «Редакция работает под контролем ЦК КПП». 28 февраля представитель КПП в ИККИ направил письмо Сталину (копию Дзержинскому) с обоснованием необходимости обмена двух арестованных польских офицеров-марксистов на ксендза и польского дипломата с семьей, содержащихся на Лубянке. Ранее офицеры Богинский и Вечоркевич были обвинены польскими властями в организации серии взрывов и приговорены судом к смертной казни. Данная мера была заменена на 15 лет заключения. В письме от 2 апреля польский представитель в ИККИ предлагал развернуть широкую кампанию в связи с их убийством, совершенным в ходе обмена одним из конвоиров, испытывавшим чувство ненависти к коммунистам, в состоянии аффекта. В СССР событие получило широкую огласку, именами погибших были названы несколько улиц [38. С. 301; 31. Ф. 455. Оп. 123. Д. 47. Л. 5, 17].

²⁷ 15 марта 1925 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О партшколе Компартии Польши» в Москве. Однако в том году партшкола была создана только во Франции.

9. *Tych F., Schumacher H.* Julian Marchlewski. Warszawa, 1966.
10. *Swietlikowa F.* Komunistyczna Partia Robotnicza Polski. Warszawa, 1968.
11. *Rechowisz P.* Konsekwenta Lewica – Komunistyczna Partia Polski. Warszawa, 1972.
12. *Kolebacz B.* Komunistyczna partia Polski. 1923–1929. Warszawa, 1984.
13. *Фирсов Ф. И.* К вопросу о тактике единого фронта в 1921–1924 гг. // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10.
14. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
15. *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Под диктовку Сталина... (О репрессиях против Коммунистической партии Польши) // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
16. *Фирсов Ф. И.* Сталин и Коминтерн // Вопросы истории, 1989. № 9.
17. *Фирсов Ф. И.* Коминтерн: опыт, традиции уроки – нерешенные задачи исследования // Коминтерн: опыт, традиции и уроки. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию Коммунистического Интернационала. М., 1989.
18. *Фирсов Ф. И.* Партии и Коминтерн // Коммунист. 1991. № 7.
19. *Tragedia Komunistycznej Partii Polski.* Ed. Maciszewski J. Warszawa, 1989.
20. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я. С. Драбкин. М., 1998.
21. Коминтерн против фашизма / Отв. ред. Н. П. Комолова. М., 1999.
22. Коминтерн и Вторая мировая война. В 2 ч. / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев Н. С. Лебедева и М. М. Наринский. М., 1994; 1998.
23. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 / Сост. Г. М. Адиебеков, Ж. Г. Адиебеков, Л. А. Роговая, К. К. Щириня. М., 2004.
24. *Фирсов Ф.* Секреты Коммунистического интернационала. Шифропереписка. М., 2011.
25. *Лебедева Н. С.* Коминтерн и Польша. 1939–1943 годы // Международная жизнь. 1993. № 8.
26. Польско-советская война 1919–1920 гг. Ранее неопубликованные документы и материалы / Под ред. И. Костюшко и М. Черник. М., 1994.
27. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 / Ред. И. Костюшко. М., 1997.
28. *Lebiediewa N., Mitzner P.* Wyrok na odstepce // Karta. 1994. № 12.
29. *Tych F.* The KPD–KPP Political «Axis» against Zinov'ev – Stalin in the Communist International 1919–1924 // Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents / Ed. by M. Narinski and J. Rojahn. Amsterdam, 1996.
30. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн. Первые десять лет. М., 1993.
31. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.
32. *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. М., 1991.
33. История Коммунистического Интернационала 1919–1943. Документальные очерки / Отв. ред. А. О. Чубарьян, М., 2002.
34. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. М., 1933.
35. Коммунистический интернационал. 1919. № 5.
36. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1970. Т. 51.
37. В. И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1970. Т. 7.
38. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2008.
39. Большевицское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. документов / Сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 1996.
40. *Ватлин А. Ю.* Второй конгресс Коминтерна: точка отсчета истории мирового коммунизма. М., 2018.
41. *Матвеев Г. Ф., Матвеева В. С.,* Польский плен: Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
42. *Яжборовская И. С., Парсаданова В. С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
43. Постановления IV всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Петроград, 1923.
44. *Молчанов Ю. Л.* Коминтерн: у истоков политики единого пролетарского фронта. М., 1969.
45. Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стеногр. отчет. Л., 1925. Ч. 1–2.
46. *Ватлин А. Ю.* Взаимоотношения ВКП(б) и Коминтерна в 20-е годы. Автореф. докт. диссертации. М., 1998.

НАЧАЛО ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ ЮГОСЛАВСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАПАД В 1949 году (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

© 2020 г. Б.С. Новосельцев

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

bnovoseltsev@yandex.ru

В статье на основе американских архивных данных, относящихся к деятельности ЦРУ и администрации президента Г. Трумана и опубликованных в сети интернет, а также ряда других источников исследуются обстоятельства переориентации внешней политики ФНРЮ в направлении США и других западных стран после советско-югославского конфликта 1948 г.

The article based on American archival data related to the activities of the CIA and the Administration of President Truman and published on the Internet, as well as a number of other sources, examines the circumstances of the reorientation of the foreign policy of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia in the direction of the United States and other Western countries after the Soviet-Yugoslav conflict in 1948.

Ключевые слова. Югославия, США, внешняя политика, Йосип Броз Тито, советско-югославский конфликт.

Keyword. Yugoslavia, USA, foreign policy, Josip Broz Tito, the Soviet-Yugoslav conflict.

DOI: 10.31857/S0869544X0011089-0

Причины, развитие и влияние советско-югославского конфликта (1948), на политику двух государств и на изменения в международных отношениях в начале холодной войны, хорошо изучены в отечественной и зарубежной историографии (см., например [1–7]).

1949 г. ознаменовался дальнейшей эскалацией конфликта и свертыванием многих политических, партийных, экономических и культурных связей между Югославией и СССР, а также странами советского блока. Руководство Коммунистической партии Югославии (КПЮ) настаивало на признании принципа равенства сторон. В свою очередь в Кремле в условиях холодной войны возобладавало представление о необходимости еще больше усилить влияние Советского Союза в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Такая задача предполагала, в том числе, навязывание этим странам «советской модели» социализма, противостояние возможности распространения там идей «национального коммунизма» и начало чисток в отношении

политических элементов, потенциально враждебных СССР. В этой связи Москва не могла себе позволить пойти на компромисс с югославами и требовала полного принятия своих условий, одним из которых было отстранение от власти маршала Йосипа Броза Тито. Было очевидно, что последнее практически неизбежно привело бы к физическому устранению югославского лидера и связанных с ним политических деятелей.

В Кремле, судя по всему, недооценили устойчивость режима Тито: большая часть югославов (и, что важнее, партийных функционеров, офицеров и силовиков) оказала ему поддержку, меньшая, известная как «информбюровцы», стала политическими эмигрантами, или подверглась репрессиям.

В сложившейся после конфликта обстановке экономического и политического (см., например [8]) давления на Югославию, а также участвовавших военных провокаций на границах [9. I-3-b/664], актуальной внешнеполитической задачей руководства страны стал поиск новых партнеров. Это означало бы прорыв намечавшейся международной изоляции страны и уменьшение опасности возможной советской интервенции. Обстоятельства постепенного «разворота на Запад» руководства ФНРЮ в конце 1940 — начале 1950-х годов также неоднократно привлекали внимание российских и зарубежных историков (см. [1; 10–13]).

Однако открывшийся в последние годы пласт доступных в интернете источников, относящихся к деятельности американских разведывательных служб, побуждает снова обратиться к заданной проблематике в контексте ранее не исследованных материалов. Эти документы представляют собой информационные отчеты и записки оперативных сотрудников Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США, а также аналитические материалы, подготовленные в ведомстве. Некоторые из них ранее уже были опубликованы (см., например [14]), однако большая часть пока не введена в научный оборот. Они размещены на сайте ЦРУ в разделе «электронная библиотека» (*Library. Electronic Reading Room*) [15. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/>. Дата последнего обращения: 14.04.2020]. В данный момент там насчитывается более 11 млн страниц. Доступные материалы ЦРУ не ограничиваются исключительно югославскими сюжетами, поэтому как один из возможных источников, они могут быть полезны и для специалистов, занимающихся исследованиями, посвященными другим сюжетам, происходившим в других регионах мира и даже в другие временные периоды.

Итак, в США югославское руководство искало не только поддержку в связи с возможной военной угрозой со стороны Москвы, но и источник финансовой и материальной помощи, а также возможность для развития торговли, что, по всей видимости, в 1949 г. было для него одним из приоритетов.

Интерес американцев к Югославии объяснялся их военно-политической стратегией, известной как Доктрина Трумана. Причем речь здесь шла не только о прямом ослаблении советского лагеря в связи с выходом из подчинения Москвы социалистически ориентированной страны. Югославия на тот момент оказалась единственным в мире социалистическим государством, не находящимся при этом в политической зависимости от советского руководства. Помогав сохранению такого международного положения ФНРЮ, ее выходу из международной изоляции, экономическому росту и повышению уровня жизни, американцы надеялись сделать ее привлекательным образцом для других социалистических стран. В конце 1962 г. в аналитическом документе

ЦРУ, озаглавленном «Политика США в отношении Югославии», основной целью за прошедший период (1948–1961) ретроспективно называлось «поощрение центробежных сил внутри советского блока и содействие либеральной, прозападной эволюции Югославии» [15. US Policy Toward Yugoslavia. 27.12.1962. Режим доступа: www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80B01676R000100110004-7.pdf. Дата последнего обращения: 08.01.2020]. Особенно эффективно «югославский пример» мог сработать в странах Азии, учитывая националистические тенденции, существовавшие в коммунистических партиях Китая и других странах региона.

Кроме того, по оценкам американских военных экспертов, Югославия могла стать важным звеном в системах коммуникаций и обороны стран НАТО на Балканах, Ближнем Востоке и Средней Азии, наряду с Турцией и Ираном. А СССР с утратой Югославии лишался плацдарма, дававшего возможность проводить военные операции на территории Греции (через долину Вардара) и Италии (со стороны Юлийских Альп), и для установления советского контроля в Восточном Средиземноморье и на Адриатике [15. National Intelligence Estimate. The Current Situation in Yugoslavia. NIE-7. 21.11.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000300010001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 12.01.2020].

30 июля 1948 г. руководитель отдела по планированию политики Государственного департамента США, автор небезызвестной «Длинной телеграммы» и один из архитекторов американской политики на начальном этапе холодной войны, Джордж Фрост Кеннан подготовил доклад, посвященный ситуации в Югославии [16. 1948. Eastern Europe. The Soviet Union. Volume IV. Document 702. Paper Prepared by the Policy Planning Staff. The Attitude of This Government Toward Events in Yugoslavia. 30.07.1948. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1948v04/d702>. Дата последнего обращения: 02.02.2020]. Он был передан в Совет национальной безопасности США (СНБ), и далее уже фигурировал как точка зрения Госдепартамента [10. С. 28].

Этот документ отражал бытовавшую в то время в дипломатических кругах США уверенность в возможности дезинтеграции советской сферы влияния. Конфликт был воспринят как важный (в том числе и для других сателлитов) прецедент эмансипации страны от Москвы, входившей в советскую сферу влияния, что прежде было совершенно немыслимо. Дж. Кеннан усматривал в сложившейся ситуации перспективу установления особых взаимоотношений США с Югославией: если Запад и дальше будет холоден по отношению к Тито, Советы смогут использовать это как доказательство того, что коммунистические страны не имеют другого пути, кроме как оставаться внутри блока, убеждал он. Тактика, которой рекомендовалось придерживаться Вашингтону, состояла в сохранении баланса между предоставлением Белграду поддержки и продолжением давления, связанного с выдвижением требований политического характера, например, по вопросу оказания помощи греческим коммунистическим повстанцам¹. Именно этот вопрос чаще прочих всплывает в доступных источниках американского происхождения (см. [16. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Volume V. Yugoslavia. Documents 521–540. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19>. Дата последнего

¹ С 1946 по 1949 г. Греция находилась в состоянии гражданской войны между правительственными силами, пользующимися поддержкой США и Великобритании, и прокоммунистическими партизанами, получавшими помощь от СССР и Югославии.

обращения: 03.11.2019]). Также существовали определенные надежды на изменение югославской позиции по триестскому вопросу² и Каринтии [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78–01617A003400120003–8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020].

6 июля основные положения доклада Дж. Кеннана были утверждены директивой СНБ № 18 и стали официальным руководством к осуществлению политики Соединенных Штатов на югославском направлении.

При этом следует отметить несколько факторов, ограничивавших активность США сразу после начала конфликта 1948 г. Во-первых, на Западе поначалу все же испытывали сомнения в реальности разрыва между Москвой и Белградом. Югославия некоторое время еще продолжала следовать внешнеполитической линии СССР. Например, представители ФНРЮ поддерживали по всем вопросам советскую делегацию в ходе Дунайской конференции³, а в решениях V съезда КПЮ (21–28 июля 1948 г.) подчеркивалось, что Югославия принадлежит к социалистическому лагерю [20]. Во-вторых, не было уверенности в прочности позиций Йосипа Броза Тито в Югославии и возможности сопротивляться давлению со стороны СССР и стран Коминформбюро⁴. В случае падения режима Тито, вся та помощь, которая могла быть оказана Югославии, оказалась бы в распоряжении Москвы [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Document 520. The Charge in the Soviet Union (Kohler) to the Secretary of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch20>. Дата последнего обращения: 09.10.2019]. В-третьих, в условиях эскалации биполярного противостояния, характерного для рассматриваемого этапа холодной войны и активного конструирования в медиа «образа врага», против предоставления какой-либо помощи ФНРЮ возражала значительная часть политических элит на Западе. «Они исходили из того, что поддержка Югославии, независимо от того, является ли она советским сателлитом или нет, означает поддержку коммунизма в принципе, а этому не может быть никаких оправданий» [12. S. 9]. Также американцы опасались, что чересчур активное сближение с США может подорвать позиции Тито в Югославии: лишить его поддержки ортодоксальных марксистов, входивших в руководство КПЮ. А возможные территориальные уступки Югославии соседним некоммунистическим странам – вызвать враждебность националистически настроенных рядовых членов партии [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78–01617A003400120003–8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020)].

Если же говорить о ЦРУ, то поначалу эта организация, по всей видимости, вообще имела несколько иные инструкции в отношении Югославии: во второй половине 1948 г., т.е. сразу после советско-югославского конфликта, она приступила к заброске на территорию ФНРЮ «агентуры из бывшей буржуазной оппозиции в расчете на свержение коммунистического режима, но уже в феврале 1949 г. эта практика была полностью прекращена» [21 С. 127].

² Сейчас эти территории относятся к хорватской жупании Истрия, Словенскому Приморью и двум итальянским провинциям – Гориции и Триесту. Подробнее о триестском вопросе см. [17–18].

³ Конференция о режиме судоходства на Дунае состоялась в Белграде в августе 1948 года. Она завершилась 18 августа принятием «Конвенции о режиме судоходства на Дунае». См. [19].

⁴ Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947–1956). Международная коммунистическая организация.

В это время настороженное отношение западных стран к Югославии постепенно начало меняться, что было, очевидно, связано с дальнейшим углублением советско-югославского конфликта. По мере развития событий (см., например [22. С. 582–589]) сомнения в том, что между руководством СССР и ФНРЮ действительно произошел разрыв, отпали. Американская разведка пристально следила за внутривластной ситуацией в Югославии и степенью устойчивости режима Тито. В «центр» поступали информационные отчеты о том, что военные и прочие силовики полностью контролируются лидером ФНРЮ и действуют в соответствии с его приказами, а также о решительных репрессивных мерах в отношении «информбюровцев» (см., например [15. Yugoslav Army – Communist Party of Yugoslavia Relations. 29.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003600250001-8.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020; Political Arrests in Yugoslavia. 14.02.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R004300340011-9.pdf>. Дата последнего обращения: 24.03.2020; Yugoslav Air Force Units; Vrsac Paratroop School; Arrest of General Bubanj. 27.04.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82-00457r002600640008-9>. Дата последнего обращения: 24.03.2020]).

Определенную роль сыграла и позиция посла США в Югославии Кавендиша Кеннона⁵. 31 января 1949 г. он отправил в Государственный департамент содержательную телеграмму. В ней утверждалось, что компромисс между Москвой и Белградом невозможен, так как речь идет о конфликте двух фундаментальных принципов отношений между социалистическими странами – принципа «пролетарского интернационализма», на деле предполагавшего максимально возможную ориентацию стран-сателлитов на Советский Союз, и принципа равенства сторон. К. Кеннон настаивал, что у Тито в Югославии не существует серьезной оппозиции, метафорически указывая на то, что среди «вероотступников» его позиции самые сильные со времен Генриха VIII.

Посол подчеркивал, что падение режима Тито будет исключительно в интересах СССР, потому что в этом случае его неизбежно заменит «какое-нибудь орудие Москвы» [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 521. The Ambassador in Yugoslavia (Cannon) to the Secretary of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/d521>. Дата последнего обращения: 09.10.2019]. В связи с этим он призвал оказать поддержку югославскому правительству, чтобы упрочить его позиции, не требуя взамен никаких уступок и вообще не предъявляя никаких требований [16. Documents 519–521. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19>. Дата последнего обращения: 09.10.2019].

В создавшейся ситуации настаивать на корректировке политического курса Белграда было бессмысленно: она и так происходила в связи с продолжавшимся обострением конфликта с Москвой.

Американский посол встретил поддержку со стороны своего нового босса, государственного секретаря США Дина Ачесона⁶, сменившего 21 января 1949 г. на этом посту прежнего руководителя Госдепартамента Джорджа Маршалла. Ачесон считал, что конфликт между СССР и ФНРЮ необходимо углублять,

⁵ Кавендиш В. Кеннон (1895–1962) – американский дипломат, посол США в ФНРЮ (1947–1949).

⁶ Дин Гудерхэм Ачесон (1893–1971) – американский политик и юрист. Государственный секретарь США (1949–1953). Сыграл важную роль в разработке основ американской политики периода холодной войны.

убеждая югославских руководителей в возможности предоставления солидной американской помощи и подталкивая их к еще большей эскалации отношений с Москвой. Администрация президента Трумана вплоть до истечения его мандата придавала этой проблеме особое значение [6. S. 73].

Одним из главных исключений в решении не связывать политические уступки и заключение экономических соглашений американцы считали проблему оказания Югославией помощи греческим партизанам [15. Daily Summary 1949/04–1949/06. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/06749332>. Дата последнего обращения. 10.02.2020]. Но, судя по всему, ФНРЮ пришлось отказаться от курса на их поддержку не только по этой причине. Поначалу, несмотря на конфликт⁷ с СССР, т.е. наперекор позициям обеих сверхдержав, помощь греческим повстанцам продолжала оказываться. Так, 6–7 декабря 1948 г. в Белград прибыл специальный представитель генерала Маркоса Вафиадиса⁸, главной целью которого было выразить благодарность югославской стороне [15. Greek Rebel Contacts with Yugoslavia. 28.12.1948. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R002200260009-4.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020].

Однако в начале февраля 1949 г. генерал Вафиадис был смещен с поста председателя Временного демократического правительства Греции. Заменивший его Никос Захариадис⁹ был известен своими критическими оценками политики Тито и тем, что занял сторону Москвы в советско-югославском конфликте. Такие новости вызвали озабоченность югославского руководства. Было принято решение о задержке поставок вооружений греческим повстанцам. Согласно информации ЦРУ, наиболее решительным сторонником подобных мер в югославском руководстве стал Александар Ранкович¹⁰. По его распоряжению в Грецию была остановлена отправка уже подготовленного груза, содержащего 20 огнеметов, 100 ящиков с боеприпасами, неустановленное количество стрелкового оружия, легких и тяжелых пулеметов и ручных гранат. Кроме того, как сообщил информатор американской разведки, Ранкович отдал приказ всем югославам, находящимся в рядах греческих партизан, немедленно вернуться в Югославию, используя для этого все возможные пути [15. Yugoslavia Halts Shipments to Greece. 23.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R002400300001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020]. Отмечу, что прекращение югославской помощи оказало довольно ощутимое влияние на позиции прокоммунистических повстанцев [23. P. 216–219], а гражданская война в Греции завершилась в октябре 1949 г. их поражением.

⁷ Более того, считается, что помощь ФНРЮ греческим коммунистам в 1948 г., оказывавшаяся вопреки воле Сталина, стала, наряду с политикой, направленной на включение Албании в состав Югославии и переговорами с Болгарией о создании совместной федерации, теми внешнеполитическими обстоятельствами, которые спровоцировали недовольство Москвы, что привело к возникновению советско-югославского конфликта в 1948 г. См., например [22. С. 569–574].

⁸ Маркос Вафиадис (1906–1992) – греческий коммунист, политический и военный деятель, один из лидеров народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС) в годы Второй мировой войны. Руководитель коммунистической Демократической армии в годы гражданской войны в Греции (1946–1949).

⁹ Никос Захариадис (1903–1973) – греческий политический деятель, генеральный секретарь Коммунистической партии Греции (1931–1956 гг.).

¹⁰ Ранкович Александар (1909–1983) – югославский военный и общественно-политический деятель, член Политбюро ЦК КПЮ (1937–1966), министр внутренних дел Югославии (1946–1966), заместитель председателя Союзного исполнительного вече (1956–1966).

Сложно сказать, до какой степени изменение политики ФНРЮ в отношении помощи греческим партизанам сказалось на принятии решений западными странами, но первые серьезные предметные договоренности с ними о заключении торговых соглашений были достигнуты вскоре после этого. В марте 1949 г. начались югославо-британские переговоры, посвященные подписанию долгосрочного договора о торговле [24]. 31 марта было заключено торговое соглашение с ФРГ, а 21 мая – с Францией. В апреле-мае 1949 г. Югославия подписала торговые протоколы с Норвегией, Швецией и Данией, а немного позже – с Нидерландами, Австрией, Финляндией, Израилем и Египтом [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020]. Летом 1949 г. американское правительство дало разрешение на экспорт в ФНРЮ товаров общей суммой на 17 млн долларов, в том числе оборудования для добычи нефти, так необходимого стране в условиях экономической изоляции. В сентябре 1949 г. было официально объявлено о разрешении на продажу Югославии американской стали. В том же месяце стороны достигли значительного прогресса по вопросу предоставления ФНРЮ финансовых займов. Экспортно-импортный банк принял решение удовлетворить югославскую просьбу о предоставлении кредита на сумму 20 млн долларов, а Международный валютный фонд предоставил займ в размере 3 млн долларов [6. S. 103, 108]. Отмечу, что США не торопились давать Югославии правительственные кредиты, поначалу задействуя другие финансовые организации. Не сразу Белград стал получать и безвозмездную американскую помощь, хотя в Государственном департаменте эта идея обсуждалась и прорабатывалась довольно давно, как минимум с февраля 1949 г. [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 524. Minutes of the Under Secretary's Meeting. February 14, 1949, 10:00–11:10 A. M. Department of State. Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/ch19?start=1>. Дата последнего обращения: 09.10.2019].

26 декабря 1949 г. было подписано югославо-английское торговое соглашение сроком на пять лет, предполагавшее возможность оказания ФНРЮ финансовой поддержки в форме краткосрочных и долгосрочных кредитов. В 1949 г. именно Великобритания превратилась в главного югославского торгового партнера, имея во внешнеторговом балансе ФНРЮ наибольший процент экспорта (19,4%) и импорта (12,8%). И уже следом за ней шли страны на которые исторически, еще с довоенных времен, приходилась львиная доля югославского внешнеторгового оборота: Италия (10,3% экспорта Югославии; 11,7% импорта), Австрия (11% экспорта, 8,8% импорта) и ФРГ (5,6% экспорта, 5,4% импорта) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020]. Также следует отметить увеличение удельного веса товарообмена с США (8% экспорта, 8,7% импорта) и Нидерландами (7% экспорта, 8,7% импорта). В следующем, 1950 г. в связи с рядом достигнутых договоренностей, в югославской внешней торговле резко увеличилась удельная доля США (на них приходилось до 11,1% экспорта ФНРЮ и 20,7% импорта) и ФРГ (10,1% экспорта, 16,2% импорта). Именно эти страны, наряду с Великобританией (19,2% экспорта, 17,7% импорта), Италией (10,9% экспорта, 10,5% импорта) и Австрией (10,1% экспорта, 7,3% импорта) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата

последнего обращения: 10.02.2020] оставались ключевыми партнерами ФНРЮ в условиях разрыва торговых соглашений с социалистическими странами и попыток экономической блокады Белграда с их стороны.

Таким образом, западные страны продемонстрировали готовность поддерживать Югославию на плаву в ситуации экономического давления Москвы¹¹. Так, решением первой сессии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) «Об отношениях с Югославией» «ввиду враждебной политики» ФНРЮ было прекращено предоставление ей кредитов и поставок в счет ранее заключенных кредитных соглашений; торговля ограничивалась закупкой у Югославии лишь важнейших видов стратегического сырья; были сокращены поставки товаров, дефицитных для стран-участниц СЭВ; полностью остановлены поставки вооружений, а также оказание Югославии какой-либо технической помощи [25. Решение 1-й сессии совета СЭВ 26–28 апреля «Об отношениях с Югославией»]. По оценкам ЦРУ наиболее болезненными для югославов стало решение об отказе предоставить ФНРЮ промышленное оборудование, нефтепродукты и техническую помощь. Именно это заметнее всего влияло на возможность реализации пятилетнего плана экономического развития страны. Вместе с этим вполне реальная угроза военной интервенции заставила югославов резко увеличить расходы на оборону (аналитики американского разведывательного управления зафиксировали их рост в 1949 г. на 50%) [15. The Yugoslav Dilemma. ORE16–49. 10.02.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A003400120003-8.pdf>. Дата последнего обращения: 02.02.2020)]. Это также негативно сказывалось на возможностях финансирования югославского промышленного роста.

Особенно пострадал импорт в ФНРЮ многих стратегически необходимых для нее товаров, сократившийся многократно: например, на торговлю с СССР в 1948 г. приходилось 10,7% от общего объема югославских закупок за рубежом, а в 1949 г. лишь 1,6%. На чехословацком рынке в 1948 г. ФНРЮ покупала даже больше товаров – 17,5% от общего баланса, а в 1949 г. – 6,2%. Сопоставимо сократился удельный вес и других социалистических стран. Что касается экспорта, то процентная доля югославской продукции, продававшейся в СССР сократилась в три раза (с 15% в 1948 г. до 4,9% в 1949 г.), а в Чехословакии – почти в четыре (16% в 1948 г. и 4,5% в 1949 г.) [15. Yugoslav Foreign Trade in 1949 and 1950. Foreign Trade in 1949. 25.07.1952. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80-00809a000700070149-8>. Дата последнего обращения: 10.02.2020].

Даже более существенной, чем экономические санкции, представлялась угроза вооруженного вторжения с территории одной из сопредельных стран советского блока. Правда, недавний успешный опыт ведения широкомасштабной партизанской войны в горной местности, имевшийся у югославского руководства, очевидно, заставлял советских руководителей задуматься об эффективности возможной военной интервенции.

¹¹ Впрочем, активизацию их торговли с Югославией не стоит сводить только к политической составляющей. Например, западных партнеров интересовали богатые югославские месторождения бокситов хорошего качества, обнаруженные к юго-востоку от Триеста. По оценкам ЦРУ это могло превратить ФНРЮ в одного из главных европейских экспортеров этого вида сырья. [15. Information Report. Bauxite Resources in Yugoslavia. Intelligence Memorandum No 199. 22.07.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP78-01617A000600100001-0.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Посол США в Белграде К. Кеннон, исходя из имевшихся у него данных, считал более вероятным вариантом организацию локального конфликта на территории Македонии, представлявшейся ему уязвимой с военно-стратегической точки зрения [16. Volume V. 1949. Eastern Europe. The Soviet Union. Yugoslavia. Document 535. The Ambassador in Yugoslavia (Cannon) to the Secretary of State. Belgrade, March 8, 1949 Режим доступа: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v05/d535>. Дата последнего обращения: 04.11.2019]. Судя по всему, Госдепартамент счел нужным поделиться своими опасениями с югославами. 12 марта 1949 г. посол в Италии Младен Ивекович¹² проинформировал Белград о том, что из американских кругов пришли вести о концентрации советских войск на румынской и болгарской границах, а также о планах по отторжению Македонии от ФНРЮ и созданию независимого македонского государства под протекторатом Болгарии [9. I-3-b/664. Depeša Mladena Ivekovića].

И все же в 1949 г. основной тактикой Москвы было нагнетание напряженности на югославских границах. Туда направлялись диверсионные группы, обнаружение которых часто приводило к стычкам с пограничниками. С 1 июля 1948 г. по 1 сентября 1949 г. югославы зафиксировали 210 вооруженных инцидентов со стороны Албании, Болгарии, Румынии и Венгрии и 69 фактов нарушения воздушного пространства страны [26. S. 378].

Продолжалась и идеологическая кампания против ФНРЮ, в рамках которой с мая 1949 г. в Москве начала выпускаться газета «За социалистическую Югославию». Кроме того, множество статей, содержащих критику режима Тито, появлялось в газете «За прочный мир, за народную демократию», которая была органом Информбюро и издавалась дважды в месяц, а с сентября 1949 г. — еженедельно. Всего югославские эмигранты-информбюровцы выпустили шесть газет для распространения в ФНРЮ, печатавшихся в СССР, Албании, Болгарии, Венгрии и Румынии. На югославскую территорию пропагандистские материалы ввозились с территорий всех сопредельных социалистических стран; вдоль границы были расположены радиостанции, разоблачавшие «клику Тито» [27. С. 364–373.]; листовки и брошюры пытались сбрасывать с самолетов и кораблей¹³.

Стремясь получить какие-то гарантии национальной безопасности и не позволить Москве попытаться решить «югославский вопрос» как «внутреннее дело» в своей сфере влияния, руководители ФНРЮ приняли решение действовать в направлении максимальной интернационализации конфликта и использовать для этого Организацию Объединенных Наций.

На третьем заседании Генеральной Ассамблеи ООН югославская сторона вынесла конфликт с СССР на суд мировой общественности. 24 сентября 1949 г. в речи на пленарном заседании Эдвард Кардель¹⁴ заявил, что «нельзя высту-

¹² Ивекович Младен (1903–1970) — югославский дипломат и общественно-политический деятель, работал послом в Италии и ГДР, заместитель министра иностранных дел ФНРЮ (1956–1958). Председатель Союзного веча Народной скупщины ФНРЮ (1958–1962).

¹³ Например, в декабре 1951 г. с советских кораблей «Харьков», «БФК» и «Молотов» во время того, как они плыли по Дунаю мимо берегов Югославии, были сброшены за борт герметично запакованные контейнеры с пропагандистскими материалами. Также сообщалось, что подобные контейнеры сбрасывались с территории Румынии в воды рек Бера и Тамис. [15. Introduction of Cominform Propaganda into Yugoslavia via Danube, Begej and Tamis rivers. 14.12.1951. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009500470011-8.pdf>. Дата последнего обращения: 08.01.2020].

¹⁴ Кардель Эдвард (1910–1979), — югославский общественно-политический деятель, министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953), заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963), председатель Союзной скупщины Югославии (1963–1967), член Президиума Югославии (1974–1979).

пать за невмешательство во внутренние дела других стран и одновременно занимать такую позицию, которую сейчас занимает правительство СССР» по отношению к Югославии. Стремясь перевести вопрос из идеологического в политическое поле, Кардель подчеркнул, что речь идет не об «идеологическом споре», а о «гегемонических выступлениях, направленных против нашей страны, которой не нужно ничего, кроме мира» [26. С. 377–380].

Любопытно, что в материалах ЦРУ осенью 1949 г. именно Э. Кардель, вместе с другим словенцем, А. Беблером¹⁵, назывались одними из самых просоветски ориентированных партийно-государственных деятелей ФНРЮ. Прозападной ориентации, по мнению американских разведчиков, придерживались М. Ивекович и С. Косанович¹⁶. В августе 1949 г. Кардель якобы даже предлагал Тито осуществить чистку югославских дипломатов, ориентированных на Запад, включая Косановича. Как сообщалось, Тито отверг это предложение, отметив, что роль, которую играет Косанович, должна вызывать у всех зависть и уважение, его деятельность в Вашингтоне позволяет закупать американские товары, без чего югославскую экономику ждал бы коллапс [15. Information Report. Views of Yugoslav Government Officials Relative to Yugoslavia's Future Foreign Policy. 16.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003300260001-3.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Сава Косанович не был типичным югославским дипломатом: коммунистом и выходцем из партизанского движения. Племянник великого Николы Теслы, политик с довоенным стажем (с 1927 г. — генеральный секретарь Независимой демократической партии С. Прибичевича), он в 1920–1930-е годы несколько раз избирался в скупшину и даже успел стать министром в правительстве Д. Симовича (см. [28. С. 87–100]). Во время Второй мировой войны, Косанович жил в США, где рассорился с югославским эмигрантским правительством и прослыл сторонником коммунистических партизан [22. С. 479, 536]. Летом 1944 г. он вошел в состав коалиционного правительства Тито — Шубашича, а позже еще несколько раз был членом югославского правительства и Союзного исполнительного вече. Уникальные жизненный и политический бэкграунд Косановича делали его особой фигурой. В создавшейся после конфликта 1948 г. ситуации он был ориентирован на Запад, но это лишь увеличивало его ценность для югославской дипломатии. Политик старой закалки, он имел фору по сравнению со своими коллегами и в том, что касалось его понимания позиции американцев, и в том, чтобы добиться понимания с их стороны.

В рассматриваемый период Косанович дважды встречался с Тито на Бриони. Посол Югославии в США, он в определенном смысле был одновременно и одним из выразителей точки зрения Вашингтона. В беседах с Тито он отметил, что Штаты не против того, чтобы оказать ФНРЮ помощь, но они хотят определенных экономических гарантий и ослабления антиамериканской пропаганды. Также он указал на возможную посредническую роль Великобритании, желающей во что бы то ни стало не допустить конфликта в Европе. Далее, выражая свою личную позицию, Косанович призвал Тито отказаться от политической непримиримости в отношениях с Западом, которая повлекла за собой

¹⁵ Беблер Алеш (1907–1981) — югославский общественно-политический и военный деятель, дипломат. В то время — помощник министра иностранных дел ФНРЮ. Руководитель югославской делегации на Дунайской конференции (1948). Член югославской делегации на заседаниях Генеральной Ассамблеи ООН (1945–1951)

¹⁶ Косанович Сава (1894–1956) — сербский и югославский политический деятель, дипломат, посол ФНРЮ в США (1946–1950).

изоляция Югославии от значительной части стран мира. Он предупредил, что если не выйти из этого тупика — к концу года в стране может начаться гражданская война [15. Information Report. Views of Yugoslav Government Officials Relative to Yugoslavia's Future Foreign Policy. 16.09.1949. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003300260001-3.pdf>. Дата последнего обращения: 15.12.2019].

Следующим шагом на пути дистанцирования от стран советского блока и приближения к Западу стало выдвижение кандидатуры Югославии на выборы в Совет Безопасности ООН. Это было возможно в соответствии с ст. 23 «Устава ООН», в которой шла речь о справедливом географическом распределении кандидатов (см. [29]). В 1950 г. одна из стран — непостоянных членов Совета Безопасности должна была относиться к Восточной Европе. СССР поддержал кандидатуру Чехословакии, а США выступили за Югославию. Стоит заметить, что окончательное решение югославские лидеры приняли после того, как 29 сентября 1949 г. американский посол К. Кеннон сообщил им, что, если ФНРЮ выставит свою кандидатуру, Соединенные Штаты поспособствуют ее избранию [9. I-3-b/782. Zabeleška o razgovoru pomoćnika ministra druga Leo Matesa sa američkim ambasadorom g. Cannonom].

Доказательством напряженности борьбы стал ход голосования. В первый раз Югославии не хватило одного голоса для избрания в Совет Безопасности (для этого требовалось получить их 2/3 от общего числа участников), а 20 октября при повторном голосовании 39 голосами «за» ФНРЮ все же стала непостоянным членом Совбеза ООН на 1950 г.

Руководитель советской делегации А. Я. Вышинский¹⁷ попытался оспорить выбор ГА ООН, ссылаясь на так называемое «джентльменское соглашение» трех великих держав от 1946 г. Оно дополняло гл. 23 положением о необходимости предварительной договоренности стран этого региона о выдвижении того или иного кандидата в Совет Безопасности. Если бы советское возражение было принято во внимание, это бы означало, что Югославия вообще не имела права баллотироваться в Совет Безопасности без предварительного одобрения советского правительства [30. S. 87]. Однако усилиями югославских дипломатов и представителей западных стран этого удалось избежать.

Решение руководителей ФНРЮ об интернационализации конфликта стало одной из причин того, что в начале осени 1949 г. отношения между Белградом и Москвой прошли своеобразную «точку невозврата». С этого момента началась еще более отчетливая переориентация ФНРЮ в сторону Запада; максимально ужесточилась позиция СССР; стало окончательно ясно, что на данном этапе добровольное возвращение Югославии в социалистический лагерь невозможно. В это время угроза возникновения вооруженного конфликта стала максимально реальной.

В начале осени 1949 г. началась решающая фаза печально известного процесса по делу Ласло Райка¹⁸. В обобщающей части обвинительного акта указывалось, что «Райк и его сообщники создали организацию, целью которой была ликвидация независимости Венгрии и превращение ее в марионетку

¹⁷ Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) — советский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954).

¹⁸ Райк Ласло (1909–1949) — венгерский коммунист, политический деятель, министр внутренних дел Венгрии (1946–1948). С августа 1948 г. — министр иностранных дел Венгрии. 30 мая 1949 г. был арестован и на основе ложного обвинения казнен. Посмертно реабилитирован в 1955 г.

империалистов [...]. При вооруженной поддержке своих хозяев — сегодняшних руководителей югославского государства — Тито, Ранковича, Карделя и Джиласа¹⁹ — [...] заговорщики хотели превратить Венгрию в югославскую колонию, колонию Тито, который [...] сделал Югославию вассалом американского империализма» [31. С. 43]. На долгие годы имя Ласло Райка стало синонимом анти-югославской кампании в СССР и странах народной демократии, во многих из которых оказались свои репрессированные руководители, судебные процессы над которыми типологически пересекались с «делом Райка» — К. Дзодзе в Албании, Т. Костов в Болгарии, Р. Сланский в Чехословакии.

28 сентября 1949 г. правительство ФНРЮ получило ноту правительства СССР, подписанную А. А. Громыко²⁰, сообщавшую, что в ходе процесса над Райком «вскрылось, что югославское правительство уже длительное время ведет глубоко враждебную деятельность против Советского Союза [...] не только по собственной инициативе, но и по прямым указаниям иностранных империалистических кругов», что оно находится в полной от них зависимости и «превратилось в орудие их империалистической политики». Поэтому советское правительство считает себя свободным от обязательств «Договора о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве Югославии и СССР» от 11 апреля 1945 г., который «теперешнее югославское правительство грубо растоптало и разорвало в клочки» [25. Нота правительства СССР правительству ФНРЮ. 28 сентября 1949 года]. Ноты такого же содержания были получены 30 сентября 1949 г. от Венгрии и Польши, 1 октября — от Румынии и Болгарии, а 4 октября — от Чехословакии. Всего в конце сентября — начале октября было расторгнуто 46 политических, экономических и культурных договоров и конвенций [32. S. 107–108].

Эти события закономерно повлияли на еще большую интенсификацию контактов ФНРЮ с западными странами. Причем югославы были заинтересованы в развитии отношений и получении кредитов именно по государственной линии. Так, например, 2 ноября 1949 г. состоялась встреча Тито с английским послом в ФНРЮ Чарльзом Пиком²¹, на которой среди прочего обсуждался и вопрос о кредитах. Тито в разговоре подчеркнул: «Нам не все равно, предоставят ли Югославии кредит [английские] банки или правительство. Для нас это — политический вопрос, так как затягивание переговоров по этому вопросу с правительством Англии может повлечь за собой трудности в переговорах с другими странами» [9. I-2-a/129. Zabeleška o poseti engleskog ambasadora Peake-a kod druga Maršala].

К концу 1949 г. Москва перешла от призывов к «борьбе против клики Тито» к формулировке «югославская компартия во власти убийц и шпионов», 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье совещание Коминформбюро. Ключевым тезисом основного доклада, сделанного на совещании

¹⁹ Джилас Милован (1911–1995) — югославский политический деятель, писатель. С 1948 г. — секретарь Исполнительного бюро ЦК КПЮ. Вице-президент Югославии с 1953 г. Считался возможным преемником Тито. В октябре 1953 — январе 1954 г. выступил в печати с резкой критикой «сталинских методов» и однопартийной системы и требованиями независимости правосудия. В 1954 г. смещен со всех партийных и правительственных постов, исключен из КПЮ.

²⁰ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) — советский дипломат, государственный и политический деятель, Министр иностранных дел СССР (1957–1985), председатель Президиума Верховного совета СССР (1985–1988). В 1949 г. — первый заместитель министра иностранных дел СССР.

²¹ Сэр Чарльз Бринслей Пембертон Пик (1897–1958) — английский дипломат, посол в Югославии (1946–1951).

Г. Георгиу-Дежем²² («Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), был избран постулат о том, что руководство ФНРЮ установило в стране диктатуру фашистского типа. В качестве практической задачи предлагалось формирование в Югославии новой подпольной компартии, способной на «решительную борьбу» и освобождение «от ига узурпаторов» [33].

Подводя итог, следует согласиться с мнением аналитиков ЦРУ, писавших в ноябре 1950 г., что тренд на улучшение отношений с правительствами западных стран «является попыткой самосохранения, более чем каким-то базисным изменением политической философии, и отражает понимание югославских коммунистических лидеров, что им не удастся положить конец конфликту с СССР, сохранив при этом свою власть. [...] Тито был вынужден обратиться к Западу» [15. National Intelligence Estimate. The Current Situation in Yugoslavia. NIE-7. 21.11.1950. Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79R01012A000300010001-5.pdf>. Дата последнего обращения: 12.01.2020]. Также отмечу значение событий осени 1949 г. в изучении обстоятельств советско-югославского конфликта: его интернационализация на третьем заседании Генеральной ассамблеи ООН, начавшаяся переориентация Югославии на Запад и избрание ФНРЮ непостоянным членом Совета Безопасности ООН вопреки воле СССР, но при поддержке США. Это означало прекращение следования Белграда в фарватере советской политики, эскалацию взаимной критики сторон, рост напряженности на югославских границах и угрозу возникновения военного конфликта. Одновременно это создавало новые, крайне благоприятные условия для развития сотрудничества со странами Запада и, прежде всего, с США. В последующие годы, вплоть до начала нормализации советско-югославских отношений (1954–1955), со странами Запада было подписано большое число соглашений о торговле, экономическом, культурном и военном сотрудничестве, предоставлении Югославии кредитов и помощи на безвозмездной основе. Внешнеполитический фундамент этих договоренностей был заложен в 1949 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Аникиев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.
2. *Гибианский Л. Я.* Проблемы международно-политического структурирования в Восточной Европе в период формирования советского блока в 1940-е гг. // Холодная война: новые подходы, новые документы. М. 1995.
3. *Гибианский Л. Я.* Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4.
4. *Гуренко Ю. С.* Сталин – Тито. М., 1991.
5. *Bekić D.* Jugoslavia u hladnom ratu. Zagreb, 1988.
6. *Lorejn M. Lis.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat. Beograd, 2003.
7. *Lane A.* Yugoslavia: When Ideals Collide. London, 2004.
8. *Bela knjiga o agresivnim postupcima vlada SSSR, Poljske, Čehoslovačke, Rumunije, Bugarske i Albanije prema Jugoslavije.* Beograd. 1951.
9. *Arhiv Jugoslavije.* Kabinet Maršala Jugoslavije. F. 836.
10. *Костин А. А.* Югославия в американской политике сдерживания СССР в 1947–1963 гг. // Вестник Вятского университета. Киров, 2015.

²² Георге Георгиу-Деж (1901–1965) — румынский политик, руководитель Румынии с 1948 и до смерти в 1965. Генеральный секретарь ЦК РКП (1944–1954 гг. и 1955–1965 гг.), премьер-министр Румынии (1952–1955), председатель Госсовета Румынии (1961–1965).

11. *Стыкалин А. С.* Титовская Югославия в сфере интересов СССР и США (конец 40-х – 50-е годы XX в. // Европейские сравнительно-исторические исследования. М., 2006. Вып. 2. География и политика.
12. *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u. Beograd, 2000.
13. *Jakovina T.* Socijalizam na američkoj pšenici (1948–1963). Zagreb, 2002.
14. Dokumenta CIA o Jugoslaviji: 1948–1983. Priredio Momčilo Pavlović. Beograd, 2009.
15. Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room.
16. US Department of State. Office of the Historian. Foreign Relations of the United States. Harry S. Truman Administration (1945–1952).
17. *Гибианский Л. Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998.
18. *Bogetić D.* Londonski pregovori o Trstu i perspektive jugoslovensko-italijanske saradnje // Jugoslovenski istorijski časopis. 2000. № 1–2.
19. Конвенция о режиме судоходства на Дунае // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901307>. Дата последнего обращения: 07.06.2020.
20. V конгрес Комунистичке партије Југославије. 21–28 јула 1948: Стенографске белешке. Београд, 1949.
21. *Аникеев А. С.* Противостояние СССР и США в Юго-Восточной Европе и советско-югославский конфликт 1948 г. // Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.
22. Югославия в XX веке: очерки из политической истории / Отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011.
23. Greece in the 1940s: A Nation in Crisis / Ed. by J. O. Iatrides. Hanover, 1981.
24. Diplomatski arhiv Saveznog ministarstva spoljnih poslova Republike Srbije. Politička arhiva. Str. pov. 1949. F-5. 630.
25. AJ. F. 507/IX. SSSR. 119/I-46.
26. *Kardelj E.* Govor na plenarnoj sednici Generalne Skupštine OUN. Njujork. 24 septembar 1949 // Цит. по *Štrbac Č.* Jugoslavija i odnosi između socialističkih zemalja. Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd, 1984.
27. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. М., 2002.
28. *Радојевић М.* Из преписке Саве Косановића // Зборник о Србима у Хрватској. Уредник В. Крстић. Београд, 2017. Т. 11.
29. Устав Организации Объединенных Наций. Гл. V. Совет Безопасности. Ст. 23. Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-v/>. Дата последнего обращения: 09.11.2019.
30. *Jovanović J.* Jugoslavija u Organizacije Ujedinjenih Nacija (1945–1953). Beograd, 1985.
31. Ласло Райк и его сообщники перед народным судом. Будапешт, 1949. С. 27 // Цит. по *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
32. *Bogetić D.* Koreni Jugoslovenskog opredelenja za nesvrstanost. Beograd, 1990.
33. *Георгиу-Деж Г.* Югославская компартия во власти убийц и шпионов. Режим доступа: <https://maxpark.com/community/6098/content/2461197> Дата последнего обращения: 10.04.2020.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ» В КРИТИКЕ ПОСТЬЮГОСЛАВСКИХ ИСТОРИКОВ

© 2020 г. М.В. Белов

*Д-р ист. наук, зав. кафедрой новой и новейшей истории Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского*

belov_mihail@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Обсуждение «исторического ревизионизма» заняло центральное место в дебатах об отношении к собственному прошлому в ряде стран бывшей Югославии. Особенно это заметно в Сербии, Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине. Возможность использовать этот термин (для критической переоценки не только историографической, но и общественно-политической ситуации) стала водоразделом между большими группами исследователей. Одни стоят на национально-изоляционистских позициях и защищают правомочность ревизии искажениями истории в коммунистической Югославии. Другие делают выбор в пользу транснациональной европейской памяти о геноцидах и солидарности с их жертвами. Третьи пытаются придать новую актуальность югославской антифашистской идеологии для обоснования левого активизма.

The discussion on «historical revisionism» has taken the central stage in debates on the attitude to the past in some countries of the former Yugoslavia. This is especially noticeable in Serbia, Croatia, as well as in Bosnia and Herzegovina. The ability to use the term (for a critical reassessment of not only the historiographic but also the socio-political situation) has become a watershed between large groups of scholars. Some stand on the national isolationist positions and defend the legitimacy of the revision by the notion that history was distorted in Communist Yugoslavia. Others opt for a transnational European memory of genocides and solidarity with the victims. The third group is trying to give new relevance to the Yugoslav anti-fascist ideology in order to justify left activism.

Ключевые слова: историческая политика, «исторический ревизионизм», страны бывшей Югославии.

Keywords: politics of history, «historical revisionism», countries of the former Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0011090-2

Полемика о феномене «исторической политики» (или «политики памяти») в странах бывшей Югославии приобрела свою специфику. На первое место там вышло понятие «исторического ревизионизма». Оно явно выделяется, хотя нередко сочетается и с другими терминами: «политическое использование

прошлого», «символическая политика», (ре)мифологизация прошлого, «войны памяти» и др. Уверенность в необходимости разоблачить «исторический ревизионизм» или, напротив, отрицание смысла за этим понятием (игнорирование обсуждения) провели линию размежевания между постъюгославскими историками, прежде всего, в Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговине. Дискуссия вокруг «исторического ревизионизма» как сильный реагент проявила (не)способность к теоретической рефлексии и самокритике, (не)понимание значимости ценностных ориентаций в историческом исследовании, а также проблематизировала альянс между академическими, административными и медийными позициями.

Феномен «исторического ревизионизма» начал обсуждаться в республиках бывшей Югославии в начале нулевых, после окончания острой фазы военных действий в период балканского кризиса, что совпало с уходом с политической сцены ключевых фигур предшествовавшего периода – первого президента Хорватии Франьо Туджмана (1922–1999) и сербского лидера Слободана Милошевича, чей режим пал в результате «бульдозерной революции» в октябре 2000 г.

По мнению Д. Марияна [1. S. 396], понятие «исторического ревизионизма» было внесено в хорватскую публичную сферу известным журналистом и издателем, одним из лидеров еврейской общины Загреба и последовательным критиком Ф. Туджмана Славко Гольдштейном (1928–2017), имевшим большое влияние на средства массовой информации, но не диплом историка. На самом деле одновременно с ним этот термин использовал и его сын, профессиональный историк Иво Гольдштейн, который ранее занимался Средневековьем, однако в 1990-е сосредоточил внимание на теме Холокоста и иных этноцидов в усташеском Независимом государстве Хорватия (НГХ) времен Второй мировой. Так или иначе, борьба с «историческим ревизионизмом» развернулась как часть процесса детуджманизации, проводившейся старыми противниками первого президента, после смены власти в 2000 г.

В совместную книгу отца и сына «Холокост в Загребе» (2001) вошел раздел, посвященный «ревизионизму в историографии». Этот феномен проявился в Хорватии на рубеже 1980–1990-х годов и воспринимался как «общественно-политическая аномалия», но затем, в отличие от западных стран пользовался поддержкой властей. «Его обобщенный признак и главная отправная точка – фетишизм государства и фетишизация хорватской государственной идеи. Все то, что в прошлом содействовало хорватской самостоятельности оценивалось самым позитивным образом и некритически превозносилось, а слабые стороны – либо стыдливо вымарывались, либо хотя бы минимизировались. [...] Эти ревизионистские тенденции, в обоих направлениях, не останавливались и перед замалчиванием или искажением источников, что вело порой к подлогам и лжи. В этом контексте усташеское НГХ стало представляться в относительно позитивном свете, без оглядки на его нацифашистскую сущность, на его тотальную политическую и военную сопричастность историческому Злу, на геноцид и другие преступления, которые оно совершило (ибо оно “не было только фашистским творением, но и выражением столетних стремлений хорватского народа к самостоятельному государству”» [2. S. 597]¹.

Соответственно, преступные деяния двух Югославий (королевской и коммунистической) «абсолютизировались и генерализировались до такой меры,

¹ Слова, приведенные в скобках – измененная цитата из выступления Ф. Туджмана на первом съезде Хорватского демократического содружества 24 февраля 1990 г.

чтобы стать аргументом для ригидной националистической политики и по возможности оправданием преступлений усташей или хотя бы их релятивизации». Причинами «ревизионизма» были, во-первых, искажения истории Второй мировой войны под надзором коммунистической идеологии, во-вторых, стремление придать легитимность интеграции бывших усташей и их потомков, которым было разрешено возвратиться на родину, в хорватское общество, в третьих, это была реакция на подъем сербского национализма и «историографического ревизионизма» в 1980-е годы [2. S. 598–599].

Такая характеристика «исторического ревизионизма» в Хорватии повторялась затем во многих работах И. Гольдштейна и его последователей. В частности, в статье, написанной им в соавторстве с Г. Хутинацем, подчеркивалось, что «исторический ревизионизм» определяется стремлением использовать прошлое в политических целях. «По меньшей мере, к такой работе приступают с политическими предрассудками, с точки зрения официальной политики 1990–1999 гг. Как правило, речь идет о правой и крайне правой ориентации, характерной чертой которых является нежелание разбираться с преступлениями, совершенными усташескими властями в период НГХ» [3. S. 190].

Более широко, применительно ко всей постъюгославской историографической ситуации, понятие «исторического ревизионизма» было концептуально обосновано сербским социологом Тодором Куличем. Стипендиат фонда Фридриха Эберта, он периодически работал приглашенным исследователем в ФРГ. Критик «теорий тоталитаризма» адаптировал к местным условиям терминологию, появившуюся во Франции в связи с «ревизией» Ф. Фюре и его сторонниками марксистской традиции в историографии Великой Французской революции, а также во время знаменитого «спора историков» ФРГ 1980-х годов. В дальнейшем Кулич стал одним из первых сербских проводников *memory studies* [4]. Достоинством работы социолога является анализ историографических тенденций в широком контексте социальных, политических и идеологических сдвигов (то, что он сам назвал «эпохальным сознанием»).

В 2000 г. Кулич предложил статью «Историографический ревизионизм в постсоциалистических режимах» редакции журнала «История XX века», которая ее отклонила. В дальнейшем эта работа вошла в книгу «Преодоление прошлого: истоки и направления перемен в образе истории конца XX века» (2002). Книга, автор которой сохранил пиетет к неортодоксальной марксистской традиции, была выпущена в серии изданий Хельсинского комитета за права человека в Белграде при финансовой поддержке правительства США.

Кулич провел границу между «ревизией» как легитимным пересмотром историками научного образа прошлого в свете новых источников, усовершенствованной методологии и под влиянием широких общественных запросов, с одной стороны, и «историческим ревизионизмом» как «переделкой прошлого, проистекающей из явных или скрытых намерений оправдания узких национальных или политических целей» [5. 438]. В общеевропейском и мировом контексте «исторический ревизионизм» стал продуктом «неоконсервативной волны» и антитоталитарного консенсуса, а затем — роста неонационализма с падением «мировой социалистической системы».

На ранних порах особую роль в зарождении «исторического ревизионизма» сыграли «коммунистические отступники» (например, упомянутый Ф. Фюре), отталкивавшиеся от собственного увлечения марксизмом и коммунизмом в юности. Для историков-марксистов из социалистических стран тот же путь

конверсии проложил дорогу к антикоммунизму и «национальным ценностям» как способу искупления прежних грехов.

Однако в каждой стране существовали особенности, программируемые внутренним и внешним контекстом. В Югославии радикальный «исторический ревизионизм», подготавливавшийся накануне распада федерации, был стимулирован кровопролитными межэтническими конфликтами. В кризисных 1990-х годах от ангажированных общественных наук трудно было бы ожидать «герменевтической толерантности», однако это не оправдывает, а лишь объясняет односторонность подходов. «Противостояние интернационализму (глобализму, космополитизму, югославянству) стало основой в создании официальной идентичности бывших югославских республик и ключом в переделке прошлого». Различия в диспозициях определили специфику: если Хорватия в конфликте с центром насаждала клерикально-католическую идентичность в соединении с ценностями европейского правового государства, то сербская национальная интеллигенция в тени централистского и «социалистического» режима Милошевича формировала идентичность в единстве «косовского предания, православной традиции и европейских ценностей национализма и либерализма» [5. S. 451; 6. S. 348].

Угроза нации оправдывала вытеснение, замалчивание или релятивизацию темных сторон из прошлого «своей» нации, и это три основные стратегии «исторического ревизионизма». «Организованно культивировались только те воспоминания, которые шли на руку национальной идентичности (величие имперского прошлого, страдания собственного народа, [...] культ национальных правителей и культурных деятелей и т.п.). Из воспоминаний вытеснялись геноцид и фашизм со стороны собственной нации, провинциальная отсталость, политическая близорукость агрессивной националистической политики» [5. S. 448].

Антикоммунизм и антитоталитаризм стали основой для новой идеологии национал-шовинизма по ряду причин. Однопартийный югославский социализм, с одной стороны, накладывал табу на изучение прошлых межнациональных конфликтов, а с другой, сделал антифашистскую борьбу партизан мифом своего происхождения и легитимности [5. S. 472–484]. Это вело к появлению «белых пятен», сенсационным заполнением которых первоначально оправдывался ревизионизм. Иными словами, утверждение власти КПЮ сопровождалось переделкой прошлого по идеологическим мотивам, поскольку культ «национально-освободительной борьбы народов Югославии» на интернациональных началах означал селективную память о Второй мировой войне во имя позитивной идентичности федеративного государства. На самом деле, идеологический контроль снизился на закате существования Югославии, когда история Второй мировой войны уже подверглась коррекции на основе документальных источников.

Однако, «если свести все изучение прошлого в период между 1945 и 1990 г., за редким исключением, всего лишь к тривиальной историографии победителей, побежденный фашизм релятивизируется и сводится к обычному преступлению, которое, как и всякое другое, со временем выцветает, а апологетам фашизма необходимо предоставить [право] быть равноправными арбитрами в оценке прошлого. Это между тем вовсе не так, ибо отрицает значимое согласие в отношении сущности фашизма и беспримерности его злодеяний. В осуждении фашизма меньше разногласий, нежели в связи с утверждением социализма. Насколько бы ни была идеологически отягощена историография в социалистической Югославии, она сыграла большую роль в демонтаже

различных версий шовинизма и являлась частью эпохального антифашистского сознания» [5. S. 465].

Недомолвками в суждениях Кулича являются степень, характер и эволюция идеологического воздействия на историческую науку эпохи югославского социализма, хотя он указал на неправомерность недифференцированного подхода к нему критиков тоталитаризма. А обобщенное осуждение фашизма и его злодеяний определило нормативные ограничения, которые в абсолютном выражении можно толковать как запрет на исследовательскую работу: дифференциацию квислингизма и коллаборационизма, проявленные в ходе многослойной гражданской войны на территории Югославии в 1941–1945 гг. [7].

Так или иначе, если нацизм/фашизм определяются моральным осуждением «чистого зла», исторические исследования оказываются подчинены механизмам этического или правового регулирования. При этом, разумеется, абсолютизация злодеяний фашизма не может служить оправданием иных преступлений, в том числе совершенных его противниками. Равно как и наоборот.

В отличие от ФРГ, где долгая «проработка прошлого», начавшаяся с безоговорочной капитуляции Третьего рейха, означала радикальный разрыв с нацизмом, конституционный патриотизм и императив памяти о Холокосте, Югославия, оказавшаяся в лагере победителей и сделавшая антифашизм основой своей легитимности, после распада оставила новообразованным государствам образцы мемориальной культуры XIX в. Будучи анахроничными и архаичными, они оперируют заимствованной терминологией «мнемонического поворота»: жертвы и палачи, вина и безвинность, тоталитаризм и демократия [5. S. 375–376].

Так называемая «конкуренция жертв» стала одной из наиболее очевидных и контрпродуктивных форм взаимодействия постъюгославских историков. Она же использовалась для релятивизации террора усташей в НГХ противопоставлением их «крестного пути», когда в ходе разгрома они пытались бежать от партизан, чтобы сдать западным союзникам, и трагедии Блайбурга (современная Австрия), в районе которого в мае 1945 г. были организованы скоротечные расправы.

Тем не менее болезненная тема националистической переделки общего прошлого стала предметом обсуждения и на международном уровне. В ноябре 2006 г. сараевский Институт истории организовал научную конференцию «Ревизия прошлого в пространстве бывшей Югославии», на основе материалов которой в следующем году вышел сборник работ под тем же названием.

Сборник открывался статьей Хуснии Камберовича [8], чьи рассуждения отталкивались от характеристик «исторического ревизионизма», данных Т. Куличем. Однако дальнейшее чтение статьи показывает, что его построения, по существу, отвергаются, поскольку «ревизионизм» представляется опасным для научного спора обвинительным «ярлыком» — синонимом (нео)фашизма.

Хотя общим правилом для всех стран была «ревизия» югославского наследия, ее степень различалась. В одних — научные институты активно включились в процесс создания «нового национального прошлого», а в других — остались вне ее. По мнению Камберовича, Босния и Герцеговина «осталась вне волны ревизионизма», хотя имеется несколько работ в этом направлении [8. S. 14]. Дело в том, что пересмотр прошлого здесь меньше затронул период социализма, а был обращен в более ранние эпохи. При этом спекуляциями в основном занимались не ученые. Взаимные обвинения в «ревизионизме»

возникли в результате попыток конфликтной этнизации совместного прошлого в условиях межобщинного раскола.

Во второй статье сборника сербский историк нового поколения В. Петрович, прошедший подготовку в Центрально-Европейском университете в Будапеште и других зарубежных исследовательских центрах, предпринял основательную критику теоретических подходов к «историческому ревизионизму», назвав его в первом же предложении «необычайно скользким понятием». Он скрыто поспорил с Т. Куличем (который комплиментарно упомянут в другом месте статьи), когда заметил, что «вопреки ряду попыток определить и квалифицировать ревизионизм в историографии [...], он остается слабо теоретизированным и все же широко используемым термином, значение которого, как правило, — предмет спора» [9. S. 21–22]².

Рассматривая специфику бытования термина, Петрович указал на его связь с нормативно-правовым и судебным дискурсом. Исторический ревизионизм, так или иначе, связан с оспариванием «вненаучного принуждения в изучении прошлого». И первая волна ревизионизма была вызвана конфликтом историков с международно-правовым актом (Версальскими договором), ст. 231 которого установила виновность Германии и ее руководства в развязывании Первой мировой войны. При этом несогласие с ней могло быть также политически мотивировано.

В несколько измененном виде та же модель использовалась после победы над нацистской Германией, державами Оси и их пособниками, будучи закреплена в судебных решениях над военными преступниками. Суды над отрицателями Холокоста, в свою очередь, криминализировали такую крайнюю разновидность «исторического ревизионизма».

Между тем Петрович отметил со ссылкой на других авторов, что необходимо иметь в виду существенные различия между поиском истины в судебном процессе и в научной дискуссии [9. S. 24–25]. Поэтому усилившее стремление регулировать историческую правду с помощью запретительных законов и судебных приговоров ведущие историки, отнюдь не сочувствовавшие взглядам «негационистов»³, посчитали опасным прецедентом для академической свободы. Тем не менее в заключении обзора коллизий между юриспруденцией и историей автор статьи, возможно, несколько упрощая, констатировал, что «различие между ревизионизмом и негационизмом, будь оно совершено правовыми средствами, историографическими дебатами или простым чувством приличия, — это часть фундаментального демократического консенсуса в западных обществах» [9. S. 31]⁴.

Петрович оставил за скобками антимарксистский ревизионизм в духе Ф. Фюре и далее охарактеризовал «искривленную рецепцию ревизионизма в Восточной Европе и Югославии» [9. S. 31–37], где разгром нацизма и его сателлитов сопровождался утверждением коммунистических режимов, память о Холокосте была маргинализирована, а история подчинялась политико-идеологическим тенденциям. Затем, после крушения восточного блока прежний

² См. также англоязычную версию: [10].

³ Петрович не упомянул о петиции «Свобода истории» (2005), подписанной девятнадцатью именитыми французскими историками. Позднее к ней присоединились историки из других стран: «Воззвание из Блуа» (2008) [11. С. 114–115].

⁴ А. И. Миллер объяснил преодоление национальных форматов памяти экономическим благополучием и успехами политической интеграции «старой» Европы, однако с середины нулевых происходит существенная трансформация европейской политики памяти: [11. С. 112, 116–119].

коммунистический порядок был в ряде случаев криминализован. «Фактографический ревизионизм» заполнил умолчания предшествующего периода, но поиски исторической легитимности в докоммунистических периодах привели, вопреки формальной приверженности либеральной демократии, к обелению националистических и ультраконсервативных режимов. В свою очередь память о жертвах правых и левых репрессий была политически инструментализована, при этом пренебрежение человеческими страданиями перешло из коммунистического периода в новый контекст национальных конфликтов. Именно в предыдущем периоде находятся корни подобной метаморфозы.

Коммунистическая власть в Югославии утвердилась в 1945 г. в результате победы в войне, имевшей многие признаки гражданской. Новый режим закрепил победу судебными приговорами над пособниками оккупантов и своими противниками в духе решений Нюрнбергского трибунала, которые замаскировали «глубокий [общественный] раскол правовым нормированием картины прошлого» [9. S. 33]. А историография подверглась масштабной ревизии в духе «марксизма-ленинизма».

Неприкосновенными для свободного рассмотрения оказались история КПЮ и Национально-освободительной борьбы 1941–1945 гг., а история «первой» Югославии подверглась значительным искажениям. Поэтому неудивительно, что, с ослаблением режима после смерти Й. Б. Тито, в 1980-х годах, историография «посылала тревожащие спазмы в государственный организм» [9. S. 34]. Она так и не смогла стать общим «интеллектуальным форумом, достаточно эластичным, чтобы охватить в дискуссии сталкивающиеся позиции», и вскоре раскололась вслед за государством по республиканским и этническим границам. Прежняя «конфедерация национальных историографий» была погребена «волной противоречащих и взаимоисключающих ревизий», которой были заняты многие, помимо историков, в надежде «пришпорить мертвого коня коммунистической историографии и найти в прошлом легитимацию националистическим проектам» [9. S. 35]. В этот момент была продемонстрирована крайняя опасность как политико-правового статуса исторической истины, так и тенденциозного слома прежних догм.

Фатальным оказалось выявленное в конце 1980-х годов преувеличение последствий Второй мировой войны. Цифра в 1 700 000 жертв «оккупантов и их пособников» была выдумана на заре режима для получения больших репараций и для камуфляжа гражданской бойни, а затем была догматизирована властями. В конце 1980-х годов разоблачение подлога привело к националистической «конкуренции жертв», обращенной и против коммунистического центра (Блайбург и Кочевский рог, где происходили похожие события). В ложном выборе между коммунизмом и национализмом один ревизионизм сменялся другим, подстегивая новую войну.

Катастрофический распад Югославии и кровопролитные войны 1990-х годов привели к обособлению национальных историографических школ, разрушению и до того слабых институциональных и личных связей между историками и «ценностному хаосу», особенно в домене истории Второй мировой войны. Антикоммунистические движения оказались легитимированы, независимо от их отношения к фашизму. И теперь трудно сказать, какая парадигма доминирует и кто ее пересматривает. Все это следствие глубокого послевоенного общественного кризиса, «бесправия, криминализации и коррупции». Тем временем процессы ревизии продолжаются в судебных решениях по реабилитации, переименовании улиц, в разрушении и установке памятников,

в школьных учебниках. «Меняются политические координаты, но не базовые ценности системы», одни преступления криминализируются, а другие оправдываются в политических интересах. «Ревизионизм соскальзывает в негационизм». Будучи неспособными отыскать в прошлом ценности, необходимые для современного общества, постъюгославские историки оказываются «в восточноевропейской ловушке между левым или правым авторитаризмом, отягощенные наследием недавней войны» [9. S. 37].

Столкновения 1990-х годов перешли на страницы исторических трудов. Судебные системы неспособны оказать помощь в отыскании правды, а политическая воля для необходимых изменений, которые бы воспрепятствовали отрицанию преступлений, отсутствует. Ограничителем может стать лишь огромная документация, собранная Международным трибуналом по бывшей Югославии, поскольку ее невозможно игнорировать.

В противостоянии версии Трибунала и национальных историографий в искаженном виде проецируются расхождения между правовой и исторической логикой поиска правды, универсальными принципами и государственными интересами. Конечно, историки должны писать не судьи, а историки. Вопрос, будут ли они нацелены на «взаимоисключающие интерпретационные траектории, основанные на изоляционистских апологиях, или же будут критически усваивать выводы из правовых процессов, относящихся к их новейшей истории. Постъюгославские историографии могут способствовать как продолжению, так и сдерживанию фактографической, интерпретативной и ценностной анархии» [9. S. 41]. Спустя более десятилетия после этой публикации В. Петровича можно констатировать, что предложенная им дилемма так и осталась не разрешенной.

Радикальная критика «исторического ревизионизма» в Сербии развернулась под эгидой историков левой ориентации с опорой на традиции антифашистской борьбы коммунистических партизан. Основанная в 2001 г. в Нови Саде «Альтернативная культурная организации» (АКО), при поддержке Фонда Розы Люксембург с 2009 г., поставила задачей выработку «альтернативы культуре национализма, патриотизма и правого экстремизма в Сербии»⁵. В редакторском введении (М. Бешлин, П. Атанацкович) к опубликованному АКО в 2012 г. сборнике работ «Антифашизм перед вызовами современности» опровергнуты любые попытки пересмотра истории Второй мировой войны, доставшиеся в наследство от СФРЮ: «Югославия имела *единственное антифашистское движение* (выделено авторами. — М.Б.), партизанское (Народно-освободительную армию Югославии под командованием Иосипа Броза Тито), которое одержало победу на этих просторах» [16. S. 15]. Критика коммунизма (его «преступлений») оценена как попытка преуменьшить значение этой победы, подорвать ценности антифашизма и обосновать националистическую (неофашистскую доктрину), т.е. как «исторический ревизионизм». Хотя статья В. Петровича названа во введении «хорошим примером теоретического объяснения ревизионизма» [16. S. 13. № 4], ее критическое содержание не учтено. Авторы следовали более однозначной трактовке «исторического ревизионизма», восходящей к книге Т. Кулича, который тоже участвовал в сборнике статей, ранее опубликованной в другом издании.

⁵ <https://www.rosalux.rs/bhs/alternativna-kulturna-organizacija> (дата обращения 26.04.2020). Издания критиков «исторического ревизионизма» в Боснии и Герцеговине поддерживает Фонд Фридриха Эберта (см. [12–14]). Впрочем, последнее издание на эту тему вышло в Сараеве под эгидой «Ассоциации современной истории» и получило финансирование Федерального министерства образования и науки Боснии и Герцеговины [15].

Следующий сборник «Политическое использование прошлого: об историческом ревизионизме в постъюгославском пространстве» (2014) стал результатом научной конференции, организованной не под сенью традиционных научных институций, а под эгидой той же АКО. Соредатор издания Срджан Милошевич во вступительной статье [17. S. 11–25] представил обзор вариантов использования термина «ревизионизм», а также предложил, следуя за Т. Куличем, семантически отделить «ревизию», пересмотр чего-либо (включая и наши представления о прошлом), от «ревизионизма» как политико-идеологической практики. При этом он признал оценочную зависимость этого термина в разных трактовках и в разных дискурсивных сетях (в частности, связанность или противопоставление его феномену отрицателей Холокоста). Во избежание путаницы Милошевич локализовал «ревизионизм» применительно к пространствам бывшей Югославии в националистически мотивированных практиках переписывания истории Второй мировой войны и возникшей в результате нее федерации.

Эти усилия диктовались потребностями мобилизации во время войн 1990-х годов, а затем их оправданием. Милошевич, следовательно, предложил считать «ревизионизм» исключительно негативным проявлением, вызванным стремлением использовать прошлое в узких политических и идеологических целях. Поэтому он может проявляться не только в изобретении новых, но и в возврате к старым интерпретациям. В таком случае речь идет о деволуции знания о прошлом. В свою очередь главными стратегиями ревизионизма являются фальсификация, релятивизация исторических свидетельств и реинтерпретация с аурой «долго скрывавшейся истины». В противоположность этому перенесение акцентов в толковании прошлого, обусловленное широкими общественными потребностями, может быть легитимным.

Ревизионизм проявляется в разных сферах общественной жизни, включая правовые отношения и особенно в средствах массовой информации и массовой культуре, но наиболее опасной его разновидностью следует считать историографический ревизионизм, который защищен академическим статусом, тогда как в реальности научные методы игнорируются. В таком случае он часто прибегает к отбрасыванию марксистских интерпретаций как догматических и дискредитированных коммунистическими режимами.

Милошевич вступил в полемику с замечаниями В. Петровича, которые поставили под вопрос аналитическую силу понятия «исторический ревизионизм». Он признал, что некоторые утверждения о прошлом могут превращаться в догмы и должны быть подвергнуты ревизии, в силу изменения общественных ценностей: «Догма подразумевает некритическое восприятие. Когда речь идет об общественных ценностях, они действительно могут быть догматизированы, но не все таковы. Они часто имеют свою рационально обоснованную, гуманную ориентацию, и их критически обсуждают. Однако важно [подчеркнуть], что не все равно, с каких общих ценностных позиций рассуждают о конкретной ценностной системе. Например, совершенно легитимно критиковать определенную ценностную систему в стремлении к большему равноправию, в отличие от критики, которая бы стремилась к большей дискриминации. Идея человеческого равноправия, хотя она и не связана с истинностью и наукой, конечно же, не *догма* (выделено автором. — М.Б.), но ее оспаривание — это, действительно, нецивилизованный акт». Научно обоснованное суждение о фашизме не может *существенно* отличаться от господствующего представления о нем, как «об одном из самых мрачных явлений в истории человечества» [17. S. 14]. Однако Милошевич ничего не написал о пределах снятия догмы о коммунизме,

который в предыдущем сборнике характеризовался как единственный проводник антифашистской борьбы в Югославии.

Критика ревизионизма получила новый стимул с голосованием 19 сентября 2019 г. в европарламенте за новую резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», ставшую очередным звеном в ряду других документов, принимавшихся начиная с 1996 г. и особенно после 2005 г. для осуждения любых форм тоталитаризма⁶.

С точки зрения критиков «исторического ревизионизма», такая резолюция, уравнивающая преступления нацизма и сталинизма (коммунизма), ведет, с одной стороны, к релятивизации опасности фашизма, оправданию его пособников и коллаборационистов, а с другой, призвана маргинализировать социалистические идеалы и их сторонников [19. С. 3–4]. Похожая позиция выражена в сараевской публикации [14]. Ее автор Т. Ципек указал на двойственность югославского опыта, с одной стороны, укорененного в антифашистской народно-освободительной борьбе, а с другой, запятнанного антидемократической однопартийной диктатурой. Вместе с тем отбрасывание его позитивного исторического значения и стратегии «национализации» общей антифашистской борьбы направлены на поддержание атмосферы враждебности между народами бывшей Югославии. К тому же они блокируют гражданский диалог и демократическое участие внутри государств-наследников.

В январе 2020 г. ряд историков (Д. Стоянович, Т. Яковина, Б. Репе, Х. Камберович, М. Бешлин), члены рабочей группы проекта «Кто первый начал? — Историки против ревизионизма» выступили с инициативой соответствующей его названию общерегиональной декларации⁷.

Авторитетный хорватский «Журнал современной истории» в 2019 г. опубликовал статьи двух авторов, придерживающихся разных взглядов на «исторический ревизионизм». Они демонстрируют различия между национально-ориентированной и транснациональной позицией в историографии. Характер дискуссии можно понять и как некую инсценировку немецкого «спора историков» тридцатилетней давности в эпоху «постправды».

Сотрудник Хорватского института истории (ХИИ), специалист по войне 1991–1995 годов и независимой Хорватии Д. Мариян оценил «исторический ревизионизм» как ненужное и вредное понятие [1]. Игнорируя, безусловно, известные ему работы, он поместил этот термин в ложные семантические поля и отверг его применимость к хорватской истории, существующей как бы совершенно отдельно от внешнего мира⁸. Статья полна недоговорок и противоречий. Доводы оппонентов приводятся в длинных цитатах и редко опровергаются, однако им в другой части статьи противопоставляется авторское мнение. Мариян сетует на идеологический раскол в хорватском обществе при переходе от тоталитаризма к многопартийности, что нивелирует ценность исторической правды, оказавшейся в плену у партийно-идеологических спекуляций. А борцы

⁶ Обзор и анализ подобного рода усилий см. [18. С. 91–104].

⁷ <https://www.historiografija.ba/article.php?id=63> (дата обращения 26.04.2020). Текст декларации под названием «Защитим историю» был опубликован в середине июня, и к ней присоединилось на данный момент около 600 человек. См.: <http://www.krokodil.rs/objavljena-je-deklaracija-odbranim-istoriju/> (дата обращения 20.08.2020).

⁸ Из сборника «Ревизия прошлого на просторах бывшей Югославии» (2007) Мариян цитирует только статью И. Гольдштейна и Г. Хутинаца о хорватской историографии, а в другом месте задается вопросом: «Было бы занято установить, принято ли понятие исторического ревизионизма в части соседних стран по хорватскому образцу?» [1. С. 406].

с «историческим ревизионизмом» в таком случае превращаются всего лишь в политических активистов, «ревизионистов», призывающих к «ревизии ревизии». Следовательно, их усилия ничтожны в научном измерении, а в случае Хорватии они заданы тенденцией детуджманизации после 2000 г. Мариян готов признать за Туджманом избирательный подход к прошлому, но не ревизионизм [1. S. 404].

Одним из главных аргументов Марияна является ссылка на жесткий идеологический контроль со стороны коммунистической бюрократии в Югославии над особенно чувствительными темами, в частности, историей Второй мировой войны. В течение долгих десятилетий преувеличивалось количество жертв (в том числе в лагере Ясеновац), и они были пересмотрены только на закате режима, хотя общепризнанных цифр до сих пор нет [1. S. 408]. И сейчас фиксация на этом «ужасном аспекте» в истории НГХ выгодна лишь радикалам справа и слева. Не стоит бояться критического и непредвзятого рассмотрения профессиональными историками таких вопросов как расовые законы или террор. НГХ «была союзной державой Оси, и это ее четко определяет, этот факт невозможно релятивизировать, как бы ни пытаться это сделать» [1. S. 412].

Впрочем, главную беду югославской историографии Мариян усматривает не в догматической предзаданности марксизма, но именно в политической конфронтации, укорененной в «тоталитарном сознании». В новом облике оно проявило себя в 1990-е годы. Относится ли это замечание к националистической переделке прошлого? Другой аргумент историка противоречит декларируемой установке на диалог и открытость. Неприемлемость понятия «исторический ревизионизм» обусловлена тем, что оно привнесено извне частью «левых» историков, не будучи укоренено в хорватской историографии. Это новая идеологическая угроза для непредвзятых профессионалов, которых с другой стороны атакуют дилетанты. Историки становятся жертвами вероятных обвинений в «ревизионизме», а исследовательская работа «замораживается» [1. S. 413].

Понятие «геноцид» применительно к политике НГХ, по мнению Марияна, стало исключительно продуктом поднявшего голову на закате Югославии сербского национализма. Это более звучное наименование заменило, использованный ранее термин «массовые преступления» [1. S. 394]. В данном случае историка не смущает, что последний был идеологическим эвфемизмом коммунистической эпохи, поскольку важнее логики — делегитимация «сильного» и явно неприятного определения.

Вообще обсуждение «исторического ревизионизма» Мариян растворил в очерке хорватской историографии до и после 1991 г., в том числе в ее институциональном измерении. После обретения независимости бывший Институт истории рабочего движения был преобразован сначала в Институт современной истории, а затем в ХИИ в пику «слишком марксистскому» Отделению истории на Философском факультете Загребского университета. По мнению критиков «исторического ревизионизма», он превратился в орган официальной националистической историографии. Не оспаривая прямо это утверждение⁹, Мариян возложил вину за «помутнение» истории на полчища любителей, захвативших ее территорию благодаря открывшейся свободе слова.

⁹ Во второй статье Мариян перешел в наступление и использовал аргумент *ad hominem* для опровержения этого тезиса Н. Будака: «Центром исторического ревизионизма в Хорватии ХИИ назвал один медиевист (а в свое время и секретарь ячейки Союза коммунистов Хорватии на историческом отделении), а медиевалистика, как общеизвестно, занимается современной историей, или я ошибаюсь?» [20. S. 254].

В статье, появившейся в следующем номере журнала, политолог М. Касапович, напротив, отстаивала (с опорой на опыт Германии и Израиля) продуктивность использования понятия «исторического ревизионизма», поскольку в Хорватии после 1990 г. преобладали политически и идеологически мотивированные версии истории Второй мировой войны [21].

Ранее на страницах хорватской «Политической мысли» Касапович опубликовала анализ практики «исторического ревизионизма» в Хорватии «Геноцид в НГХ: преуменьшение, банализация и отрицание преступлений» [22]. Исследовательница отметила, что стремление представить НГХ как «обычный» авторитарный режим, противостоявший во время Второй мировой войны державам-победительницам, а также приуменьшить количество жертв террора и отрицать геноцид усташей в отношении сербов, евреев и цыган не является уделом маргиналов, поскольку авторы-ревизионисты сотрудничают во влиятельных образовательных, исследовательских и общественных институтах. Среди множества перечисленных был назван и ХИИ [22. S.10–11. № 8].

Центральные усилия ревизионистов направлены на деконструкцию «мифа о Ясеноваце», за которым отрицается характер лагеря смерти, количество сербских жертв преуменьшается (они «десербизируются»), а усташеский террор представляется как ответная мера государственной защиты от террористов (партизан и четников). Отрицается националистический характер злодеяний усташей, а их действия релятивизируются как «меньшее зло» по сравнению с преступлениями коммунистического режима, якобы использовавшего Ясеновац после войны для расправы над своими противниками.

Спор Марияна с Касапович продолжился его второй статьей, опубликованной на страницах того же журнала в начале 2020 г. В обеих публикациях он защищал «территорию историка» от нелегитимного вторжения на нее представителей иных общественных наук, не имеющих необходимого профессионального опыта. Подрыв репутации оппонента был дополнен упоминанием о ранней карьере Касапович в югославском комсомоле. И в первой, и во второй столь же пространной статье Мариян проявил удивительную глухоту к аргументации оппонентов и неприятие опыта изучения «исторического ревизионизма» за пределами Хорватии, представленного Касапович. Но и она, определяя его¹⁰, проигнорировала прежние усилия постъюгославских исследователей по изучению этого феномена.

Отрицая значимость чужих примеров, Мариян неосознанно повторил аргументацию немецких ревизионистов, высказанную в 1980-е годы: сомнения в значимости понятия, поскольку историки постоянно проводят «ревизию» образов прошлого; неправомерность вмешательства неспециалистов в их работу; защиту «простых людей», которые жили под властью преступного режима, не участвуя в его злодеяниях. Уклончивая позиция Марияна легитимирована эмансипацией научного знания от какой-либо идеологии (а вопрос об общих ценностях им проигнорирован). Однако историка явно меньше беспокоят инсинуации националистов («справа»), нежели атаки леволиберального фланга: «На одной стороне преимущественно маргинализированные авторы, мотивированные семейной трагедией и фрустрацией, на другой стороне,

¹⁰ «Исторический ревизионизм нелегитимен, если подразумевает реинтерпретацию определенных исторических событий или периодов, обычно “темных сторон” национальной истории, которые не основываются на новых научных изысканиях и выводах, а мотивированы идеологическими и политическими стремлениями исключить или же “высветлить” эти “темные стороны”» [21. S. 954]. Это определение, тем не менее, в общем совпадает с мнением других критиков «исторического ревизионизма» (С. Гольдштейна, Т. Кулича, С. Милошевича).

“признанные” ученые, преимущественно университетские профессора, в основном мотивированные особым политическим ангажементом, то есть принадлежностью коммунистическим структурам, и они имеют влияние на студентов исторического и других направлений, пишут колонки, книги, которые получают поддержку государства и их рекламируют релевантные медиа, создающие впечатление о мейнстриме» [20. S. 265].

«Партийная» позиция Марияна проявилась вопреки желанию остаться внутри академических рамок, когда он более решительно, чем в первой статье, обвинил эту группу авторов в медийном «отпоре политике Туджмана на обретение самостоятельности, защиту и освобождение Хорватии, а после и в процессе детуджманизации, т.е. в попытках уничтожить или преуменьшить результаты политики Туджмана» [20. S. 255]. Поэтому обвинения в «историческом ревизионизме» Мариян более определенно охарактеризовал как способ «воспрепятствовать признанию последствий коммунистического тоталитаризма и поддержание позиции морального превосходства, которая предполагает и конкретные социальные привилегии и материальные выгоды» [20. S. 285].

Анализ историографической ситуации из содержательного или ценностного разбора переводится в социологический режим, почти в духе П. Бурдьё, где символический капитал может превращаться в материальный, а академическое поле выглядит как арена борьбы за власть. В ответе Марияна совершенно очевидна уверенность в том, что прошлое должно служить интересам национальной государственности. Ему явно неприятна «сатанизация» НГХ, разговоры о геноциде, которые якобы только на руку сербским националистам, и гораздо интереснее разоблачение коммунистического режима, на фоне которого преступления усташей могут померкнуть. Неслучайно во второй статье Мариян сочувственно процитировал авторское предисловие к хорватскому переводу поздней иконоборческой книги Ф. Фюре. Критики «исторического ревизионизма» — либо бывшие коммунисты, подрывающие независимость государства, либо связанные с медиарынком производители сенсаций и неоправданных «разоблачений»¹¹.

Почему же «исторический ревизионизм» оказался столь значимым или столь тревожащим понятием для историков из бывшей Югославии? Для ответа на этот вопрос надо принять во внимание, во-первых, ее особое положение в ряду стран социализма и, во-вторых, крайне болезненный выход из него. Победа коммунистического движения Сопротивления в 1945 г., разрыв с Москвой (1948)¹², «особый путь» к социализму и внеблоковое положение Югославии во время холодной войны не позволили использовать в посткоммунистических интерпретациях прошлого версию внешнего насилия со стороны «красной империи». Поэтому ответственность за тоталитарный режим в странах бывшей Югославии перекладывалась на соседей, представлялась деянием отступников от национальной миссии или результатом «трагической ошибки». Мифологема антифашистской борьбы национализировалась, а интернациональный компонент из воспоминаний о ней элиминировался.

Отрезвление, наступившее после войн 1990-х, и неудовлетворенность результатами «транзита» создали условия для критической переоценки текущей

¹¹ Дискуссия, по-видимому, на этом не закончится, и на нее уже дан первый отклик: [23]. См. также подборку публикаций на ту же тему: <http://historiografija.hr/?p=21609> (дата обращения 20.08.2020).

¹² Т. Кулич заметил по этому поводу: «Антисталинизм Тито не имел национального отзвука и не мог быть инструментализирован в 1990-х» [5. S. 483].

ситуации и доминирующего отношения к прошлому. Националистическая ревизия стала водоразделом между большими группами исследователей, экспертов и публичных интеллектуалов. Одни остаются на национально-изоляционистских позициях и защищают правомочность прошедшей ревизии искажениями истории в коммунистической Югославии. Другие делают выбор в пользу транснациональной европейской памяти о геноциде и солидарности с их жертвами. Третьи пытаются придать новую актуальность югославской антифашистской идеологии для обоснования левого активизма в борьбе с любыми формами дискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Marijan D.* Suvremena hrvatska povijest i nevolje s revizionizmom // *Časopis za suvremenu povijest*. 2019. Br. 2.
2. Goldstein I., Goldstein S. *Holokaust u Zagrebu*. Zagreb, 2001.
3. Goldstein I., Hutinac G. Neki aspekti revizionizma u hrvatskoj historiografiji // *Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
4. *Kuljić T.* *Kultura sećanja: Teorijska objašnjenja upotrebe prošlosti*. Beograd, 2006.
5. *Kuljić T.* *Prevladavanje prošlosti: uzroci i pravci promene slike istorije krajem XX veka*. Beograd, 2002.
6. *Ilić V.* *Oblici kritike socijalizma* Zrenjanin Gradska narodna biblioteka «Ž. Zrenjanin», Zrenjanin: 1998.
7. *Тимофеев А. Ю.* Корни исторического ревизионизма и сохранение исторической памяти о гражданской войне 1941–1945 гг. в современной Сербии // *Вестник Московского университета*. Сер. 8. История. 2020 (в печати).
8. *Kamberović H.* *Između kritičke historiografije i ideološkog revizionizma* // *Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
9. *Petrović V.* (Ne)legitimni revizionizam: pravo i (pseudo)historiografske revizije na zapadu i istoku // *Revizija prošlosti na prostorima bivše Jugoslavije: zbornik radova*. Sarajevo, 2007.
10. *Petrović V.* From Revisionism to «Revisionism»: Legal Limits to Historical Interpretation // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989* / Ed. by Michal Kopeček. Budapest, 2009.
11. *Миллер А. И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1 (80).
12. *Karačić D., Banjeglav T., Govedarica N.* Re: vizija prošlosti: politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo, 2012.
13. *Vuković Đ.* *Društvo u sumraku: ogledi iz političke kulture*. Sarajevo, 2019.
14. *Cipek T.* *Historijski revizionizam u Bosni i Hercegovini. Socijaldemokratska politika sjećanja između dva totalitarizma*. Sarajevo, 2019.
15. *Pred izazovima revizionističkih historiografija: regionalni kontekst: zbornik radova* / Ured. M. Bešlin, H. Kamberović, A. Prekić. Sarajevo, 2020.
16. *Antifašizam pred izazovima savremenosti* / Ured. M. Bešlin i P. Atanacković. Novi Sad, 2012.
17. *Milošević S.* *Istorijski revizionizam i društveni kontekst* // *Politička upotreba prošlosti: O istorijskom revizionizmu na postjugoslovenskom prostoru: zbornik radova* / Ured. M. Samardžić, M. Bešlin, S. Milošević. Novi Sad, 2013.
18. *Касьянов Г.* *Украина и соседи: историческая политика 1987–2018*. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
19. *Manolović-Pintar O.* Javni prostor – forum ili ring? // *Helsinški bilten*. Br. 153. Decembar 2019. O istorijskom revizionizmu. S. 3–5.
20. *Marijan D.* O znanosti, ideologiji i totalitarnoj svijesti u nedovršenoj hrvatskoj tranziciji – odgovor Mirjani Kasapović // *Časopis za suvremenu povijest*. 2020. Br. 1.
21. *Kasapović M.* *Povijest, povijesni revizionizam i politike povijesti* // *Časopis za suvremenu povijest*. 2019. Br. 3.
22. *Kasapović M.* *Genocid u NDH: Umanjivanje, banaliziranje i poricanje zločina* // *Politička misao*. 2018. Br. 1.
23. *Jurak K.* *Revizija revizionizma. Prilog raspravi Davora Marijana i Mirjane Kasapović – dio prvi* // *Portal hrvatske historiografije*. 24.04.2020. URL: <http://www.historiografija.hr/?p=20499> (дата обращения 26.04.2020).

К ТЕМЕ: С.Н. ВАЛК И МАРКСИЗМ.
(ЗАМЕТКИ С.Н. ВАЛКА НА ПОЛЯХ КНИГИ АДАМА ШАФФА
«МАРКСИЗМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ»)

2020 г. Б.С. Каганович

*Д-р истор. наук, ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института истории РАН*

amabor@mail.ru

Статья посвящена контактам выдающегося советского историка С. Н. Валка с польской наукой и культурой. В этой связи рассматриваются важные аспекты исторического мировоззрения С. Н. Валка, в частности его отношение к различным направлениям в марксизме. Подробно анализируются ремарки С. Н. Валка на полях книги известного польского философа Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность».

The article is devoted to the contacts between the outstanding Soviet historian Sigismund N. Valk and Polish culture and academia. The paper focuses on important aspects of Valk's historical vision, his attitude to different trends of Marxism in particular. Special attention is paid to the analysis of Valk's notes in the margins of the book of the renown Polish philosopher Adam Schaff «Marxism and the Human Individual».

Ключевые слова: С. Н. Валк, Польша, марксизм, А. Шафф, Петербургская историческая школа.

Keywords: Sigismund N. Valk, Poland, Marxism, Adam Schaff, St. Petersburg historical school.

DOI: 10.31857/S0869544X0011091-3

Крупнейший советский историк-источниковед Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975) известен более всего как исключительный знаток — прежде всего в источниковедческом плане — едва ли не всех периодов истории России — и это, несомненно, правильно (см., в частности [1–6]). Но у него было и свое видение истории, во всяком случае, многих ее проблем, — и оно в значительной степени осталось невысказанным, очень часто его приходится «вычитывать» из различных его попутных замечаний и нюансов в формулировках. Как правило, С. Н. Валк замыкался в своем амплуа источниковеда и историографа. Конечно, это был его сознательный выбор, соответствовавший его натуре и пониманию задач историка, но думается, что здесь сыграли роль и те условия, в которых протекала научная деятельность Валка. Как нам представляется, он был человеком очень сдержанным и скорее закрытым. Действовала

и привычная осторожность, выработанная за годы советской власти. Покойный академик Б. В. Ананьич называл историческое мировоззрение и работы С. Н. Валка «изысканными», но добавлял: «Сигизмунд Натанович ужасно всего боялся. До конца жизни боялся. Он перед смертью уничтожил часть своего архива. Сжег многие письма. Он прекрасно все знал, но мало писал. Все что он писал, было изысканно» [7].

Жизнь Валка по сравнению с большинством историков его поколения сложилась благополучно. Он дожил почти до 90 лет, не арестовывался и не преследовался, до конца жизни был сотрудником Академии Наук и профессором Ленинградского университета (хотя имел, конечно, немало различных неприятностей и тяжелых переживаний). Но, будучи историком высочайшей квалификации, — он мог с равной компетентностью профессионально заниматься «Русской Правдой», средневековыми новгородскими актами, русскими историками XVIII в., деятельностью Сперанского, народовольческим движением, эпохой Александра III, теорией источниковедения и документами советского периода — Валк так и не написал своей настоящей большой книги. Единственная его книга, вышедшая при жизни, «Советская археография» 1948 г., ценнейшее руководство по изданию исторических документов, в значительной степени носит обзорно-библиографический характер.

Нелегко понять, каковы в действительности были политические и философско-социологические взгляды С. Н. Валка (а они у него, несомненно, были, как у всякого крупного историка). Официально он был советским ученым и марксистом, но мы знаем, что за этим могли стоять самые разные позиции. Несомненно, что Валк изначально по своим взглядам был более «левым», чем многие его товарищи по университету. Он не сочувствовал политическому строю царской России и в молодости был причастен к протестному движению: был исключен из предпоследнего класса гимназии и просидел два месяца в тюрьме ввиду «явного сочувствия к деятельности Польской социалистической партии», как писал полицейский чиновник [8. Л. 35], позднее, в 1911 г., за участие в студенческих волнениях на год исключался из университета. Но он всю жизнь оставался беспартийным — и до и после революции¹. Не только как ученый, но и как личность С. Н. Валк в огромной мере сформировался в петербургской академической среде, и его отличала большая терпимость: научные работы он оценивал исключительно с точки зрения их научной ценности, вне зависимости от политических взглядов их авторов. Он, например, очень высоко ценил таких весьма консервативных историков, как С. Ф. Платонов и Н. П. Лихачев, с которыми у него едва ли могли быть сколько-нибудь близкие личные отношения. Ближайшие учителя Валка, портреты которых висели в его кабинете, были кадетами (А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков) или либеральными народниками (В. И. Семевский). Трудно сказать, в какой мере Валк в последующие годы сохранил левые настроения своей молодости. Во всяком случае он определенно не был ни большевиком, ни тем более сталинистом. Весьма вероятно, что С. Н. Валк придерживался более или менее социал-демократических взглядов.

Следует также помнить, что С. Н. Валк смолоду был не чужд философских и методологических интересов, отчасти, по крайней мере, привитых ему в школе А. С. Лаппо-Данилевского (и очень далеких от проблематики

¹ В советских анкетах на стандартный вопрос о партийности Валк отвечал: «Б/п. В других партиях не состоял» (см., например, личное дело С. Н. Валка в ЛОИИ).

«диамата»), о которых он вспоминал в одной из своих первых публикаций, посвященных учителю: «Вы прекрасно знаете, что для А.С. всякое суждение было связано с проблемой его оснований» [9. С. 160]. В числе университетских профессоров Валка были Н. О. Лосский и А. И. Введенский, а в его библиотеке было довольно много книг по философии и психологии первых десятилетий XX в. на немецком языке.

Покойная ученица С. Н. Валка Н. Г. Сими́на, опекавшая его после смерти жены, вспоминала на одном из мемориальных заседаний: «Вечерами он мне много рассказывал. О Ленине не говорил, но рассказывал свои впечатления о Троцком и многих других. Например, о своих разговорах с Каменевым, о котором отзывался с большим уважением (был знаком с ним как с директором Института Ленина в 20-е годы), о многих ученых. Он, несомненно, много думал о смерти и последние месяцы пересматривал свой архив и жег письма. Мой сын ночевал у него в библиотеке и каждый день выносил ведро с пеплом. Попытки уговорить его сохранить бумаги с тем, что они никому не будут показаны, не возымели действия»².

Сама за себя говорит и запись в дневнике польского историка Витольда Кули, сделанная 11 ноября 1955 г. во время посещения Ленинграда: «Разговор с проф. Валком о польских материалах в ленинградских архивах. Не хочет говорить, уклоняется» [10. С. 30]³.

С. Н. Валку принадлежит много работ по истории революционного движения в России XIX в. В 1920-х годах он был сотрудником существовавшего тогда в системе Центрархива петроградского Историко-революционного архива, где в его ведении находились, в частности, документы Департамента полиции. Можно не сомневаться, что Валк прекрасно знал во всех деталях историю русского революционного движения⁴, в том числе и те ее страницы, которые замалчивались или искажались официальной советской историографией⁵. В работах на эту тему он старался избегать общих суждений и оценок, но не всегда это ему удавалось.

В 1924–1929 гг., при подготовке первого посмертного собрания сочинений Ленина, С. Н. Валк был консультантом Института Ленина по вопросам археографии, читал лекции по археографии для его сотрудников и составил «Проект правил издания трудов В. И. Ленина». Позднее это постоянно подчеркивалось как доказательство советской «правильности» Валка. Мы, однако, не стали бы преувеличивать значение данного факта, хотя он, конечно, указывает, что Валк не был *persona non grata* для этого учреждения. Роль Валка была чисто техническая: он содействовал поддержанию определенной археографической культуры, но не он решал, какие тексты Ленина включать или не включать в издание, и не он их комментировал. Для Валка это участие было своего

² Выступление на заседании памяти С. Н. Валка в Петербургском Институте истории РАН 13 декабря 2012 г. (записано автором данной статьи).

³ В библиотеке Валка была вышедшая через несколько лет после этого разговора замечательная книга В. Кули «Размышления об истории» [11].

⁴ Американский историк Л. Хеймсон, выступая в мае 1999 г. в Петербурге на заседании памяти В. С. Дякина, вспоминал, что перед его первой поездкой в СССР в 1960 г. меньшевик-эмигрант и выдающийся историк Б. И. Николаевский посоветовал ему обязательно встретиться с С. Н. Валком. «Когда старик услышал, что я от Николаевского, он прямо подпрыгнул, на его лице выразилась какая-то смесь любопытства и испуга».

⁵ Б. В. Ананьич говорил автору настоящей статьи, что идею его и Р. Ш. Ганелина нашумевших работ о Драгоманове и «Священной дружине» им подал С. Н. Валк.

рода охранной грамотой, а работе партийного Института придавало известную академическую респектабельность. Валк и позднее участвовал в некоторых изданиях ИМЭЛ: подготовил к печати первый том «Декретов Октябрьской революции» (1933) и был членом редколлегии издания «Декреты Советской власти» (начиная с 1957 г.). Е. Н. Кушева полагала, что в свое время «скорее всего от ареста его оградила работа над “Декретами Советской власти”» [12. С. 154]. Очевидно, что такая работа не могла не быть связана с рядом компромиссов со стороны Валка.

Очень интересно относящееся к концу жизни Валка свидетельство историка Г. М. Дейча, считавшего себя его учеником: «Он, например, яростно выступал против моих занятий эпистолярным наследием Ленина, говоря, что поскольку мне как беспартийному человеку никогда не будут доступны архивные документы Ц[ентрального] П[артийного] А[рхива], то и не нужно и даже вредно этим заниматься [...] Желая отвлечь меня от ленинской тематики, Валк часто предлагал мне разные темы и поручения, но я упорно гнул свою линию, и это его сильно сердило. Мы расходились с Валком и в вопросах идейных. Он, например, с горечью утверждал, что пятьдесят с лишним лет советской власти показывают, насколько далеко разошлись теория и практика марксизма-ленинизма, что теория себя не оправдала» [13. С. 63–64]; (ср. [13. С. 159–160]). Г. М. Дейч был человеком совсем иной культуры, чем Валк, и, вероятно, передал сказанное им «своими словами», кое-что упростив, но едва ли он полностью исказил основной смысл услышанного.

«Он следил за событиями в мире, покупал газеты на разных языках, которые у нас продавались, коммунистические, конечно, но какая-то информация в них содержалась», — вспоминала Н. Г. Сими́на. Газеты были на немецком, французском, английском, итальянском и польском языках.

В известной степени ключом к пониманию внутреннего мира человека является его библиотека. Личная библиотека С. Н. Валка в основном хранится ныне в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН (в прошлом Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ)). Значительную ее часть составляют книги на польском языке (около 300). Тема «Валк и Польша» заслуживает специального изучения, опытом которого в определенном аспекте и является настоящая статья.

Как известно, Сигизмунд Натанович Валк родился в еврейской семье в Вильно, где его отец был владельцем аптеки. Вскоре семья переехала в Лодзь, здесь будущий историк учился в русской гимназии, из которой в 1906 г. был исключен (см. выше). Гимназию он окончил в 1907 г. в г. Новая Александрия Люблинской губернии (ныне город Пулавы в Польше)⁶. Судя по всему, польский язык С. Н. Валк знал не хуже русского. Интерес к польской истории, культуре и литературе он сохранил до конца жизни⁷. В 1950-е годы Валк несколько раз выступал оппонентом на защитах диссертаций по истории Польши в Ленинградском университете, но интенсивных живых контактов с польскими учеными у него, по-видимому, не было⁸.

⁶ В 1911 г. семья вернулась в Вильно, где отец вскоре умер, а мать и три сестры, с которыми С. Н. Валк поддерживал переписку, жили там до Второй мировой войны. Все они погибли во время фашистской оккупации.

⁷ В библиотеке С. Н. Валка были книги Ю. Тувима, Я. Ивашкевича, Е. Анджеевского и других польских писателей XX в., а также классиков польской литературы Мицкевича, Словацкого и др.

⁸ В относящемся к последним годам жизни недатированном письме к В. Р. Лейкиной-Свирской С. Н. Валк замечал: «Много десятилетий не получал писем на польском языке» [14. Л. 1].

В польском отделе библиотеки С. Н. Валка⁹ наряду с довольно многочисленными работами по истории Польши, преимущественно XIX–XX вв., историографии, мемуарами, художественной литературой, книгами по музыке¹⁰, было несколько книг философов неомарксистского (как тогда говорили) направления, например сборник «Философия и социология XX века» [15] со статьями Л. Колаковского, Б. Бачко, З. Баумана, Е. Шацкого и др., «13 историй из королевства Лайлонии для больших и маленьких» Л. Колаковского [16], три книги Роже Гароди в польском переводе: «Путь Арагона» [17], «Некоторые актуальные проблемы культуры» [18] и «Реализм без берегов» [19].

Из них особого внимания заслуживает в интересующем нас плане книга Адама Шаффа «Марксизм и человеческая личность», в которой содержатся многочисленные пометы С. Н. Валка¹¹. Прежде чем перейти к их рассмотрению, я хотел бы привести некоторые данные об авторе этой книги и о резонансе, который она вызвала.

Польский философ-марксист Адам Шафф (1913–2006) родился в Львове в семье адвоката, окончил юридический факультет Львовского университета и Школу политических и экономических наук в Париже. С начала 1930-х годов он был членом коммунистической партии Польши, годы войны провел в Советском Союзе, где защитил докторскую диссертацию в Институте философии АН СССР. По возвращении в Польшу стал профессором Лодзинского университета, в 1948 г. перешел в Варшавский. На протяжении почти четверти века Шафф был «главным» коммунистическим философом Польши, с 1954 г. кандидатом в ЦК, в 1957–1968 гг. членом ЦК ПОРП. Автор большого числа книг¹², Шафф в первое послевоенное десятилетие насаждал в Польше марксизм-ленинизм советского типа, хотя, будучи человеком образованным и умным, он проводил этот курс гораздо мягче, чем это имело место в СССР (так, ряд отстраненных от преподавания немарксистских философов были переведены на кафедры логики как «неидеологической дисциплины», другим было поручено переводить классиков мировой философии и т.п.). После 1956 г. Шафф выступал за диалог марксизма с другими направлениями современной философской мысли и усвоение того ценного, что в них содержится. Прежде всего имелись в виду неопозитивизм, аналитическая философия, семантика, с начала 1960-х годов к ним прибавилась «философия человека», представленная главным образом экзистенциализмом. В 1956 г. Шафф стал основателем и директором Института философии и социологии Польской Академии наук, в котором в достаточно свободной обстановке работало много выдающихся ученых.

Переломным моментом в деятельности Шаффа стала его рассматриваемая книга «Марксизм и человеческая личность» [25], вызвавшая резкое недовольство партийного руководства. Через три года, в ходе антиревизионистской и антисемитской кампании 1968 г. Шафф лишился всех руководящих постов и был исключен из ЦК. Опала его не была, однако, полной: он остался членом

⁹ Следует иметь в виду, что не все принадлежавшие ему книги поступили в Институт.

¹⁰ Судя по штампам с обозначением цены, книги эти по большей части были приобретены в магазинах.

¹¹ В библиотеке Валка была еще одна, более ранняя, книга А. Шаффа «Философия человека» [20], посвященная взаимоотношениям марксизма и экзистенциализма. Первое издание ее так и называлось: «Марксизм и экзистенциализм» [21]. Никаких помет Валка она не содержит.

¹² На русский язык переведены три книги Шаффа, из которых первые две носят вполне ортодоксальный характер. См. [22–24].

партии и Академии Наук. В 1970-е годы Шафф, оставаясь польским гражданином, являлся директором Европейского центра общественных наук в Вене, книги его выходили на многих языках, он стал почетным доктором Сорбонны и других западных университетов. В начале 1980-х годов Шафф, весьма критически оценивая «реальный социализм», одобрил введение военного положения в Польше, считая это единственным возможным выходом в создавшейся ситуации, спасшим страну от советской интервенции, и надеясь, что Ярузельский поведет Польшу по пути кадаровской Венгрии. Эти заявления были отрицательно оценены оппозиционной интеллигенцией. Тем не менее в 1984 г. Шафф был исключен из партии как «ревизионист» (был восстановлен в ней в 1989 г., перед самым концом существования «Народной Польши»). До конца жизни А. Шафф выступал как марксист и «демократический социалист», выпустив, в частности, несколько книг мемуарного характера, оставляющих неоднозначное впечатление.

В книге Шаффа «Марксизм и человеческая личность» можно выделить несколько пластов: марксологический, философский и публицистический. Основной марксологический тезис Шаффа заключался в отрицании противоречия между молодым Марксом, философом и гуманистом, и зрелым Марксом, экономистом и идеологом рабочего движения. Ключ к пониманию экономической теории Маркса лежит в его антропологии — утверждал Шафф: зрелый Маркс раскрыл, углубил и конкретизировал философию, в основе которой лежит понятие отчуждения. Марксизм есть гуманизм, радикальный гуманизм, — заключал он. Шафф пытался сформулировать основания марксистской философской антропологии, причем понятие «отчуждение» он трактовал очень широко — как «господство созданного человеком над самим человеком». По мнению Шаффа, отчуждение не исчезает с ликвидацией частной собственности на средства производства, различные его формы существуют в странах социалистического лагеря. В этой связи он постулирует необходимость демократических реформ в этих странах, постепенной отмены ограничений свободы личности, науки и культуры, борьбы с привилегиями аппарата, национализмом и т.д. (отдельные положения книги Шаффа станут более ясны из дальнейшего изложения при рассмотрении помет С. Н. Валка).

Книга А. Шаффа родилась в атмосфере послесталинского «обновления марксизма», столь характерного в 1960-е годы как для западного, так и для социалистического мира накануне «Пражской весны». Очевидно, в частности, что многие тезисы Шаффа перекликались с тогдашними выступлениями французского коммунистического деятеля Роже Гароди¹³. Можно сказать, что книга Шаффа была своего рода манифестом того, что позднее стали называть еврокоммунизмом¹⁴. Она стала самой известной его книгой, широко читалась в мире и была переведена более чем на десять языков.

В Польше эту книгу приветствовал ряд философов и социологов, но она была отрицательно оценена партийными идеологами. В СССР в то время книга была практически обойдена молчанием. Согласно позднейшим

¹³ Разумеется, я не имею здесь в виду экстравагантные метаморфозы Гароди после исключения его из партии в 1970 г., когда теоретик марксистского гуманизма обратился в католицизм, затем перешел в ислам и завершил свой путь скандальными сочинениями, в которых доказывал, что нацистское уничтожение евреев выдуманно сионистами.

¹⁴ Позднее, в 1980-е годы, Шафф выступал как декларируемый «еврокоммунист», выпустив на Западе две книги в соавторстве с бывшим генеральным секретарем коммунистической партии Испании Сантьяго Каррильо.

воспоминаниям А. Шаффа, один из тогдашних либералов в советском общественно-научном истеблишменте А. М. Румянцев прилагал усилия, чтобы издать ее на русском языке. Но этого не произошло, — по крайней мере, в открытой печати она не появлялась¹⁵. Написанная тогда статья Э. В. Ильенкова [27. С. 170—199] была издана посмертно через четверть века¹⁶. В 1980-е годы деятельность А. Шаффа стала предметом ожесточенных нападок в советской печати¹⁷.

С. Н. Валк, очень внимательно, с карандашом в руках прочитал книгу А. Шаффа¹⁸. Его карандашные пометки — подчеркивания и ремарки на полях, на русском и польском языках содержатся на 125 страницах, т.е. практически на каждой третьей странице книги. Пометки Валка очень лаконичны и, как правило, не носят оценочного характера. Книгу эту Валк, очевидно, читал для себя. Едва ли он имел в виду как-то использовать ее в своих работах. Внимательный просмотр этих пометок позволяет сделать некоторые небезынттересные, на мой взгляд, наблюдения и выводы.

Очень много подчеркиваний и маргиналий содержит обширная вступительная часть книги «Новое открытие старых содержаний марксизма» (s. 5—69), носящая в значительной мере историографический характер (обзор судеб литературного наследия молодого Маркса). Пометки Валка имеются почти на каждой странице этого раздела.

Валком подчеркнуты, в частности, слова Шаффа о том, что «мы живем в период нового открытия Маркса» (s. 5), что большую роль в этом сыграло «открытие молодого Маркса», связанное с публикацией в 1920—1930-х годах ряда его до того неизвестных работ (s. 7) и что «как Каутский, так и Роза Люксембург, Плеханов, Грамши и Ленин располагали неполным знанием о марксизме» (s. 8). «Единственным похвальным исключением в этом отношении — это следует тем более подчеркнуть, что в прошлом это ему немало стоило — был Георг Лукач, который, независимо от всех претензий, которые можно иметь с точки зрения марксизма к его „Geschichte und Klassenbewusstsein“, вероятно единственный самостоятельно пришел к взглядам, созвучным опубликованным позднее текстам молодого Маркса — особенно в вопросах о роли отчуждения и реификации», — писал Шафф (s. 8). Эта фраза также подчеркнута Валком. Также на следующей странице подчеркнуто в данной связи имя

¹⁵ Возможно, что она была переведена и издана «в порядке информации» для избранных читателей, как это тогда практиковалось. Данными на этот счет мы не располагаем, но можем указать издание «для служебного пользования» [26].

¹⁶ Ильенков, которого едва ли можно заподозрить в каких-либо конъюнктурных мотивах, критиковал книгу Шаффа как с философской точки зрения, не соглашаясь с его трактовкой понятия отчуждения и роли Гегеля, так и с точки зрения «теории коммунизма» (за отказ от тезиса об отмирании государства, сведение борьбы с бюрократией к ее совершенствованию и т.д.).

¹⁷ См. особенно [28. С. 20—35]. Эта статья завершалась словами: «Ренегатские, ревизионистские писания А. Шаффа прямо и непосредственно служат черному делу антикоммунизма и антисоветизма». Очевидно, многоопытный автор не предвидел начавшейся через несколько месяцев «перестройки».

¹⁸ В нашем распоряжении был экземпляр этой книги [25] из личной библиотеки С. Н. Валка (Библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН (шифр VI СВ/413). Книга, судя по обозначению цены (1 руб. 01 коп.), была куплена в магазине, скорее всего в магазине книг стран народной демократии на Невском проспекте. В книгу вложены две вырезки из газет: 1) из польской газеты «Trybuna Ludu» от 11.XII. 1965, где в обзоре «Среди журналов» была помещена информация об обсуждении этой книги в редакции теоретического журнала польской партии «Nowe Drogi»; 2) большая положительная рецензия в итальянском коммунистическом еженедельнике «Rinascita» под названием «Марксизм и личность (Дискуссия в Польше о последней книге Адама Шаффа)» [29]. Далее при рассмотрении помет С. Н. Валка страницы этой книги указываются в тексте в круглых скобках.

Граммши (s. 9) с замечанием Шаффа, что последний много почерпнул из немарксистских источников, прежде всего у Бенедетто Кроче.

Против слов Шаффа «Слабый отклик на тексты молодого Маркса в первые годы после их публикации объясняется рядом причин» на полях стоит: «Серебряков не знает?» (s. 9). Имеется в виду ленинградский профессор М. В. Серебряков (1879—1959), перу которого принадлежали, в частности, книги «Поэт Гервег и Маркс» и «Фридрих Энгельс в молодости». Далее Валк греческими буквами α, β, γ, δ обозначил на полях эти перечисленные Шаффом причины, выделив, в частности, влияние «заморозившего развитие марксизма сталинского периода» (s. 10). Шафф считает особенно характерным то, что «редакторы нового, самого полного до сих русского издания сочинений Маркса и Энгельса, предпринятого уже после смерти Сталина, исключили сочинения молодого Маркса, выпустив их отдельным сборником, вне собрания сочинений» (s. 9)¹⁹. Эти слова подчеркнуты Валком с пометкой на полях «Новое издание ИМЭЛ!». Отсутствие данных работ в собрании сочинений означало невключение их в канон «священного писания»²⁰.

Валком подчеркнуты и вынесены на поля фамилии авторов, писавших о «проблеме человека»: коммунист Роже Гароди (s.17), Мартин Бубер (s. 17), Генрик де Ман (s. 25—26), Эрих Фромм (s. 56) и др. Им подчеркнута фраза Шаффа: «Чтение марксологических работ убедило меня, впрочем, в том, что интересные и верные мысли о марксизме встречаются в работах людей, критически настроенных в отношении марксизма и даже далеких от него» (s. 27). На полях помечено Schaff.

Подчеркнуты и замечания Шаффа по поводу неоправданного, по его мнению, противопоставления молодого и зрелого Маркса, в том числе о советских работах на эту тему (s. 28—36). Подчеркнута фраза Шаффа: «Проблема не ограничивается оценкой молодого Маркса, это проблема Маркса в целом, проблема видения марксизма и его содержания» (s. 51).

Подчеркнута фраза: «Для Маркса экономическая наука, хотя он и посвятил ей свою жизнь, не является самоцелью. Маркс был и остался философом и социологом, для которого проблема человека является центральной» (s. 40).

Довольно много подчеркиваний и знаков NB стоит на разных страницах против терминов «философия человека», «философская антропология», «отчуждение» (alienasja), «реальный гуманизм» и т.п.

Значительное число пометок и ремарок С. Н. Валка содержится и в следующих разделах книги. Так, в главе 1-й «Марксистская концепция человеческой личности» подчеркнуты в числе прочих фразы автора: «Всякий социализм является своего рода теорией счастья» (s. 71), «Отправной точкой для Маркса — от начала его теоретической мышления — также являются живые человеческие личности» (s. 72) и замечания по поводу недоразумений вокруг трактовки человеческой личности у Лукача (s. 75—76).

В главе 2-й «Личность и созданное ею (Проблема отчуждения)» Шафф подробно анализирует эту проблему, столь популярную в марксизме в 1960-х годах. «Отчуждение — это господство созданного человеком над

¹⁹ Имелось в виду издание [30].

²⁰ Очень остро ситуацию определил один из сотрудников Института Маркса-Энгельса-Ленина, спросивший на редакционном совещании: «Как быть с немарксистскими статьями Маркса?». См. [31. С. 342].

человеком», — формулирует он (s. 153), говоря об отчуждении экономическом, социальном, политическом, национальном, идеологическом, религиозном и т.д. Особое внимание Валка привлёк щекотливый вопрос об отчуждении при социализме. Против слов «проблема отчуждения при социализме» (s. 152) поставлен знак NB. Подчеркнуты слова: «Для Маркса было несомненно, что поскольку экономическое отчуждение лежит в основе всех других форм отчуждения, обуславливая их, то ликвидация экономического отчуждения через ликвидацию частной собственности на средства производства автоматически означает конец всякого отчуждения. Действительно ли это так? Действительно ли при социализме отчуждение невозможно, т.е. может ли оно иметь иной источник, чем частная собственность?» (s. 152–153). На полях стоит Sch[aff]. Подчеркнуты и отмечены знаком NB слова: «Перед лицом опыта, неизвестного Марксу, мы должны снова поставить эту проблему» (s. 153), «Отчуждение при социализме порождает прежде всего существование государства и связанной с этим государственной бюрократии» (s. 182). Шафф не верит в возможность отмирания государства: оно должно отмереть в перспективе как орган принуждения, но не как форма организации и управления, следовательно, остается и административный аппарат (бюрократия) со всеми связанными с ней опасностями (s. 182–186). «Государство как административный аппарат не отомрет, это фантазия (mrzonka)» (s. 185), «Борьбу с бюрократией следует понимать как борьбу с плохой, неэффективной, некомпетентной, преувеличенно раздутой и т.д. бюрократией, а не как борьбу с аппаратом управления, т.е. с бюрократией “вообще”», — заявляет Шафф (s. 185).

В 3-й главе книги «Личность и история (проблема свободы)» Валк подчеркивает открывающую ее знаменитую цитату из «Святого семейства»: «История не делает ничего, она “не обладает никаким необъятным богатством”, она “не сражается ни в каких битвах”! Не “история”, а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. “История” не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (s. 196)²¹. Подчеркнуты и комментирующие ее слова Шаффа: «Маркс — апологет роли личности в истории, Маркс, говорящий об “истории” как гипостазе, Маркс, отождествляющий историю с сознательной деятельностью людей, — не подходит к стереотипу» (s. 196). Отвергая «персоналистскую и экзистенциалистскую метафизику» автономии человеческой личности, марксизм, по словам Шаффа, признает ее ценность и права (s. 203).

4-я глава книги Шаффа, «Марксистский гуманизм», не содержит каких-либо пометок и маргиналий Валка. Зато их немало в 5-й, последней главе «Коммунизм и человеческая личность», которая по существу содержит программу «хорошей коммунистической политики». Валком подчеркнута, в частности, фраза Шаффа: «Коммунизм=гуманизм на практике» (s. 255). Подчеркнут и прямо, наконец, сформулированный Шаффом вывод: «Ликвидация института частной собственности на средства производства не означает автоматической ликвидации различных форм отчуждения» (s. 274). Это относится даже к экономическому отчуждению, но особенно к политическому и идеологическому. Прежде всего это связано с существованием государства, о чем уже говорилось выше. Необходима поэтому борьба за расширение демократии в социалистических

²¹ Перевод цитаты по изданию [32. С. 102].

странах. Шафф считает теоретически несостоятельным тезис западных авторов о «новом классе», господствующем при социализме, но замечает, что «в социалистических обществах формируется элита власти, которая естественным образом оказывается в привилегированном социальном положении» и необходимо следить, чтобы эти привилегии не переходили определенных границ (s. 288). Слова эти подчеркнуты Валком, как и замечание о том, что в сталинское время лозунг «борьбы с уравниловкой» был использован «для создания прослойки, абсолютно послушной вождю и связанной с ним и узами очень земных, но в определенных обстоятельствах особенно ценных привилегий» (s. 290).

Внимание Валка привлекли также соображения Шаффа о недооценке марксистами прошлого национального вопроса, и что это относится не только к Розе Люксембург, «которая, несомненно, была одним из крупнейших в истории теоретиков марксизма» (на полях Валк отметил: R. Luksemburg)²², но и к Ленину (s. 305). «Наш мир иной и национальный вопрос играет в нем огромную роль, чего совершенно не предвидели классики», — эти слова также подчеркнуты Валком с пометкой на полях «Маркс и будущая действительность» (s. 305). Подчеркнута им и выразительная фраза: «Если бы в то время кто-нибудь сказал, что в социалистическом сообществе — и не только в начальной фазе его развития — могут иметь место напряжения националистического и даже расистского характера, то этого человека определенно сочли бы невеждой или безумцем. Но жизнь показала, что это возможно, еще раз доказав, что действительность богаче всех теорий» (s. 306).

Любопытно, что некоторые острые публицистические пассажи А. Шаффа, например слова о том, что «с точки зрения развития науки и культуры всякое вмешательство, ограничивающее свободу научного и художественного творчества, вредно, хотя с социальной точки зрения оно может быть оправданно и даже необходимо» (s. 222), или констатация существования антисемитизма в «Народной Польше» и отсутствия эффективной борьбы с ним (s. 312) — что вызвало особое недовольство польского партийного руководства — остались неподчеркнутыми Валком, хотя едва ли они прошли мимо его внимания.

*

Мы можем таким образом констатировать несомненный интерес С. Н. Валка к «неомарксистской» литературе» в 1960-х годах. Трудно сказать, в какой мере его привлекала шаффовская интерпретация марксизма по существу и в какой она была ему интересна как симптом возможной эволюции идеологии в социалистических странах (учитывая тогдашнее положение А. Шаффа). Вероятно, имело место и то и другое.

А может быть, читая эту книгу, С. Н. Валк чувствовал приблизительно то же, о чем писал вскоре после ее выхода его сверстник, выдающийся польский философ-неопозитивист Тадеуш Котарбинский, старый либерал и демократ: «Вспоминаются давние времена, когда — лет 60 тому назад — прогрессивная молодежь в Варшаве дискутировала о сущности марксизма. Тогда читали “Эрфуртскую программу”, Бернштейна и т.д., потрясали основы под эгидой Кшивицко-го»²³. Сегодня тематика повторяется, но перед лицом новых материалов, связанных

²² В библиотеке Валка было 1-е издание книги Р. Люксембург «Русская революция», содержащей резкую критику большевизма [33].

²³ Людвик Кшивицкий (1859–1941) — польский ученый-обществовед и общественный деятель, близкий к социалистической партии.

с позицией молодого Маркса и глубоко изменившейся ситуацией в мире и стране. То, что автор говорит о фундаментальном единстве основного устремления Маркса на протяжении его деятельности, я принимаю как информацию, с удовлетворением констатируя, что в среде знатоков предмета такая интерпретация считается возможной [...] Автор правильно утверждает, что абсолютная свобода слова невозможна ни в какой социальной системе, желающей сохраниться, и что, однако, всякое ее ограничение вредно и должно применяться только в случаях, требующих специального обоснования [...] Я был бы рад, если бы автор принял тезис, что исследования и работа в области гуманитарных наук и общественной мысли вообще требуют ликвидации ограничений, связанных с идеологией» [34. S. 196, 198].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Чернуха В. Г.* Жизненный путь С. Н. Валка (13 декабря 1887—5 февраля 1975) // История и истории: Историографический ежегодник. 1978. М., 1981.
2. *Пугачев В. В.* Сигизмунд Натанович Валк // Историография и источниковедение. Сб. научных трудов. М., 1979.
3. *Гинев В. Н.* С. Н. Валк и народовольцы // Историографический сборник. Саратов, 1980. Вып. 8.
4. *Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк — ученый и человек // Вопросы истории. 1988. № 12.
5. *Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк // Историческая наука в России в XX веке. М., 1997.
6. *Ганелин Р. Ш., Чернуха В. Г.* Сигизмунд Натанович Валк (1887—1975) // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26.
7. Запись беседы автора с Б. В. Ананьичем 16 декабря 1984 г.
8. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 297. Оп. 1. Д. 1. (Биографические документы С. Н. Валка).
9. *Валк С. Н.* Воспоминание ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
10. *Kula W.* Rozdzialki. Warszawa, 1996.
11. *Kula W.* Rozwazania o historii. Warszawa, 1958.
12. *Кушева Е. Н.* Воспоминания о С. Н. Валке // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989.
13. *Дейч Г. М.* Воспоминания советского историка. СПб., 2000.
14. ОР РНБ. Ф. 1160. Д. 742. (Письма С. Н. Валка к В. Р. Лейкиной-Свирской).
15. *Filozofia i socjologia XX wieku.* Warszawa, 1962.
16. *Kolakowski L.* 13 bajek z krolewstwa Lailonii dla duzych i malych. Warszawa, 1966.
17. *Garaudy R.* Droga Aragona. Warszawa, 1965.
18. *Garaudy R.* Kilka aktualnych problemow kultury. Warszawa, 1966.
19. *Garaudy R.* Realizm bez granic. Warszawa, 1967.
20. *Schaff A.* Filozofia człowieka. Wyd. 3 rozsz. Warszawa, 1965.
21. *Schaff A.* Marksizm a egzystencjonalizm. Warszawa, 1961.
22. *Шафф А.* Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953.
23. *Шафф А.* Объективный характер законов истории. М., 1959.
24. *Шафф А.* Введение в семантику. М., 1963.
25. *Schaff A.* Marksizm a jednostka ludzka: Przyczynek do marksistowskiej filozofii człowieka. Warszawa, 1965.
26. Марксизм и человеческая личность. Материалы дискуссии о книге Адама Шаффа. М., 1967.
27. *Ильенков Э. В.* О «сущности человека» и «гуманизме» в понимании Адама Шаффа (О книге А. Шаффа «Марксизм и человеческий индивид») // *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М., 1991.
28. *Ойзерман Т. И.* К критике современных псевдомарксистских концепций отчуждения // Философские науки. 1986. № 4.
29. *Codino F.* Marxismo e individuo (Dibatto in Polonia sul piu recente libro di Adam Schaff) // *Rinascita.* 1966. № 10.
30. *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956.
31. *Тартаковский Б. Г.* Все это было... Воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005.
32. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М., 1955. Т. 2.
33. *Luxemburg R.* Die Russische Revolution. Berlin, 1922.
34. *Kotarbinski T.* Glos w dyskusji o ksiazce prof. Adama Schaffa «Marksizm a jednostka ludzka» (1965) // *Kotarbinski T.* Mysli o ludziach i ludzkich sprawach. Warszawa, 1986.

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ В ФОРМИРОВАНИИ СЛОВЕНСКОЙ НАЦИИ

© 2020 г. Н.Н. Старикова

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

nstarikova@mail.ru

В статье рассматривается роль литературы в процессе формирования национального самосознания словенского народа. Историческая судьба словенцев стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для них осознание единства нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, ведущей функцией — национально-охранительная. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения.

The article considers the role of literature in the process of making national identity of the Slovenian people. The historical fate of the Slovenes became the root cause of the special mission that literature carried out: through the literary word they were realising the unity of their nation. For several centuries, the most important literature's objective had been self-identification, while its principal function the one of national security. Due to the extraordinary position of literature within national mythology and preservation of the «code» of the nation, the cultural and ideological pressure from the authorities of any state, which the Slovenian lands had been incorporated into, was amortised.

Ключевые слова: словенская литература, национальное самосознание, самоидентификация, книжно-письменная традиция.

Keywords: Slovenian literature, national identity, self-identification, book-written tradition.

DOI: 10.31857/S0869544X0011092-4

Литература сыграла значительную роль в процессе формирования национального самосознания словенского народа и во многом способствовала обретению им независимости. Историческая судьба словенцев стала первопричиной особой миссии, которую осуществляла литература: через художественное слово шло для них осознание единства нации. На протяжении нескольких веков важнейшей задачей литературы была самоидентификационная, ведущей функцией — национально-охранительная, то есть «вся мощь национальной жизни была сосредоточена в литературе» [1. С. 27]. Бессменно находясь на страже национальных интересов, защищая и культивируя национальные

ценности, литература на самых разных этапах словенской истории, и особенно в ее переломные моменты (1848, 1918, 1945, 1991), с одной стороны, становилась орудием внедрения в общественное сознание различных программ национального возрождения, с другой — стремилась интегрироваться в европейский литературный процесс. В немалой степени благодаря особому положению литературы внутри национальной мифологии, сохранению ею «кода» нации, амортизировался культурный и идеологический прессинг со стороны властей всех государств, в состав которых входила Словения.

Словенские земли, лежащие на границе четырех европейских природных регионов (Альпы, Паннонская низменность, Динарские горы и Средиземноморье), связывают Балканы с Центральной Европой; они были и остаются транспортным перекрестком северной Адриатики. Специфика географического положения, которое являлось предметом постоянного агрессивного внимания соседей, стала одной из причин длительного подчинения словенцев более сильным государствам. Предки современных словенцев поселились в восточноальпийских областях в середине VI в. н.э. К 620 г. они объединились в древнее государство Карантания, просуществовавшее почти столетие. Опасаясь нападений аваров, карантанцы в середине VIII в. прибегли к помощи соседей-баварцев, которые превратили их в своих вассалов и обратили в христианство. С разделением церкви словенцы попадают в сферу римско-католического влияния, становятся частью *Pax Slavia Latina*, что в дальнейшем и обусловило характер и особенности национального культурного развития. В 788 г. баварское государство, в состав которого уже входила вассальная Карантания, подчиняют себе франки. Восточное государство франков, вошедшее в 953 г. в Священную Римскую империю, создает на своих юго-восточных границах систему пограничных областей, ставших в позднем Средневековье словенскими историческими областями. Более тысячи лет словенская этническая общность не только не имела собственной государственности, но даже не являлась единой административной единицей, относилась к разным воеводствам, маркам, графствам, входившим в состав мультинациональных империй (Священная Римская империя, Габсбургская империя) и государств (Австро-Венгрия, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Социалистическая Федеративная Республика Югославия). В XIX в. словенские исторические области Каринтия, Штирия, Крайна, Гориция, Триестская область и Истрия были разделены между шестью провинциями монархии Габсбургов, и только в двух словенцы представляли большинство населения. Административная раздробленность явилась одной из главных причин формирования провинциального самосознания. Как отмечает И. В. Чуркина, «словенцы, жившие в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия и т.д., чувствовали себя крайнцами, штирийцами, каринтийцами, но не единым народом» [2. С. 323]. Сами термины «Словения» и «словенец» были введены в широкое культурное употребление только в 1850 г. Другой причиной замедления в развитии культуры была политика германизации, когда «государственная власть [...] открыто использовалась для торможения и подавления прогрессивных национальных процессов» [3. С. 40]. Словенское национальное самосознание формировалось в условиях «гетерогенного двуязычия» [4. С. 124], в постоянной борьбе за родной язык, школу, книгу, что не исключало, однако, и большого позитивного значения немецкоязычных культур для словенцев: вплоть до начала XX в. знакомство с достижениями мировой науки и культуры осуществлялось в Словении посредством немецкого языка, Венский университет стал колыбелью для большинства выдающихся словенских деятелей XVIII–XIX вв.

Словенская литература в процессе эволюции от зарождения до формирования системы жанров к концу XIX в. прошла ряд этапов, связанных с ходом европейской истории и сопоставимых с судьбами других европейских, в том числе славянских, литератур. Как и для многих из них, важнейшим для словенской словесности на протяжении столетий оставался вопрос сохранности и целостности родного языка. Основой словенской национальной традиции стало, в первую очередь, сознание своей языковой самобытности. «В условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей [...] и этнического единообразия территории, — пишет В. И. Фрейдзон, — общность литературного языка приобретала исключительное значение» [3. С. 41]. Главным следствием христианизации предков словенцев в VIII в. стало их приобщение к латино-славянской культурной зоне. Словенский язык вынужден был пройти через серьезные испытания: его литературно-письменная традиция была в период с XI по XVI в. прервана в своем развитии. Основы словенского литературно-письменного языка были заложены в XVI в. в период европейской Реформации. Благодаря деятельности протестантов Приможа Трубара, Юрия Далматина, Адама Бохорича, Себастьяна Креля словенцы получают первый букварь (1551), полный перевод Библии (1584) и первую грамматику (1584). В настоящее время Республика Словения — единственная европейская католическая страна, на государственном уровне отмечающая день Реформации в знак уважения к заслугам протестантов. В период барокко духовная культура Словении тесно связана с западноевропейскими религиозными движениями и испытывает влияние контрреформации. Литературно-письменная традиция развивается в религиозном русле, литературное творчество носит по преимуществу религиозно-этический и дидактический характер. В эпоху просвещенного абсолютизма с проникновением в словенскую культуру просветительских идей художественное слово на родном языке снова активизируется, появляются первое периодическое издание — альманах «Писанице» (1779) и первый сборник светской поэзии Валентина Водника «Стихотворные опыты» (1806). В последней трети XVIII в. одновременно со становлением движения национального возрождения ускоряется и интенсифицируется литературный процесс, развиваются газетное дело и журналистика, открываются библиотеки, театральные и культурные общества.

Борьба за национальное самоопределение, за равноправие среди других народов, за развитие словенского языка и культуры ускорила переход от религиозного к светскому типу сознания. В годы существования Иллирийских провинций (1809—1813), когда «кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей [...] знаменовали крупный шаг [...] в консолидации нации» [3. С. 41], создаются предпосылки для формирования национальной модели романтизма. Период романтизма в словенской литературе стал не только проверкой языковой и культурной жизнеспособности нации, но и эпохой секуляризации, временем освобождения личности от предрассудков, от целой системы ограничений, временем ниспровержения авторитетов. Ставшее более доступным образование начало формировать общественное сознание и массовую культуру, а литература к началу XIX в. получила новый, особый социально-языковой статус. Художественное слово постепенно выходило за рамки культурного опыта определенного социального слоя, отвоевывая место, прежде принадлежавшее религии. Словенская романтическая поэзия стремилась через слово привить читателям вкус к новой литературной эстетике, к ее особому миру жанров и стилей. Начиная с романтизма, литературный процесс активно дифференцируется,

актуальным становится принцип свободы творчества, поиск новых эстетических ориентиров. Наряду с творчески созидательной расширяется и действие комплементарной функции, дополняющей национальный опыт опытом зарубежных литератур.

Вектор развития романтической литературы в Словении определило творчество Ф. Прешерна (1800–1849), талант которого сопоставим с творчеством его великих предшественников и современников: «То, что для англичан Шекспир, для французов Расин, для итальянцев Данте, для немцев Гёте, для русских Пушкин, для поляков Мицкевич, — для словенцев Прешерн», — писал первый биограф Прешерна Й. Стритар [5. S. 78]. Благодаря глубине поставленных философских вопросов, лиризму мироощущения, выразительности и отточенности формы, поэзия Прешерна имеет огромное значение для самого факта существования словенской литературы, а значит, и национального самосознания. Прешерн оказался в прямом смысле слова первопроходцем, ибо осваивал мастерство художественного слова, не имея за плечами не только прочной литературной традиции, но даже общенационального литературного языка. Соединив высокий слог европейского романтизма и родной для него верхнекраинский диалект, поэт создал лирику широчайшего диапазона — от веселого амфибрахия анакреонтических стихов до таких изысканных форм мировой поэзии, как сонет и газель, освоил жанр эпической поэмы. Он первым начал отстаивать право на свободу творчества и одним из первых не только заговорил о необходимости создания национальной литературы, соответствующей мировым образцам, но и воплотил эти идеи в жизнь. В дальнейшем спор о том, какой путь должна избрать литература — религиозно-дидактический или высокохудожественный, на кого ориентироваться: на читателя из народа или на образованную аудиторию, не утихал несколько десятилетий.

После революции 1848 г. в Словении происходят серьезные общественно-политические и экономические изменения. Под натиском наступающих буржуазных отношений село разорялось и сельское население мигрировало в города. Там, в свою очередь, шло политическое и социальное расслоение горожан, что вело к усилению роли различных движений в общественной жизни и ее политизации. В этой атмосфере оказались востребованными идеи русских революционных демократов. Теоретические и литературно-критические работы Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева и сама русская литература использовались словенскими культурными деятелями в борьбе за утверждение реалистического художественного мышления, за превращение литературы в одно из активнейших средств общественного влияния. «Путешествие из Литии в Чатеж» Ф. Левстика (1858) и «Наш кругозор» Ф. Целестина (1883) стали своеобразными манифестами национального реализма. При этом литературная критика несколько опередила художественную практику: реалистические тенденции в 1850–1880-е годы сосуществовали в словенской литературе с элементами романтизма, ярким примером, как отмечает Я. Кос, здесь является сказочная повесть Левстика «Мартин Крпан» (1858) [6. S. 133]. Пробел между теорией и практикой некоторое время восполнялся переводами зарубежных, в том числе русских авторов. Во второй половине XIX в. были переведены многие произведения Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Основы народной жизни, связанные у словенцев с аграрным укладом, выдвинули на первый план сельскую проблематику. В центре внимания большинства писателей-реалистов оказалось разрушение вековых патриархальных устоев и этических норм, обезземеливание крестьянства, эмиграция населения за пределы страны. При этом включенность в общественную жизнь,

приверженность общегуманистическим ценностям и понимание высокой национальной миссии художественной литературы помогали словенским писателям избежать замыкания на местных проблемах и увидеть в них проблемы общенациональные. Нелегким для них стало освобождение от идеализации патриархальной этики. Оно происходило через освещение актуальных проблем капитализации деревни и города, господства бюрократических порядков и институтов, что усиливало острокритическое начало и ускоряло шедшие в самом реализме процессы — его демократизацию, рост аналитического мышления, драматизацию общественных и личных конфликтов и духовных коллизий, расширение палитры изобразительных средств (например, использование сатиры как средства социального анализа).

К концу XIX в. в словенской литературе окончательно складывается система жанров и инфраструктура литературной жизни, национальная словесность упрочивает свое место в общеевропейском культурном контексте. Она не только успешно усваивает опыт «больших» литератур, но и делится с ними своими достижениями. Словенское население активно вовлекается в вихрь капиталистических отношений: развивается буржуазия, растет численность рабочих, происходит массовое разорение мелких собственников. Видоизменение структуры патриархальных этносов сказывается на переориентации старых и появлении новых партий и движений, при этом диапазон общественно-политических концепций и взглядов существенно расширяется. Реакцией на новые противоречия эпохи становятся, с одной стороны, критический взгляд на окружающую действительность, с другой — стремление уйти от нее в мир чистого искусства. В первом случае это дает толчок обновлению реализма и развитию натуралистических тенденций, во втором — словенского модерна, несущего в себе элементы декаданса, символизма, импрессионизма. Реалистическая литература, частично освобождаясь от национально-охранительного пафоса, наряду с углублением социального анализа, с расширением спектра общественных тем, вплоть до проникновения социалистических идей и пропаганды классовой борьбы, все более явно взаимодействует с модернистскими тенденциями, некоторые из которых начинают формироваться в течения. В обновленной реалистической прозе теснейшим образом переплетаются объективно-критическое и субъективно-лирическое начала, натуралистическая жесткость и лиризация. К началу века относится расцвет творчества выдающегося прозаика, драматурга и общественного деятеля И. Цанкара, соединившего реалистические традиции с новаторским их обновлением [7. S. 114]. С деятельностью этого писателя-демократа связано существенное обновление словенской литературы на тематическом, жанровом и стилевом уровнях. Многие его произведения имеют глубокий, отчетливо выраженный социально-критический смысл, а порой превращаются в открытое обличение существующего общественного строя, в обобщенно-символической форме утверждают идею революционного переустройства общества. Упрочивая критико-реалистическое начало, Цанкар создает свою художественную систему символов, импрессионистических и сатирических элементов, подчиненную объемному и многоликому изображению жизни Словении. Его произведения стали определяющими для литературы рубежа XIX—XX вв. — важнейшего этапа в развитии национальной словесности. Этот период характеризуется не только ускорением и усложнением литературного процесса, формированием новых течений и тенденций, но и появлением у словесности новых качеств и возможностей. В это время словенская литература вышла на уровень ведущих европейских литератур, именно эти годы во многом определили будущее ее «лицо» в XX в.

Прогрессивные идеи литературы и искусства европейского запада и востока, севера и юга, попадая на словенскую почву, проходили проверку национальной доминантой, рассматривающей их, в первую очередь, с точки зрения практических потребностей национальной словесности. Это, в частности, привело к нарушению классической парадигмы литературного процесса: одновременному проявлению разнотадимальных признаков, более позднему овладению некоторыми жанровыми формами, слабой выраженности отдельных художественных направлений. Однако несмотря на все объективные и субъективные причины, исторические катаклизмы, неравномерность культурного развития словенцам удалось сохранить родной язык и национальные традиции и создать литературные произведения, занимающие достойное место в ряду европейских художественных достижений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин. Биография писателя // Пушкин. СПб., 1997.
2. *Чуркина И. В.* Национально-политические идеи словенцев в 1848 — начале 70-х годов XIX в. // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
3. *Фрейдзон В. И.* Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
4. *Толстой Н. И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.
5. *Stritar J.* Pravo Prešernovo življenje pa so njegove poezije // *Musič J.* Sodobniki o Dr. Francetu Prešernu. Ljubljana, 1989.
6. *Kos J.* Primerjalna zgodovina slovenske literature. Ljubljana, 2001.
7. *Grdina I.* Ivan Cankar: portret genija. Ljubljana, 2018.

СИМВОЛИЗМ И АВАНГАРД В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ОПЫТОМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

© 2020 г. Ю.П. Гусев

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

gusev.yury@gmail.com

Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00346 (прошлого года)

Стремительное обновление всемирной литературы породило, почти повсеместно, такое яркое, но совсем неоднозначное явление, как авангард. Однако частью этого обновления следует считать и символизм. Были национальные литературы, где именно символизм взял на себя основную функцию обновления; так произошло, например, в Венгрии, где поэт Эндре Ади сыграл не менее важную роль, чем В. Маяковский в России.

The wave of rapid renewal that swept through the world literature gave rise, almost everywhere, to such a bright, but quite ambiguous phenomenon as the avantgarde. However, symbolism should also be considered a part of this renewal. There were national literatures where the symbolism took over the main function of renewal; this happened, for example, in Hungary, where the role of the poet Endre Ady was as important, as that of Vladimir Mayakovsky in Russia.

Ключевые слова: символизм, авангард, Эндре Ади, Лайош Кашшак, футуризм, Владимир Маяковский.

Keywords: symbolism, avant-garde, Endre Ady, Lajos Kassák, futurism, Vladimir Mayakovsky.

DOI: 10.31857/S0869544X0011093-5

Придя из бескрайних азиатских просторов и заняв место в самом сердце тесноватой Европы, венгры за тысячу с лишним лет вполне интегрировались, стали европейским народом. Но при всем том (видимо, гены — упрямая вещь!) в напитке европейского разлива и сейчас ощущается некоторая острая, пикантная струя, отзвук восточной чужести. В обычной венгерской деревне, почти по-немецки аккуратной, в каком-нибудь оклике вдруг послышится гортанная монгольская интонация; в почти славянских или германских лицах, окружающих тебя в Венгрии, вдруг бросятся в глаза крутые восточные скулы...

В более чем тысячелетней истории Венгрии много общего с историей других народов этого региона, стиснутого между двумя колоссами, германским и российским, а в не столь давнем времени еще и подвергшегося агрессии со стороны третьего колосса, османского. Можно лишь подивиться жизнеспособности венгерского народа, не раз находившегося на грани полного истребления, но каждый раз возрождавшегося, сохранявшего свой экзотический язык, а значит, и свою духовность, свои традиции, на которые накладывались импульсы христианской, западноевропейской культуры.

В конце XIX в. венгры достигли очередной вершины в своей истории, став второй «титulary» нацией в одной из самых больших европейских империй — Австро-Венгрии. При всей неоднозначности этого статуса, при всех противоречиях, которыми была насыщена и общественная, и экономическая, и духовная жизнь венгерского народа в этот период, нет сомнения, что на рубеже столетий венгерская пассионарность находилась на весьма высокой степени активности. И выражалось это, в частности, в том, что литература и искусство Венгрии ступили на путь интенсивного обновления практически одновременно со всей Европой. Объяснение, почему именно в этот исторический момент Европа ощутила острейшую потребность сменить прежние, устоявшиеся формы художественного мышления, искать нечто новое, небывалое, никем, кажется, еще не дано. А если вспомнить, что подобная же потребность кардинальным образом проявилась и в общественно-политической сфере, приведя к целой серии потрясений: войн, кровавых революций, геополитических катаклизмов, — то закрадывается мысль о каких-то метафизических причинах; хотя реальнее, вероятнее тут, видимо, накопившиеся сдвиги в укладе человеческого бытия, вызванные ускорением социальных и хозяйственных процессов, — однако этого пока еще никто достаточно убедительно не проанализировал (анализ, предложенный марксистским обществоведением, оказался, при всей его внешней эффектности, ложным, а потому пагубным).

Если считать бурное обновление искусства и литературы на рубеже веков революцией, то назревала эта революция в Венгрии — как и в других странах Европы — гораздо раньше, в последние десятилетия XIX в. Не тратя времени на все перипетии предыстории этой революции, на описание первых ростков (во всем этом было, конечно же, немало ученического, подражательного: венгры, как и другие народы Восточной Европы, двигаясь в собственном русле, постоянно косились на Запад, особенно на Францию), сразу остановлюсь на кульминации этого процесса. А такой кульминацией в истории новейшей венгерской литературы стали несколько близких друг к другу событий: появление сборника Эндре Ади «Новые стихи» (1906). выход в свет поэтической антологии «Холнап» («Завтра», 1908) и основание журнала «Nyugat» («Запад», 1908—1941). Сплошь говорящие, знаковые названия, не хуже «футуристов»-«будетлян»!

По сути дела, именно «Nyugat», кружок «Нюгата», движение «Нюгата» и воплотили в себе то, что можно назвать — относительно Венгрии — революцией в литературе. А роль Эндре Ади в этом движении можно примерно сравнить с ролью Маяковского в русской литературе. Прежде всего в том плане, что невероятной мощи поэтический талант Ади (настолько большой, что вызывает едва ли не мистическое отношение к себе; и настолько самобытный, что, погруженный в стихию венгерского языка, практически не поддается адекватному воспроизведению на других языках, — как, наверное, и талант Маяковского) служил «золотым покрытием» для новаторства всех других участников движения

«Нюгат»; правда, вокруг Ади было немало больших художников: поэты Михай Бабич, Деже Костолани, Дюла Юхас, Арпад Тот, прозаики Жигмонд Мориц, Дюла Круди, Фридеш Каринти и еще многие, — тогда как Маяковский был, в сущности, как художник одинок, хотя, кажется, и не сознавал этого.

Эндре Ади был не просто харизматическим лидером движения «Нюгат»: он воплощал в себе то стихийное, неистовое, огненное начало, которое, как мне представляется, несет в себе искру духовного наследия Востока, ассоциируется с Востоком, с его дикостью и мудростью. Даже в облике Ади было что-то азиатское; но дело, конечно, не в этом, а в его приверженности, тяге к восточной образности (степь, пастухи, кони в пене), к древней мифологии:

На песенном восходе древнем
С Востока в пурпуре пришел,
Хмелен и весел, древний Злыдень:
Примчал, трубя и распевая,
И спешился, и сел за стол.
(Древний Злыдень. *Пер. Б. Дубина*)

Если учесть, что Ади был откровенным западником, смесь этих тяг, восточной и западной, создает в его творчестве особое напряжение, порождает особый колорит, который почти невозможно передать в переводе, но на венгерскую аудиторию он действует безотказно.

Собственно говоря, революция, которую совершил в венгерской литературе «Нюгат», была — если учитывать и ее радикальный характер, и эффективность, и, главное, стабильность результатов — революцией идеальной. Идеальной она была и в том смысле, что — редкая для революций особенность — была революцией *толерантной*. Ее ведущие деятели (не столько порывистый, темпераментный Ади, сколько Михай Бабич, а особенно главный редактор журнала Эрне Ошват) умели ценить всё истинно качественное или хотя бы потенциально перспективное. Поэтому за тридцать три года своей истории «Нюгат» — не просто как печатный орган, но как самый авторитетный литературный форум — не только утвердил в литературе новые критерии, вырастив несколько поколений писателей, не задавленных академизмом, свободных в своих творческих интенциях, но и изменил карту литературы, вытеснив или отодвинув на периферию консервативную (и в смысле вкусов, и в смысле мировоззрения) литературу. Влияние «Нюгата» на духовную жизнь Венгрии было настолько всеохватывающим и всепроникающим, что оно помогло пережить — после Второй мировой войны — мощное наступление нового академизма, воплотившегося в казенной эстетике социалистического реализма: высокие художественные критерии, прочно укоренившиеся в литературном сознании, постоянно вырывались на поверхность то в более, то в менее явной форме, одолевая казенщину; можно, видимо, довольно уверенно предположить, что одной из опор, одним из стимулов того относительно либерального курса культурной политики, которым Венгрия в 60–80-е годы XX в. выделялась на фоне других стран социалистического лагеря, служило и духовное наследие «Нюгата»: оно, пускай подспудно, жило в литературе, не умирая никогда.

Поэзия Эндре Ади и большинства других поэтов, объединенных «Нюгатом», развивалась под знаком символизма. Однако в движении «Нюгата», вместе с символистами и в тесной солидарности с ними, активную роль играли и такие писатели, которых к символизму отнести трудно. Это были главным образом прозаики: Жигмонд Мориц, реалист с сильным элементом натурализма, Дюла Круди, сохранивший из минувшего и культивировавший в литературе

традиции «сецессии» (венгерское название течения, которое в других странах называлось «стиль модерн», «фэн де сьекль», «югендстиль» и т.д.).

Этот факт лишний раз подтверждает, что сутью литературной революции рубежа веков было именно обновление литературы: обновление и формального арсенала, и способов видеть и отражать жизнь, — а не замена одного направления, представлявшегося устаревшим, на другое, новое. Скажем, реализма на символизм. Ибо и реализм мог становиться той новой формой, которая приходила на смену реализму устаревшему, уже не способному выполнять основополагающую задачу литературы, задачу постижения и объяснения жизни. С другой стороны, и «символист» Эндре Ади, например, совсем не уместается даже в довольно свободном, но все же прокрустовом ложе символизма; так же как Маяковский связан был с футуризмом в основном лишь организационно.

Вероятно, в любой революции, а тем более в широкомасштабной и победоносной, появляется свое радикальное (якобинское, большевистское) крыло, которое стремится перехватить ветер, дующий в паруса, и использовать его в своих целях. Таким радикальным крылом в литературной революции рубежа веков стал авангард.

В Венгрии авангард тоже имел место, и представлен он был в первую очередь — а также во вторую, а может быть, и в третью — одним человеком, Лайошем Кашшаком.

Кашшак, отец венгерского авангарда, и движение, которое он создал и которым почти двадцать лет руководил, лидером и самым крупным (иногда едва ли не единственным) представителем которого являлся, дают немало оснований для того, чтобы увидеть в них черты большевизма.

Глобальность авангарда — не только в присущем ему горячем (зачастую — горячечном, граничащем с бредом) желании максимально, в корне обновить искусство, систему художественных принципов, взаимоотношения искусства и аудитории. Авангард как нетерпеливая потребность кардинального обновления, как воинственное неприятие всего того, что было, неприятие всякой традиции, характеризовал в начале прошлого столетия не только искусство, но и общественное сознание в целом. Должен повторить, типологически есть важное сущностное сходство между авангардизмом и социальными революциями, прокатившимися по Европе в первые десятилетия XX в.; ведь и тут, и там налицо стремление «разрушить до основания» все прежнее и создать, на пустом месте, нечто абсолютно новое. То есть суть здесь — в утопичности, в некотором умопомрачении, в овладевшей людьми уверенности, что можно из ничего создать что-то. Опыт минувшего столетия показывает, что это было не просто прекраснотушное заблуждение. В общественной сфере оно обернулось трагедиями, кровью, гибелью миллионов людей. В сфере художественного творчества пагубность этого умопомрачения, конечно, не так катастрофична, однако оно и здесь чревато было довольно печальными последствиями: оно во многом оторвало понятие «искусство» от понятия «мастерство» (синонимичность этих двух понятий становится более очевидной, если поставить рядом друг с другом прилагательные «искусный» и «мастерский»), сблизило искусство с жестом, создав опасную иллюзию, что для творчества достаточно намерения, интенции, а труд, умение, в конечной степени талант — вовсе не обязательны.

Говоря о том, что обновление искусства (видимо, в этом и заключается *развитие* искусства, или, точнее, *движение* искусства, потому что понятие «развитие» подразумевает некое постоянное повышение уровня, повышение качества,

а в этом плане сразу возникают большие сомнения, в которые и углубляться-то рискованно) — процесс постоянный и практически не отделимый от жизни искусства, уместно будет привести мнение чешского ученого Яна Мукаржовского, который едва ли не ближе прочих эстетиков и литературоведов подошел к сути эстетического, а значит, к сути искусства. В своей главной работе «Эстетическая функция, норма и ценность» он четко и лаконично характеризует диалектику соотношения старого и нового в художественном произведении, которое (произведение) есть «всегда неадекватное применение эстетической нормы, причем тот, кто применяет норму, нарушает предшествующее ее состояние не в силу какой-то произвольной необходимости, а сознательно и, как правило, весьма ощутимо. Норма нарушается непрестанно» [1. С. 66]. Эта особенность настолько универсальна, что может считаться едва ли не законом; ею обусловлена эстетическая ценность произведения. Эстетическая ценность, пишет Мукаржовский, «носит характер вечно живой энергии, которая неизбежно должна обновляться, если хочет сохранить свою жизнеспособность» [1. С. 175].

Отсюда вытекает вывод, который имеет прямое отношение к теме данной статьи: «Живое художественное произведение всегда осциллирует между прежним и будущим состоянием эстетической нормы: настоящее, под углом зрения которого мы воспринимаем произведение, ощущается как *напряжение между предшествующей нормой и ее нарушением*, предназначенным стать составной частью будущей нормы» [1. С. 69] (выделено мной. — Ю. Г.).

Я недаром выделил слова «напряжение между предшествующей нормой и ее нарушением». Если это напряжение является таким же признаком **живого** художественного произведения, каким дыхание и сердцебиение — признаком жизни человека, то отсюда с непреложной закономерностью вытекает, что в произведении должны присутствовать два полюса: предшествующая **норма** и момент ее **нарушения**, преодоления. Если один из этих полюсов отсутствует, произведение будет или бескрылой, ремесленной поделкой, копией, или... черным квадратом, дюшановским писсуаром, «дыр бул шир». То есть, в обоих случаях, *мертвым* артефактом.

Разумеется, соотношение двух полюсов, двух начал в произведении может быть разным, в зависимости от состояния общественного сознания, от господствующей ментальности, представлений, убеждений, вкусов и т.д. Мукаржовский в работе «Поэт и произведение» пишет: «существуют периоды, когда во всем ищется индивидуальность (современная поэзия, начиная с романтизма), и другие периоды, когда она буквально преследуется (Готфрид Страсбургский¹ порицает своего противника, средневекового немецкого поэта Вольфрама фон Эшенбаха за то, что тот пытается идти собственным путем)» [2. С. 276]. Но, конечно, даже при минимальной ориентации на индивидуальное новаторство то «напряжение», о котором говорит Мукаржовский, все же имеет место — иначе искусство сведется к простому копированию, т.е. опять же умрет.

С этих четких позиций, я уверен, следует подходить и к рассмотрению того периода в истории европейской культуры и, в частности, в истории европейских литератур, который знаменуется появлением и расцветом авангарда.

Конкретные формы авангардистских революций в разных странах, как и результаты, к которым они привели, зависели от множества объективных и субъективных обстоятельств. Иногда эти формы очень различны, даже

¹ Готфрид Страсбургский — автор стихотворного рыцарского романа «Тристан и Изольда». Вольфрам фон Эшенбах — автор стихотворного рыцарского романа «Парцифаль».

противоречивы, несовместимы в одной парадигме; недаром ряд крупных ученых — в их числе, например, Вяч. Вс. Иванов, И. П. Смирнов — предпочитают пользоваться понятием «постсимволизм», которое объединяет в себе и авангард, и другие современные ему течения (скажем, в России это акмеизм). Правда, общий стержень тут становится еще проблематичнее, зато появляется один добавочный общий критерий, который в упрощенном виде можно сформулировать как преодоление в той или иной степени свойственного символизму стремления оторвать дух от материи. Наличие этого критерия дает возможность более широкого обобщения, когда разного рода явления (в русской литературе, кроме акмеизма, еще много чего, да, собственно, и пролеткульт, а за пределами России — хотя бы знаменитая троица: Кафка, Пруст, Джойс, — и так далее) не повисают в воздухе, рядом с авангардом, а обретают некую общую смысловую направленность.

Но в то же время нельзя не видеть, что при всех национальных, региональных особенностях, при всей важности таких факторов, как, например, ареал влияния, в котором находится та или иная литература, как общественно-историческая ситуация (скажем, участие или неучастие, победа или поражение в мировой войне), огромную, подчас решающую для общей картины литературного процесса роль играет субъективный, личностный компонент. Иными словами, очень многое зависит от того, в какую сторону поведут литературу, искусство самые авторитетные фигуры, в каком направлении подвигнут творчество этих художников (художников слова, кисти и т.д.) особенности их таланта, их мировоззрения, а подчас и обстоятельства их личной жизни.

В русском литературном авангарде самая крупная, определяющая фигура — это, конечно, Маяковский. Одаренный талантом, что называется, от рождения, он почти не учился поэзии (да и вообще мало чему учился), но в один прекрасный момент, получив (незначительный, в сущности) толчок, которым стали для него поощрительные слова (незначительного, в сущности) поэта Давида Бурлюка, Маяковский вдруг и сразу стал поэтом с мощным, самобытным голосом. В первых своих стихотворениях он явно подражает Бурлюку; однако, если не сопоставлять даты, создается полное впечатление, что это Бурлюк подражает Маяковскому: настолько стихи первого слабее, «жиже» стихов второго.

Я (не без труда) нашел в интернете образчики поэтического творчества Бурлюка. Вот, например, стихотворение 1912 г.:

Зазывая взглядом гнойным
Пеной желтой сиплых губ
Станом гнутым и нестройным
Сжав в руках дырявый куб
Ты не знаешь скромных будней
Брачных сладостных цепей
Беспощадней непробудней
Средь медлительных зыбей

Вероятно, о достоинствах этого стихотворения можно спорить; мне оно показалось некой пародией на ... не очень понятно, на что: может быть, на самого себя? Но одно несомненно: Бурлюк, каким бы футуристом он ни был, не может отказаться от музыкальной, гармоничной организации, той самой, которая так свойственна русской поэзии со времен Пушкина и которую подхватили и довели до совершенства символисты, акмеисты, имажинисты. Правда, у Бурлюка в этой организации слышатся отзвуки Бальмонта и, кажется, Северянина; эти отзвуки отнюдь не развеивают впечатление дилетантства.

А другое стихотворение, написанное в 1913 г., чем-то очень напоминает «Ночь», самое первое (из известных) стихотворений Маяковского. Приведу их оба.

Бурлюк:
Закат маляр широкой кистью
Небрежно выкрасил дома...
Не побуждаемый корыстью
Трудолюбивый не весьма
И краска эта так непрочна
Она слиняла и сошла
Лишь маляра стезя порочна
К забавам хмельным увела
Маяковский:
Багровый и белый отброшен и скомкан,
в зеленый бросали горстями дукаты,
а черным ладоням сбежавшихся окон
раздали горящие желтые карты.
Бульварам и площади было не странно
увидеть на зданиях синие тоги.
И раньше бегущим, как желтые раны,
огни обручали браслетами ноги.
И т.д.

Конечно, это еще не настоящий Маяковский, тут пока нет свойственной ему чеканной точности, его голос пока «плывет», некоторые строки натужны и манерны («было не странно увидеть»). Но «Ночь» сделана явно сильнее, крепче, чем стихотворение Бурлюка. И еще один момент: в первую минуту кажется, что «Ночь» написана под влиянием Бурлюка — причем написана лучше; но в следующую минуту выясняется: «Ночь» относится к декабрю 1912 г., Бурлюк же свое стихотворение написал в 1913 г., т.е. Бурлюк, тогда выступавший в роли уверенного, даже снисходительного мэтра («Мой действительный учитель» [3. С. 20], — говорит о нем Маяковский), на самом деле уже был (или выглядел) эпигоном Маяковского.

Однако именно Бурлюк привел Маяковского к футуристам, Маяковский ставил свою подпись под футуристическими манифестами (хотя в то, что он участвовал в их составлении, слабо верится: напыщенно-крикливый, расплывчатый, часто не слишком грамотный стиль этих манифестов несвойствен Маяковскому с его феноменальным чувством слова). И вот уже тут, мне кажется, проявляется диалектика взаимодействия течения (группы, школы) и крупномасштабной личности. Маяковский, при всей его задиристости, громогласности, по натуре не был лидером, он в общем всегда был ведомым (вначале им руководил Бурлюк, позже — Осип Брик с Лилей). И тем не менее его феноменальный — на грани гениальности — талант (а талант включает в себя и чувство меры) был таким мощным, что не только ему самому не позволил покинуть русло, скажем так, пушкинской традиции, увлечься заумью, даже хотя бы верлибром, но действовал каким-то неявным образом и на соратников, корректируя их мальчишескую размашистость и лихость. Даже Хлебников, гениальность которого совсем не была гениальностью поэтической, оказался «в тени» Маяковского. А казусы вроде «дыр бул шир / убешур» Алексея Крученых остались в русской поэзии — рядом с громадой поэтического творчества Маяковского — не более чем курьезами.

В венгерской литературе фигурой, соизмеримой по масштабам и по силе таланта с Маяковским, был, конечно, Эндре Ади. Именно с ним связан тот мощный выплеск энергии обновления, форумом, базой, ведущей силой которого стал журнал «Nyugat». Ади тоже не являлся лидером этого движения,

но — всего лишь — его знаменем, его харизматическим символом. Однако, как уже отмечалось, дело в том, что Ади и литераторы «Nyugat» не были авангардистами: они совершали свою поэтическую революцию в русле, на платформе символизма. Вместе с тем эта революция являлась настолько масштабной, что открывала перспективы и в сторону преодоления символизма; с этой точки зрения очень многозначителен тот факт, что редакция журнала предоставляла возможность публикации писателям и поэтам самых разных — в плане художественном — пристрастий, вкусов и направлений, в том числе и сторонникам авангардистской эстетики или, по крайней мере, авангардистских (хотя бы и лишь декларируемых) принципов.

Не могу, к сожалению, вспомнить, где мне встретилась та простая и мудрая мысль (и потому не могу ее процитировать, а лишь воспроизведу по памяти), суть которой в следующем: на каком-то уровне таланта — может быть, это и есть уровень гениальности? — становится практически неважным, второстепенным, к какому течению, направлению и т.д. относится созданное автором произведение. Собственно, это можно сказать о многих стихотворениях и поэмах Маяковского: даже если в них можно выявить, обнаружить признаки эстетики футуризма, совсем не они, не эти признаки определяют величие произведения. Иными словами: совсем не от них у человека, душа которого открыта поэзии, бегут мурашки по коже.

Другой поворот той же вещи: гениальное произведение способно синтезировать в себе или даже предвосхитить открытия, нововведения каких-нибудь течений и школ, которые еще и не возникли. (Недаром многие, в том числе авангардистские, школы ищут — и успешно находят — своих предшественников в давно минувших эпохах, скажем, в барокко, маньеризме и т.д.) Мне, например, бросилось в глаза стихотворение Э. Ади «Черное фортепиано» (приведу его целиком):

Дикий грохот, и стон, и рев.
Пусть спасаются, кто не пьяны,—
Это черное фортепиано.
Слеп маэстро, октавы рая.
Это жизни самой звучанье.
Это черное фортепиано.

Звон в ушах, подступивший плач.
Страсти, павшие в сече бранной,
И все это — лишь фортепиано.
Сердце, дикое и хмельное,
Рвется вместе с его струною.
Это черное фортепиано.
(Пер. Б. Дубина)

Стихотворение относится к 1907 г. Однако в нем вполне можно найти признаки и экспрессионизма, и футуризма, а при большом желании — даже и сюрреализма. И все же, по-моему, очевидно, что сила этого стихотворения — не в тех самых признаках, а в неистовой страсти, которая не имеет прямого отношения ни к одному из этих направлений, как, в общем-то, не имеет отношения и к символизму: она, эта страсть, принадлежит только Эндре Ади и выражена она так, как мог выразить ее только Эндре Ади.

В свете сказанного вовсе не удивительно, что к тому моменту, когда в венгерскую литературу вошел, активно, даже агрессивно, внедряя художественные догматы авангардизма, Лайош Кашшак, потенциал обновления был здесь если и не исчерпан (потенциал обновления в принципе не может быть исчерпан

никогда), то освоен в максимальной для данного исторического момента степени — главным образом в новаторской, яркой, темпераментной поэзии Эндре Ади и других поэтов «Нюгата». Кашшаку оставалось дополнить и реализовать этот потенциал в сфере формы. Обстоятельство это для него оказалось во многом и выгодным, если не спасительным. Дело в том, что таким врожденным талантом, каким обладал Эндре Ади (и Маяковский), Кашшак не мог похвастать; зато он обладал феноменальной волей, упорством, непреклонностью. Именно благодаря этим свойствам своего характера Кашшак, имея за душой весьма скудный духовный, культурный багаж, сумел осуществить невозможное: сделать себя поэтом, прозаиком, критиком, публицистом, позже и художником (на уровне коллажей и геометрических композиций), даже теоретиком (теоретиком авангарда), а спустя много лет и историком того же авангарда. Сконцентрировав в себе интенции и претензии национального авангарда, Кашшак последовательно прошел через все доступные ему (доступные относительно — хотя бы уже потому, что за свою жизнь он не освоил ни одного языка, даже немецкого, хотя около пяти лет жил в Вене) авангардистские течения, отметившись и в дадаизме, и в сюрреализме, и в конструктивизме. Именно отметившись, так как его опыты в поэтике этих направлений не отличаются какой-то явной самобытностью, не производят впечатления открытия. В общем его поэзия авангардистской эпохи очень напоминает поэзию нашего пролеткульта: в основном это риторика с уклоном в пафос пролетарской идеологии, чаще всего словообильная, напыщенная и явно сделанная, бумажная.

Хрестоматийный образец поэзии Кашшака — стихотворение «Мастеровые», написанное в 1915 году. Здесь начинается, но здесь, пожалуй, и кончается его новизна и сила:

...в наших натруженных, грубых руках уже зреет, ища
выхода, новая сила,
завтра мы новым вином окропим новые стены.
Завтра на руинах мы построим новую жизнь — из металла,
асбеста, гранита,
И — долой декорации! долой лунные блики и сладкие сны!
Мы воздвигнем гигантские небоскребы и, для забавы, копию
Эйфелевой башни.
Мосты на базальтовых лапах. На площадях — новые мифы из
звонкой стали,
на сдохшие рельсы поставим ревущие, жаркие локомотивы,
пускай они, сверкая, летят по свету, будто метеоры с дымными
хвостами.
Мы смешаем новые краски, под океанами проложим новые кабели,
мы возьмем себе зрелых незамужних женщин, и земля станет
колыбелью для новой породы людей,
и да возрадуются новые поэты, которые воспоют перед нами
новый облик времени
в Риме, Париже, Москве, Берлине, Лондоне и Будапеште.

Здесь действительно весь Кашшак — с его уитменовской торжественностью, с утверждением коллективного начала, с культом материального, физического. Здесь виден и будущий Кашшак (Кашшак-конструктивист, в частности). Но здесь видно и то, что демонстрирует тот предел, за который Кашшак никогда не способен был выйти; я бы сказал тот предел, за который не может выйти авангард, а если авангард выходит за этот предел, то он перестает быть авангардом, т.е. поднимается на тот самый уровень, где различия между школами, программами, направлениями теряют смысл, где начинается сфера большого искусства.

Вот, скажем, образ (или, может быть, точнее сказать, тезис) локомотива:
«на сдохшие рельсы поставим ревушие, жаркие локомотивы».

Этот образ, этот мотив был весьма популярным в авангарде, в разных его течениях, от футуризма до пролеткульта. Скажем, Маринетти (фигура совсем другая, чем Кашшак) в своем первом манифесте (1909 г.) декларировал:

«Мы будем воспевать огромные толпы, волнуемые трудом, погоней за удовольствием или возмущением, прожорливые вокзалы, заводы, мосты, локомотивы с широкой грудью, которые несутся по рельсам, подобно огромным стальным коням...» [4].

А вот — правда, не локомотив, а трамвай, но суть от этого не меняется — у Маяковского:

Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев покрою
умную морду трамвая.

(«Надоело»)

Это уже — поэзия, а не декларация.

Недаром Эндре Ади, которому Кашшак принес свой первый поэтический сборник, «Эпос в маске Вагнера» (1915), раскрыв его и прочитав несколько страниц, в раздражении швырнул книжку на пол (Кашшак сам описывает этот эпизод в своем автобиографическом романе «Жизнь человека», написанном во второй половине 1920-х годов). Едва ли такая реакция Ади была вызвана авангардистскими принципами молодого поэта, его вызывающей непохожестью на современную поэзию; не мог Ади так уж решительно не принимать и верлибр: он сам, хотя и не часто, экспериментировал со свободным стихом. Видимо, рассержен он был именно отсутствием *поэзии*: ему, поэту, что называется, от Бога, должна была претить громогласная, натужная риторика, выдаваемая за стихи.

Еще раз подчеркну: если эмоциональный, неуравновешенный Ади швырнул авангардистский сборник в угол, то «Nyugat», в лице его редакции, относился к проявлениям отечественного авангарда, в лице Кашшака, куда более терпимо. Видимо, ощущение того, что все они, символисты ли, развивающие традицию в сторону выражения содержания, не поддающегося выражению словами, крайние новаторы ли, отрицающие традицию напрочь, — являются союзниками, даже соратниками в общем деле, деле обновления словесного искусства, было достаточно сильным (пускай, может быть, и не вполне сознанным) в душе поэтов и критиков журнал «Nyugat». Во всяком случае, журнал не только предоставлял Кашшаку место для публикации его произведений, но и сочувственно откликнулся на его первый сборник, а затем на появление журнала «Tett» («Действие», 1915—1916; о программных установках журнала много говорит уже то обстоятельство, что название «Tett» — это венгерское соответствие немецкого «Die Aktion», журнала немецких левых экспрессионистов).

Например, на редкость доброжелательно — на фоне общего непонимания — оценил «Эпос в маске Вагнера» Деже Костолани, один из самых видных деятелей «Нюгата», крупный поэт и прозаик: «Он (Кашшак. — Ю.Г.) ищет новую форму. И находит ее в экспрессионизме. [...] Мы должны отметить этот честный и новаторский эксперимент, он оригинален и по-хорошему наивен, он ничего общего не имеет с вжившейся в европейское общественное сознание милитаристской поэзией, как традиционной, так и новой, с поэзией футуристов (имеются в виду итальянские футуристы во главе с Маринетти. — Ю.Г.). [...] Лайош Кашшак идет по правильному пути. [...] Никакой словесной помпезности

и музыкальности — чистая серьезность, огромная любовь к людям пронизывает книгу и связывает воедино строки стихов» (цит. По [5. 99—100.old.]).

Конечно, в рецензии Костолани много такого, что можно назвать авансом. То, что он хвалит Кашшака за отсутствие музыкальности в те годы, когда венгерская поэзия (как, например, и русская поэзия Серебряного века), включая и самого Костолани, интенсивно искала и находила новые и новые способы достижения звукового совершенства, — явная уступка первопроходческой неуклюжести. Единственное, в чем Костолани по достоинству оценивает свершения Кашшака — и, возможно, это помогает ему закрывать глаза на остальное, — антимилитаристская направленность и стихов Кашшака, и его журнала.

Более объективен — а потому и более строг — в своей оценке нового, экстравагантного явления в литературе Михай Бабич. Ему практически не удалось найти что-либо положительное в программе и художественной продукции журнала «Tett»; Кашшак «пропагандирует настоящую литературную анархию», — таков его окончательный вывод. По-человечески, так сказать, Бабич согласен понять причины этого явления: ведь сама эпоха такова, что у молодежи «нет особых оснований почитать традиции и законы». Но как жрец искусства, он отказывается принимать новую поэзию. По его мнению, у молодых писателей «отсутствуют даже попытки найти какой-то новый вид композиции, новый стихотворный размер; несколько парадоксов, неуклюжее подражание самым плоским трюкам футуристов, надуманное, непоследовательное искажение грамматики и логики, намеренное и беспричинное усложнение, запутывание содержания (довольно частый грех наивных начинающих поэтов) — вот и все их стилевое новаторство» (цит. По [6. 45—47.old.]). Особенно раздражает Бабича увлечение молодых поэтов свободным стихом.

Группа Кашшака, действительно, состояла в основном из начинающих, неопытных поэтов; имело место и намеренное запутывание смысла, которое должно было скрыть недостаток мастерства и опыта. Кашшак в своей книге “Жизнь одного человека”, вспоминая об этом периоде, и сам пишет: «зеленые юнцы. Для них пока что сказать громко — все равно что сказать истину» [7. 1012.old.].

Но Бабич, как истинный поэт, к тому же человек с высоким уровнем культуры, не просто подметил слабые стороны нового направления, но разглядел самую их сущность. И Кашшак косвенно подтверждает это. В своем сердитом ответе на критику Бабича (показательно, что ответ этот тоже был опубликован в «Nyugat’е») Кашшак пишет: «Программа “Tett” делает упор не на художественной продукции, не на том, как подается произведение, а на художнике как социальном человеке» [7. 1018.old.]. Попросту говоря, Кашшак отказывается видеть в литературе именно **литературу**; произведение он ставит на второй, неважный, несущественный план, не желая понять тот факт, что если упор делается не на художественной продукции, то само существование писателя (художника) как творческого человека теряет смысл, что этот вопрос выходит за рамки искусства. И, даже декларируя первостепенность значения социального содержания литературы (а это, конечно, важный момент для литературы, особенно в те годы), Кашшак тем самым игнорирует эстетическую сторону литературы, без которой литература перестает быть литературой.

Одной из обусловленных социальной задачей форм Кашшак считает и свободный стих, убежденно защищая его от обвинений в бессвязности и архаичности: «наш свободный стих — строго скомпонованное целое, и этим он отличается от свободного стиха Уолта Уитмена. Мы признаем наше родство

с Уолтом Уитменом, но он был слишком рабом интуиции, слишком импрессионистом, чтобы мы могли считать его своим мэтром» (цит. по [б. 46.old.]).

«Художник как социальный человек» — этот тезис Кашшака говорит о том, что основанную им группу он рассматривал не как группу художников, объединившихся для деятельности в области преобразования литературного стиля и т.п., но скорее как организацию общественно-политического характера, призванную вести пропагандистскую и воспитательную работу в обстановке назревающей революции; молодые сотрудники журнала были для Кашшака не только помощниками, но и объектами воспитания, которые должны были нести свет сознательности и правды дальше, в широкие массы. С этой точки зрения понятно, почему художественной продукции группы Кашшак отводил второстепенное место и почему так высоко ставил личность художника, которого он определял как «огненный столп».

На всем протяжении своего авангардистского творческого пути Кашшак старательно и последовательно провозглашал и возвеличивал принцип коллективизма. Поскольку этот принцип в зародыше противоречит индивидуальной сущности поэзии, вообще творческой деятельности, он даже придумал формулу, которая как бы примиряет непримиримое. Формула эта — «коллективный индивидуум». Звучит эффектно, по-пролеткультовски громко, но реальным содержанием не обладает. Типичная «деревянная железка» — этими словами ее припечатал современник Кашшака, некоторое время испытывавший его влияние, поэт Дюла Ййеш.

Маяковский, который не мог не поддерживать, стараясь делать это не только на словах, принципы авангардистской эстетики, тоже отстаивал коллективизм — даже и в творчестве. Памятником этим его усилиям стала поэма «150 000 000», где он даже не стал обозначать свое авторство:

Кто назовет земли гениального автора?
Так
и этой
моей
поэмы
никто не сочинитель.

(Интересная мелочь: слово «моей» поэт выделяет — может быть, подсознательно — в отдельную строку. Уже эта мелочь перечеркивает декларируемый смысл его утверждения.).

Но в других своих произведениях Маяковский высказывает прямо противоположное. Например, в поэме «Пятый Интернационал» он едко высмеивает этот принцип вместе с его адептами — пролеткультовцами:

Пролеткультцы не говорят
ни про «я»,
ни про личность.
«Я»
для пролеткультица
все равно что неприличность.

Такие «колебания» свойственны Маяковскому и далее: в поэме о Ленине он уничижительно отзывается о «единице» («голос единицы тоньше писка»), а во вступлении к поэме «Во весь голос» убежден, что его, Маяковского, голос «громаду лет прорвет». И это — не противоречие самому себе: Маяковский не отстаивает тот или иной тезис, а дает поэтическое осмысление своей позиции, а тут единообразия нет и, наверное, не может быть.

Размышляя о том, как Лайош Кашшак пришел к авангарду, нелишне, может быть, остановиться на одном моменте, который мне представляется многозначительным.

В двухтомном полном собрании поэтических произведений Кашшака, подготовленном к изданию вскоре после смерти поэта (1968 г.) его вдовой, есть обширное приложение, куда вошли стихи Кашшака, которые он никогда не включал в свои сборники. Два первых раздела приложения называются: «Что-то готовится (1905–1908)»² и «Игра — Жизнь (1909–1915)» — и содержат около полутора сотен стихотворений доавангардистского периода. Помня подчеркнутое пренебрежение Кашшака к традиционным критериям поэтичности (размер, рифма)³, можно понять, почему он никогда не издавал эти стихи, скажем, отдельным сборником⁴. (Но хранил же, тем не менее, хранил всю жизнь!).

Когда читаешь это приложение, возникает вот какая мысль. Если не сказать: загадка. Хотя в первый его раздел входят стихи, созданные, как уже говорилось, в период с 1905 по 1909 гг., практически все они написаны в духе, в стилистике «Нюгата», т.е. Кашшак как бы стал сторонником и последователем «Нюгата» *задолго до его появления*. Ну да, это можно объяснить влиянием Ади (чей сборник «Новые стихи» вышел в 1906 г.): но многочисленность таких стихотворений и их стилевое однообразие, равно как и почти полное отсутствие в этих двух разделах «социалистических» стихов — все это заставляет задуматься. Может быть, Кашшак писал такие стихи и позже, в авангардистский период? Крайне маловероятно.

Один вывод здесь можно сделать без всяких сомнений: Кашшак был на редкость упорным и способным учеником. В подражании Ади ли, вообще духу «Нюгата» ли он достиг, для безграмотного юного провинциала, невероятных успехов. И это утверждение вовсе не перечеркивается тем фактом, что в «нюгатовских» стихах Кашшака много (иногда слишком много) деланности, манерности, искусственности, красоты. Порой эти стихи граничат с самопародией. Прочитав здесь две строфы из стихотворения «*Demimonde*» (французское слово в устах Кашшака — почти такой же нонсенс, как сочетание «сонет Кашшака»):

Устал я от фальшивого сиянья
Слезятся от него мои глаза
Найти покой напрасны упования
Мне вновь и вновь туманит взор слеза.
На розовый ковер нога ступает
И в сердце мне вонзаются шипы
Ни сладкий аромат ни страсть слепая
Уж не зовут меня свернуть с тропы.
И т.д.

Надо отметить, что среди множества вторичных, вымученных стихотворений попадают и, скажем так, сделанные вполне добротнo. То есть звучащие

² Лучшее, может быть, перевести неточно: «Что-то зреет».

³ Приведу один характерный эпизод: по воспоминаниям Андора Немета, одного из близких Кашшаку литераторов, молодой Аттила Йожеф, приехав в начале 1920-х годов в Вену, где в это время жил и работал на положении эмигранта Кашшак, оставаясь лидером венгерских авангардистов и редактируя журнал «Ма», сделал попытку войти в эту группу. Как-то он подошел к Кашшаку и Немету в кафе поздороваться. Кашшак однако встретил его холодно и, когда Йожеф, обескураженный, ушел, сказал Немету с пренебрежением: «Хочет к нам примкнуть, но не настоящий маист (т.е. не годится в сторонники «Ма». — Ю.Г.). Трюкач». И добавил, уже с полным презрением: «Представь, пишет в рифму» (цит. по [8. 231.old.]).

⁴ Особенно поражает здесь обилие сонетов: Кашшак и сонет — понятия более несовместимые, чем вода и пламень.

почти искренне, как бы от души. Почему «почти» и почему «как бы»? Потому что лексика этих стихов, их эмоциональное наполнение не совмещаются со всем тем, что мы знаем о тогдашнем Кашшаке, его характере, мировоззрении, его образе жизни и самовосприятии (по крайней мере, в том варианте, который представлен самим Кашшаком в автобиографическом романе «Жизнь одного человека»).

Не углубляясь здесь в перипетии той метаморфозы, в ходе которой Кашшак превратился из подражателя «Нюгата» в авангардиста, выскажу лишь — может быть, звучащую несколько кощунственно, но кажущуюся мне вполне правдоподобной — некоторую гипотезу. Суть ее в том, что, будь у Кашшака больше таланта, он, при его упорстве, достиг бы в поэзии уровня... ну, конечно, не Ади (уровня Ади способен был достичь только Ади), а, скажем, Арпада Тота. И, возможно, не было бы в Венгрии авангарда — по крайней мере, в такой форме, в какой создал его Кашшак.

Я не хочу сказать — избави Бог! — будто авангард есть способ самореализации для тех, кому не хватало таланта для того, чтобы достичь высот, выделиться среди художников, литераторов, работающих в русле традиционной поэтики; точнее, не ломающих традицию экстремально, «до основания». Я лишь хочу сказать, что талант (когда он действительно талант, а не амбиции со скудным обеспечением) способен обновлять искусство, даже совершать революцию в искусстве самыми разными путями и способами, от традиционных до весьма радикальных. Маяковского под влиянием футуристов (попал в дурную компанию, говорят о подобных случаях) иной раз бросало в очень даже большевистские, некрасивые крайности («Я люблю смотреть, как умирают дети», и т.п.), однако огромный талант и чувство меры (чувство меры — тоже одна из граней таланта) удержали его от падения в антиэстетику. Есть масса великих имен (в русской литературе — Горький, Пастернак, Ахматова, Цветаева...), таланту которых вообще не понадобились подпорки в виде «измов».

Огромное разнообразие творческих индивидуальностей, творческих путей и судеб естественно для художественной сферы (и отличает ее от сферы ремесла). Тем не менее рубеж веков — период, когда амплитуда отклонений от нормы была особенно велика. И поэтому последствия этого периода в дальнейшей истории литературы, искусства весьма неоднозначны.

У Маяковского (как и у Эндре Ади) не было — и не могло быть — последователей: слишком своеобразен, оригинален их талант, слишком много в нем стихийного, даже загадочного. Кашшак не создал великой поэзии (характерно, что его творчество, после того как он в 1930-х годах оставил стезю авангарда, стало довольно бессильным, безликим). Правда, он ввел в венгерскую поэзию свободный стих; вслед за ним такие стихи, как он, писали и пишут бесчисленные поэты и стихотворцы. Парадокса в этом нет: ни Ади, ни Маяковскому нельзя подражать — их поэтической мощи и глубине можно завидовать, можно пытаться своим путем достичь той недостижимой планки, которую обозначило в национальной поэзии их творчество. Кашшаку же подражать легко. И в этом мне видится одно из проявлений снижения художественности, которое принес в литературу, в искусство авангард. Ведь верлибр, хотя он, вне всяких сомнений, весьма очевидная форма **обновления** поэзии, однако в то же время в некотором смысле есть суррогат поэтической речи, культура которой вырабатывалась на протяжении многих столетий, а может быть, и тысячелетий.

Я говорю это с некоторой неуверенностью: поэты, если это настоящие поэты, стараются восполнить ущербность верлибра разными путями и способами. Но — стоило ли разрушать созданное, чтобы потом долго и мучительно пытаться восполнить разрушенное?

Представленные здесь фигуры: Маяковский, Ади, Кашшак, — во многом определяющие характер развития русской и венгерской поэзии в XX в., кажется, достаточно убедительно демонстрируют ту мысль, которую для меня становится все более очевидной. Мысль эта в том, что истинное обновление поэзии (но примерно так же обстоит дело и в других родах и видах словесного, изобразительного искусства, в музыке, в кино) совсем не означает кардинального разрыва с традицией. В поэтике связь с традицией может сохраняться — в соответствии с индивидуальными особенностями таланта художника — в полной или почти в полной мере, как это было у футуриста Маяковского, у символиста Эндре Ади; поэзия зазвучит с новой силой благодаря обновлению образной ткани, благодаря возрастающему разнообразию ритмических, интонационных и т.д. возможностей стиха. И напротив: демонстративный отказ от традиционной ритмики и рифмовки, если этот отказ не компенсируется большим талантом, вовсе не означает нового качества, нового уровня поэзии, а в далекой перспективе чревато ее оскудением, утратой ею способности эмоционально воздействовать на сознание людей.

А тот факт, что во многих ответвлениях авангарда и его наследников: неоавангарда, постмодернизма — искусство (как синоним мастерства) заменяется, подменяется жестом, манерой поведения, вообще пробуждает опасения о гибели искусства.

«Можно полагать, что история авангардизма, в известной степени, представляет собой серию символических попыток создания “неискусства”» [9. С. 14], — пишет в своей книге об авангарде В. С. Турчин. И действительно, многие «вершины» авангарда, включая «Черный квадрат» Малевича, «Источник» Дюшана, «дыр бул шир» Крученых, явно находятся вне искусства.

Правда, это обстоятельство и успокаивает: если идут поиски некой формы творчества, альтернативной искусству, то ведь искусство при этом остается искусством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
2. *Мукаржовский Я.* Структуральная поэтика. М., 1996.
3. *Маяковский В. В.* Полное собр. соч. в 13-и т. М., 1955. Т. 1.
4. Электронный пецыпс: <http://soshinenie.ru/italyanskij-futurizm-manifest-o-futurizme-f-marinetti/>
5. *Kocogh Á.* Az expresszionizmus. Budapest, 967.
6. *Rónay Gy.* Kassák és az izmusok // Irodalomtörténet. 1959. 1.sz.
7. *Kassák L.* Egy ember élete. Budapest, 1966.
8. *Kappanyos A.* Tánc az élen. Ötletek az avantgardról. Budapest, 2008.
9. *Турчин В. С.* По лабиринтам авангарда. М., 1993.

ВЛАДИМИР КИРИЛЛОВИЧ ВИННИЧЕНКО. БИОГРАФИЯ ПОЛИТИКА И ПИСАТЕЛЯ НА ФОНЕ ЭПОХИ

© 2020 г. Е.В. Байдалова

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

kuzmukk@mail.ru

*Я хочу собой возвеличить украинское.
В.К. Винниченко*

Статья посвящена научной биографии Владимира Кирилловича Винниченко (1880–1951) — выдающегося украинского писателя и политика, чья основная деятельность пришлась на первую треть XX в. Особое внимание уделено противоречивости политической деятельности писателя, а также малоизвестным фактам его биографии до и после вынужденной эмиграции.

The article is devoted to the biography of the Ukrainian politician and writer, whose main activity was in the first third of the twentieth century, Volodymyr K. Vynnychenko (1880–1951). Special attention is paid to the controversial political activity of the writer and to less-known facts of his biography before and after his forced emigration.

Ключевые слова: Винниченко, украинская литература, политик, писатель, Украина.

Keywords: Vynnychenko, Ukrainian literature, politician, writer, Ukraine.

DOI: 10.31857/S0869544X0011094-6

Винниченко — политик, писатель, мыслитель — во всех своих проявлениях принципиальный и непредсказуемый, противоречивый и бескомпромиссный, в первую очередь непросто для восприятия благодаря своей яркой и во многом парадоксальной биографии, в которой творческая деятельность неотделима от политической. Литература и политика были двумя его смыслами жизни. Как писал академик Николай Григорьевич Жулинский, «литература и политика — это два крыла, на которых возносился творческий дух Владимира Винниченко»¹ [1. С. 14]. Он был одним из наиболее значимых украинских писателей первой половины XX в. За пятьдесят лет своей творческой биографии написал 14 романов, 23 пьесы, более сотни рассказов и новелл, множество публицистических статей, воспоминания о событиях на украинских землях в 1917–1920-х годах. «Відродження нації» («Возрождение нации») (1920)

¹ Здесь и далее перевод с украинского автора статьи.

и философский трактат «Конкордизм» (1948). Его произведения были переведены на многие языки мира: русский, английский, немецкий, французский, итальянский, латвийский, португальский, польский, словацкий, испанский, чешский, татарский и другие, пьесы поставлены не только в русских и украинских театрах, но также в Германии, Чехии, Бельгии, Испании, Италии. Драма «Брехня» («Ложь») с участием известной актрисы Эммы Граматики в Италии шла более трехсот раз. В 1921 г. по пьесе «Чорна Пантера і Білий Ведмідь» («Черная Пантера и Белый Медведь») в Германии был снят художественный фильм, имевший коммерческий успех. Для украинской литературы Винниченко стал новатором как в драматургии, так и в романистике, создателем первого украинского фантастического романа².

Дебют Винниченко-писателя состоялся в 1902 г. Первый его рассказ «Краса и сила», как и многие другие, был опубликован в украинском журнале «Киевская старина». Довольно быстро писатель стал известен и популярен. В 1903 г. во Львове одновременно под фамилией Винниченко и под псевдонимом В. Деде был издан первый сборник его рассказов под названием «Повести и рассказы», куда вошли пять рассказов: «Борьба», «Антрепренер Гаркун-Задунайский», «Около машины», «Сила и краса», «Суд». В 1906 г. в Киеве вышел сборник рассказов «Краса и сила», о котором комплиментарно отзывался И. Франко, затем — сборник 1907 г. «Маленькие рассказы». Винниченко активно печатался в периодических изданиях, как украинских, так и русских, начал работать как драматург, чьи пьесы с успехом шли в театрах. Уже после революции и эмиграции Винниченко харьковское издательство «Рух» с 1923 по 1926 г. издало 21 том произведений писателя, в 1928 г. вышел роман «Солнечная машина», который широко обсуждался в советской Украине. Однако в 1933 г. после самоубийств Н. Хвывевого³ и Н. Скрипника⁴ Винниченко написал письмо к ЦК КП(б)У о национальной политике, в котором задавался вопросом: каким образом разрешен национальный вопрос, что такие люди, как Скрипник и Хвывево, лишают себя жизни из-за него? В ноябре 1933 г. письмо рассмотрели на пленуме ЦК и ЦКК КП(б)У, где Винниченко был назван «старым волком украинской контрреволюции», а его произведения, соответственно, запрещены к публикациям и изъяты из книжных магазинов и библиотек. С 1933 по 1987 г. в СССР не было опубликовано ни одного произведения писателя. Реабилитация литературного наследия Винниченко началась в декабре 1987 г., когда в журнале «Київ» были напечатаны девять его ранних рассказов. Предвестниками этого события стали частые упоминания имени писателя и политика украинскими общественно-политическими деятелями — сторонниками гласности.

Как политик Винниченко крайне «неудобен» для исследователей: он не устраивал многих, когда был при власти, раздражал, когда власть покинул. Политическая деятельность украинского писателя получила противоречивые оценки как его, так и наших современников: Винниченко называли то деспотичным правителем, то слабохарактерным романтиком и «политиком-неудачником» [2], то борцом с коммунистическим режимом, то сторонником

² Роман В. Винниченко «Сосяшна машина» («Солнечная машина») (написан в 1921–1924 гг., издан в 1928 г.) — социальный роман-антиутопия с элементами научной фантастики.

³ Микола Хвильовий (Николай Григорьевич Фитилев) (1893–1933) — выдающийся украинский писатель.

⁴ Николай Алексеевич Скрипник (1872–1933) — украинский советский политический деятель, в 1927–1933 гг. — нарком образования Украины, с 23 февраля 1933 г. до самоубийства 7 июля — заместитель председателя Совнаркома УССР, председатель Госплана УССР.

советской власти. Как иронично писал о политическом мышлении Винниченко историк Ярослав Пеленский, это «внебрачный ребенок Карла Маркса с красивой и темпераментной украинской молодухой» [3. С. 1]. Неоднозначна оценка в современной Украине создания им в эмиграции Западной группы Украинской коммунистической партии, попытки его сотрудничества с советской властью. При этом в конце прошлого века Винниченко стал символом украинской независимости, поскольку бескомпромиссным он был именно в вопросе суверенности Украины⁵, про которую, по довольно патетичному высказыванию Михаила Наенко, «он не переставал думать ни на миг, во имя которой загубил собственную жизнь, зато в духовную жизнь Украины вписал одну из наиболее ярких страниц» [5. С. 646].

Родился Владимир Кириллович Винниченко 16 (28) июля 1880 г. в городе Елисаветграде⁶ Херсонской губернии в семье крестьянина-батрака Кирилла Васильевича Винниченко и хозяйки постоялого двора Евдокии Ануфриевны Павленко (урожденной Линник). Для матери писателя это был третий брак. От предыдущих браков у нее родилось трое детей, для своего отца Владимир оставался единственным сыном. После обучения в народной школе в возрасте десяти лет будущий писатель продолжил образование в Елисаветградской мужской гимназии, выпускниками которой были также писатели Ярослав Ивашкевич⁷ и Дон Аминадо⁸. Несмотря на сложное материальное положение, семья приняла решение о необходимости получения им образования, поскольку было очевидно, что у мальчика есть способности. В седьмом классе его отчислили из гимназии за политическую деятельность (написание революционной поэмы и организацию тайного кружка среди гимназистов), но «чтобы не раздувать скандал, его исключили не с соответствующими формулировками, а просто выпустили со справкой об окончании семи классов» [6. С. 28]. Некоторое время Винниченко странствовал по Южной Украине в поисках заработка. В 1900 г. экстерном сдал экзамены в Златопольской гимназии и получил аттестат. В 1901 г. поступил на юридический факультет Киевского университета им. Святого Владимира⁹, откуда был отчислен в 1902 г. за участие в студенческих беспорядках в Киеве в конце января — начале февраля 1902 г. без права продолжения образования в любом другом высшем учебном заведении с тремя зачтенными полугодиями (1—3 семестрами). Во время учебы Винниченко встал на путь профессиональной революционной работы. В университете он присоединился к тайной студенческой организации («Студенческая община»), которая с появлением нового деятельного участника¹⁰ активизировала свою

⁵ Правда, самостоятельность страны Винниченко понимал в разное время по-разному. В его дневнике есть следующая запись от 30 марта 1945 г.: «Я прошел три фазы борьбы за самостоятельность и независимость украинской нации. Первая: борьба за самостоятельность и независимость культуры в форме автономии Украины. Вторая: борьба за политическую независимость в форме самостоятельности Украинской державы. Третья: борьба за самостоятельность и независимость социалистическую в форме Республики Советской. Все три формы независимости и самостоятельности не дали украинской нации. Теперь я начинаю борьбу за ту же самую независимость и самостоятельность в высшей форме — конкордистской» [4. С. 80].

⁶ В настоящее время город Кропивницкий (до 1924 г. — Елисаветград, до 1934 г. — Зиновьевск, до 1939 г. — Кирово, до 2016 г. — Кировоград) — административный центр Кировоградской области Украины.

⁷ Ярослав Леон Ивашкевич (1894—1980).

⁸ Аминад Петрович Шполянский (1888—1957).

⁹ В настоящее время — Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко.

¹⁰ Интересно, что в документах Киевского жандармского управления, которое установило за ним наблюдение, Винниченко значился под кличкой «Быстрый» [6. С. 31—32].

работу. Тогда же Винниченко вступил в РУП¹¹, по поручению которой проводил агитационную работу среди рабочих в Киеве и на Полтавщине, за что был арестован в феврале 1902 г. и заключен под стражу в Лукьяновскую тюрьму. Однако следствие не дало конкретных результатов, поэтому через месяц заключенного отпустили с запретом проживать в Киеве и других университетских городах. После этого Винниченко недолго работал домашним учителем в Полтавской губернии, принимал участие в I съезде РУП, однако в сентябре 1902 г. он попал под осенний призыв и был отправлен служить в армию в пятый саперный батальон, который стоял в Киеве, в качестве вольноопределяющегося. Оттуда в феврале 1903 г., узнав, что его собираются арестовать за нелегальную деятельность, он бежал в Австро-Венгрию и на некоторое время оставался во Львове под чужим именем (Зиновия Дедевича). Там он вошел в состав Заграничного комитета РУП. При попытке доставки нелегальной литературы на территорию Российской империи в июле 1903 г. Винниченко был арестован и опять заключен в Лукьяновскую тюрьму в Киеве. В это время он пережил сильнейший внутренний кризис и совершил попытку самоубийства (так и неизвестно — мнимого или реального), после чего еще почти год его держали то в больнице, то на гауптвахте, но не направляли в дисциплинарный батальон, куда он должен был отправиться по суду. 24 (11) сентября 1904 г. в связи с рождением наследника был провозглашен манифест Николая II, по которому объявлялась амнистия. Однако для Винниченко это означало лишь амнистию по его политическому делу, в армию же он был отправлен служить дальше в 21-й саперный батальон, откуда уже в середине декабря, проведя большую часть службы в госпитале, он был уволен в запас. Тогда Винниченко принял участие в съезде РУП как член Центрального комитета и уехал во Львов. После царского манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего политические права и свободы и отменившего Эмский указ 1876 г. о запрещении ввоза и публикации книг на украинском языке за исключением исторических памятников, Винниченко вернулся в Киев, где восстановился на юридическом факультете университета, сдал экстерном экзамены и получил диплом о высшем образовании. В декабре 1905 г. он стал одним из основателей УСДРП¹², созданной на базе РУП, возглавил ее левое крыло, вошел в состав центральных органов партии. В январе 1906 г. Винниченко снова эмигрировал, однако не мог остаться в стороне от революционной борьбы и уже в мае опять вернулся в Киев, где в сентябре 1906 г. был арестован по делу газеты «Громадська думка»¹³. Вышел из тюрьмы лишь в мае следующего года под залог в 500 руб., заплаченный Е. Чикаленко¹⁴. Узнав, что по суду, который должен был состояться в октябре 1907 г., его за совокупность преступлений должны отправить на каторгу, Винниченко нелегально перешел границу и вновь стал политическим эмигрантом. Будучи организатором революционной работы, он переезжал с места на место. Довольно долго жил в Париже, а также в Швейцарии, Германии, Италии, бывал в Галиции и Буковине, по партийным делам нелегально посещал Киев, Харьков, Санкт-Петербург. Главным событием этого периода, которое радикальным образом изменило его жизнь, стала женитьба 28 марта 1911 г. во

¹¹ Революционная украинская партия — первая украинская политическая партия на территории Российской империи.

¹² Украинская социал-демократическая рабочая партия.

¹³ «Громадська думка» — первая ежедневная украинская общественно-политическая культурно-просветительская газета. Выходила в Киеве с 31 декабря 1905 г. по 18 августа 1906 г.

¹⁴ Евгений Харлампиевич Чикаленко (1861—1929) — видный украинский общественный деятель, меценат. Поддержал Винниченко в начале его творческой карьеры, играл важную роль в жизни писателя.

Флоренции на Розалии Лифшиц — главной и единственной истинной любви всей его жизни, женщине, полностью разделившей с ним всю дальнейшую непростую судьбу¹⁵.

В июне 1914 г. семья Винниченко нелегально прибывает в Россию на конференцию УСДРП. После начала Первой мировой войны границы оказались закрыты, и супруги не смогли покинуть страну. Жили главным образом в Москве (Владимир Кириллович под чужой фамилией), его жена легализовалась под своей девичьей фамилией), летом 1915 г. — в селе Карачивка около Харькова, летом 1916 г. писатель остановился в санатории под Москвой. В это время он активно занимался литературной деятельностью, в том числе закончил один из своих лучших романов «Записки курносого Мефистофеля».

После начала Февральской революции Винниченко вернулся на Украину, тут же активно включившись в общественно-политическую работу. 8 апреля 1917 г. его вместе с С. Ефремовым избрали заместителем председателя Украинской Центральной Рады (М. С. Грушевского), с 15 июня 1917 г. Винниченко возглавлял Генеральный секретариат — автономное правительство Украины, т. е. фактически стал главой исполнительной власти страны, являлся автором почти всех законодательных актов и деклараций УНР, включая широко известный I Универсал, в котором декларировалось стремление к широкой национально-территориальной автономии в составе федеративной демократической республики России. Как указывают исследователи его политической биографии, «влияние Владимира Винниченко на общественные настроения, на принятие принципиально важных решений в 1917 году было масштабным и сильным» [6. С. 102].

Необходимо отметить в целом романтизированное представление Винниченко о будущем украинской нации после свершившейся революции. Вот что писал он сам о целях и задачах молодого украинского государства: «Нашей целью, самой главной, глубинной, была не сама государственность. Наша цель была — возрождение, развитие нашей национальности, пробуждение в нашем народе своего, национального достоинства, чувства необходимости родных форм своего развития, достижение этих форм и обеспечение их. Государственность — это только средство для этой основной цели. И потому сам процесс достижения государственности уже должен был бы служить пробуждающим, подталкивающим и способствующим осознанию происходящего фактором. Выиграли бы мы или проиграли, а процесс все равно состоялся бы, и он сам окупил бы и покрыл бы все возможные неудачи» [8. С. 257]. В «Декларации Генерального секретариата», одобренной сессией Центральной Рады 26 июня

¹⁵ В письме к Е. Чикаленко от 30 октября 1911 г. Винниченко так писал о своей женитьбе: «я уже перешел в новую стадию своей жизни: у меня есть семья, и я хочу, чтобы моя семья была связана с жизнью моего народа. Женился я, то есть сошелся с той женщиной, от которой хочу иметь детей, уже больше чем полгода, но до этого времени не мог ничего определенного сказать, потому что это было время пробного брака. Мы еще не знали друг друга и не могли сказать, сможем ли основать семью. Теперь это более-менее выяснилось. Жена моя — жидовка, но мы договорились, что семья будет украинской и детей будем иметь только тогда, когда мать их подготовится настолько, чтобы они могли быть воспитаны украинцами. Пока я целиком доволен тем способом построения семьи, который выбрал. А жизнь покажет, в чем ошибаюсь. [...] Я хочу построить себе такую семью, чтобы она отвечала своему природному значению, а не предписаниям морали и закона. Я хочу, чтобы она давала и мне, и обществу, в котором я живу, пользу и благо. [...] Когда у меня будут дети, то я смогу сознательно и искренне сказать: мы сделали все, что могли, чтобы дать обществу полезных членов. Это задание семьи, по моей мысли, и потому приплетать к ней то, что ее уродует, я уже не смогу. Так я думаю сейчас, а что будет дальше, не берусь предсказывать. Жизнь — больше, чем мы, такую неожиданность может подsunуть, что только рот развяжишь» [7. С. 198–199].

1917 г. и написанной Винниченко, предлагался взгляд на формирование украинской государственной власти как на целиком и полностью отличной и от европейских образцов, и от российского: «Не физическое и экономическое насилие; не темнота, затурканность и экономическая зависимость подневольных классов; не запугивание и гипнотизирование религией, не науськивание одной части угнетенных на другую — не такие средства дали нам, собранным тут, право и силу принимать решения о нормах жизни, обязательных для каждого, кто считает себя украинцем. Это право родилось и выросло из одного доверия, чистого, без какого-либо принуждения, законного или незаконного. И Центральная Рада, принимая на себя эту волю и доверие народа, стала неотъемлемой, органичной частью этого великого целого» [6. С. 97–98].

Однако после подписания Брестского мира в феврале 1918 г. Винниченко подал в отставку. После прихода к власти гетмана Павла Скоропадского скрывался на хуторе Княжья Гора около Канева, был арестован, но под нажимом немецкого командования, опасавшегося народных выступлений в поддержку Винниченко, выпущен на свободу, где он тут же приступил к активной политической деятельности: был введен в состав Украинского Национально-Державного Союза (УНДС), а 18 сентября 1918 г. был избран главой Украинского Национального Союза (УНС), трансформировавшегося из УНДС и объединившего все организации, оппозиционные гетману. 14 ноября 1918 г. с Симоном Петлюрой был во главе создания Директории УНР, которая совместно с Украинскими сечевыми стрельцами¹⁶ подняла вооруженное восстание против гетманской власти. После бегства гетмана Скоропадского 18 декабря 1918 г. Винниченко возвратился в Киев и возглавил Директорию — коллективный орган исполнительной власти, где выступал против правых позиций Петлюры и настаивал на мире с Советской Россией¹⁷. 10 февраля 1919 г. Винниченко был выведен из состава Директории, однако для него таким образом разворачивающиеся события были, скорее, желательны, поскольку вера в успех деятельности как своей собственной, так и соратников стремительно угасала. После начала работы Трудового Конгресса¹⁸ Винниченко записал 24 января 1919 г.: «Я совершаю все усилия, чтобы выйти из состава правительства. Слишком тяжело мне быть подчиненным военным, слишком трудно отдавать в жертву свое самое дорогое, топтать его, издеваться над ним с таким видом, будто я только этого и хотел.

¹⁶ Воинские формирования, первоначально организованные в составе армии Австро-Венгерской империи во время Первой мировой войны по национальному признаку из украинцев, придерживающихся украинофильских воззрений, позже входили в состав Галицкой армии Западно-Украинской народной республики, также УНР.

¹⁷ Взаимоотношения Петлюры и Винниченко, борьба и соперничество между ними привели в итоге, наряду с другими факторами, к ослаблению Директории. Понимая, что захват большевиками Киева неизбежен, Винниченко так раздраженно писал в дневнике о действиях Петлюры: «А Петлюра все встает в позы, красуется на всяких собраниях, искренне веря в себя, как в “национального героя”. Целый месяц красуется, а армии нет. И ничего, как и в прошлом году, для ее организации не сделано. Как и в прошлом году, этот человек незаметно для широкого общества сыграет фатальную роль невольного саботажника и предателя. По 4–5 дней не принимает докладов военного министра, месяц не проводит закон про военные школы, про мобилизацию, про реорганизацию набора. Вместо этого принимает просительниц-старушек, раздает им деньги и велит ходить по Киеву и расхваливать Петлюру за щедрость. [...] Господи, как мы убоги, если у нас такие национальные герои, такие случайные и фатальные люди» [9. С. 313–314].

¹⁸ Трудовой конгресс України — высший законодательный орган УНР в период Директории УНР. Состоялся в Киеве 23–28 января 1919 г.

Реальная действенная политика после Винницы была в руках военных, а выразителем и идеологом ее был Петлюра. Разгромы съездов рабочих, разгромы профессиональных союзов, принудительная замена вывесок, потворство реакционным силам и процессы с попами — это все поступки, которые были одной из причин наступления большевиков на нас. Еврейские погромы также явились результатом этой политики, против воли военных, но как неизбежное явление.

А я должен принимать всю тяжесть этих ошибок на себя, должен делать вид, что по моему мнению это — необходимо» [9. С. 316].

Винниченко уехал за границу под предлогом участия в международной социалистической конференции. Первоначально жил в Зиммеринге (Австрия). 30 марта 1919 г. по приглашению Белы Куна (1886—1938) — лидера недолго просуществовавшей Венгерской Советской республики — приехал в Будапешт для участия в переговорах о создании единого фронта России, Украины и Венгрии против «Антанты». Переговоры не привели к успеху. Винниченко вернулся в Австрию, где через два дня после конференции УСДРП, которая состоялась 9—12 сентября 1919 г., вышел из ее состава и организовал Заграничную группу Украинской коммунистической партии (УКП). В Австрии он написал трехтомник воспоминаний о политических событиях на Украине в 1917—1919 гг. «Возрождение нации». Винниченко так высказывался о цели создания книги: «Я не хочу писать историю в академическом значении этого слова. Это должны позже сделать специалисты. Моя цель — пройти по всем этапам недавнего прошлого, связать их, откинуть неважное и дать полный образ тех и радостных, и горестных времен нашей несчастной истории» [9. С. 10]. Винниченко надеялся переправить большую часть экземпляров своего произведения на родину, но практически полный тираж остался за границей. В библиотеках Украины сохранились только отдельные экземпляры, но они все содержались в спецхранах до «перестройки». Этот труд высоко оценивается украинскими историками. В частности, создатели его политической биографии писали: «восьмидесятилетний опыт осмысления событий 1917—1920 годов на Украине доказывает каждый раз убедительнее, что торжество прогрессивных исследовательских тенденций невозможно без развития традиций, начатых В. Винниченко, более того — без непосредственного обращения к его произведению. Невзирая на течение времени, появление новых исследований, в большинстве своих аспектов “Возрождение нации” Винниченко и сейчас остается непревзойденной работой, значимость которой — по крайней мере на нынешнем этапе украинской истории — лишь неукоснительно возрастает, оказывается более рельефной и благотворной» [6. С. 201].

В мае 1920 г. после переговоров с представителями советской власти украинский писатель с женой приехали в Москву. По прошествии совещаний, встреч, поездок из Москвы в Харьков и обратно руководством страны рассматривались разные варианты участия Винниченко в общественно-политической жизни, однако он выдвинул требование включить его в состав Политбюро ЦК КП(б)У, поскольку считал, что, не будучи введенным в высшие органы власти, не сможет оказывать сколь-либо значительного влияния на положение дел в стране. Требование его не было удовлетворено. Противники Винниченко считали, что он поехал в Москву «за портфелями», однако записи в его дневнике, скорее, свидетельствуют об искреннем желании послужить делу революции, не изменяя при этом национальным интересам. Невозможность «делать, а не фигурировать» [9. С. 474] привела к тому, что 21 сентября 1920 г. Винниченко в последний раз

покинул пределы советского государства и арену политической жизни Украины. Накануне отъезда уже бывший политик записал в дневнике: «Меня берет тоска. Почему-то мне так тяжело и тоскливо. Почему? Потому, что бросаю Украину? Революцию? Что выхожу из рядов действующей армии? Что чувствую провал всего дела? Наверное, все вместе» [9. С. 481].

После окончательной эмиграции Винниченко с женой вернулись в Вену. Там писатель выступил с открытым письмом, напечатанным отдельной брошюрой, «Революция в опасности! (Письмо Заграничной группы У КП к коммунистам и революционным социалистам Европы и Америки)». Ответом советской власти было решение, принятое на V Всеукраинском съезде советов, состоявшемся 25 февраля — 3 марта 1921 г., об исключении Винниченко из состава ВУЦВК и объявлении его «врагом народа». 19 марта 1921 г. в Вене вышел последний номер редактируемого Винниченко политического, экономического и научного еженедельника «Нова доба»¹⁹, в котором было размещено заявление о прекращении работы и самоликвидации Заграничной группы У КП. Эту дату можно считать датой окончания активной политической карьеры Винниченко. После Вены супруги Винниченко жили в Карлсбаде, Берлине, Рауэне, Праге. В Чехословакии писатель встречался с президентом Т. Масариком (1850—1937) и тогдашним министром иностранных дел, а впоследствии вторым президентом Чехословакии Э. Бенешем (1884—1948), вероятно, не только с целью рассказать им о положении дел в Советском Союзе, но и выяснить, есть ли у него перспективы получения чешской государственной стипендии²⁰. Видимо, перспектив не было, поэтому Винниченко обратился к своему давнему знакомому — президенту Германии Ф. Эберту (1871—1925) с просьбой о получении разрешения на проживание в Германии, которое и получил. С 24 февраля 1921 г. супруги Винниченко жили в городке Целлендорфе под Берлином, в 1923 г. переехали в Рауэн. Хотя жизнь Винниченко была довольно активна в Германии — украинской общиной он был выбран главой комитета помощи голодающим на Украине, его пьесы с успехом шли на сценах немецких театров, — находясь в маленьком городке под Берлином, он ощущал свою оторванность от культурной жизни, общества, и потому семейная пара решила в 1925 г. переехать во Францию, в Париж, где Винниченко начал активно заниматься живописью²¹, не бросая литературной работы. В октябре 1934 г. они перебрались в городок Мужен в предместье Канн. На Лазурный берег семья Винниченко переехала в поисках не морского воздуха, непревзойденных пейзажей, тишины, спокойствия и умиротворения, а пропитания: после того как в советской Украине перестали издавать произведения Владимира Кирилловича, а во Франции он не получил поддержки украинских эмигрантов как политик, не отказавшийся от своей промарксистской

¹⁹ «Нова доба» (бук. «Новые сутки») — газета, созданная Винниченко в Вене в 1920 г. как политический, экономический и научный еженедельник. Придерживалась просоветских позиций до поездки Винниченко в Москву, после — критиковала деятельность советской власти на Украине.

²⁰ С Масариком у Винниченко в 1924 г. состоялась еще одна встреча, на которой обсуждалась возможность падения режима большевиков и организация в связи с этим единого фронта украинской эмиграции. Масарик обещал помочь, но Винниченко так и не дождался ни материальной поддержки, ни новой встречи.

²¹ Интерес к живописи Винниченко проявлял и ранее: первые его «пробы пера» относятся к середине 1910-х годов, когда рисование для него стало одним из видов отдыха от литературной деятельности. Однако в Париже, во многом под влиянием дружбы с известным украинским художником, одним из представителей художественного течения «Эколь де Пари» Михаилом Глушенко (познакомились они еще в 1921 г. в Берлине), Винниченко быстро прогрессирует как художник и не оставляет занятий живописью до конца жизни.

и в целом прокоммунистической позиции (несмотря на критику действий большевиков в СССР), писателю и его супруге просто было не на что жить. Они вложили все свои деньги и специально для этих целей оформленный кредит (с ним Винниченко не сумел расплатиться до конца жизни) в покупку дешевого на тот момент обширного (больше гектара) участка земли и полуразрушенного двухсотпятидесятилетнего старинного дома, который восстановили своими силами. Надежда (к их великому сожалению, не оправдавшаяся) была на то, что в этом имении можно будет выращивать овощи и фрукты, продавать их и на эти средства жить безбедно. Они дали своей небольшой усадьбе ласковое название «Закуток». Там писатель работал как простой фермер и, по мере сил и возможностей, продолжал свою литературную деятельность. Во время Второй мировой войны Винниченко ничего не писал, попал на непродолжительное время два раза в концлагерь как иностранный гражданин, но после проверок был отпущен. После войны молодое поколение украинской эмиграции с удивлением обнаружило, что Винниченко, бывший для них легендой, жив: ему стали приходить письма, в которых люди высказывали свое уважение, поддержку и восхищение его политической деятельностью и творчеством. После многих лет, проведенных практически в изоляции от общества, для писателя и политика это признание соотечественников было крайне важным.

Всю свою жизнь, начиная с 1902 г., когда был опубликован его первый рассказ, Винниченко занимался литературным творчеством. Последний роман «Слово за тобой, Сталин!» он закончил в 1950 г. После окончательного отъезда за границу начал рисовать и достиг определенных успехов в живописи²². Все годы вынужденной эмиграции писатель пристально, с горечью, болью и тоской по родине, следил за тем, что происходило на Украине²³. Если была возможность, реагировал на те или иные события в печати. Умер Владимир Кириллович Винниченко 6 марта 1951 г. Похоронен во Франции на городском кладбище Мужена, куда равнодушные соотечественники писателя регулярно совершают «паломнические» поездки, о чем некоторые из них пишут травелоги [10. С. 132–133]. Несмотря на противоречивость этой личности, политику и литературу Украины без Винниченко в настоящее время невозможно представить — настолько масштабной и значимой была его деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Жулинський М. «Я не знаю таких записок і щоденників». Володимир Винниченко: щоденникові записи 1926–1928 рр. // *Винниченко В. Щоденник*. Том третій (1926–1928). Київ; Едмонт; Нью-Йорк, 2010.
2. Литвин С. Чому й дотепер Винниченко вивіщується над Петлюрою? // *День*. 2005. 28 травня. [Електронний ресурс]. URL: <https://day.kyiv.ua/uk/article/istoriya-i-ya/chomu-y-doteper-vinnichenko-vivishchuietsya-nad-petlyuroyu>. Дата обращения: 25.03.2020.

²² Картины Винниченко, как и весь остальной архив, после смерти его жены Розалии Лифшиц (она пережила мужа на семь лет) оказались в США, но не в Колумбийском фонде (как весь остальной архив), а в распоряжении УВАН (Українська Вільна Академія Наук) в Нью-Йорке. В 2000 г. УВАН решила передать через Виктора Ющенко (в то время премьер-министра Украины) Институту литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ 89 единиц хранения, среди которых были оригинальные картины маслом, акварели, альбомы с рисунками, а также 14 картин других художников (все они принадлежали семье Винниченко). В 2002 г. УВАН передала Институту литературы еще 10 картин. Эта коллекция находится на хранении в отделе рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ. Ознакомиться с ней можно по изданию «Володимир Винниченко – художник» [Альбом]. Київ, 2007.

²³ Свидетельства этому мы можем найти в дневниковых записях Винниченко.

3. *Пеленський Я.* Чому так мало думаємо? // Українська літературна газета. 1960. Ч. 4 (58). Квітень.
4. *Удод О.* Історіософські погляди Володимира Винниченка // Громадсько-політична діяльність Володимира Винниченка (До 125-річчя від дня народження). Збірник статей. Київ, 2006.
5. *Наєнко М.* Художня література України. Від міфів до модерної реальності. Київ, 2008.
6. *Кульчицький С., Солдатенко В.* Володимир Винниченко. Київ, 2005.
7. *Чикаленко Є., Винниченко В.* Листування. 1902–1929 роки / Упор. та вс. ст. Н. Миронець. Київ, 2010.
8. *Винниченко В.* Відродження нації. Репринте видання 1920 року. Частина I. Київ, 1990.
9. *Винниченко В.* Щоденник (1911–1920). Том перший. Едмонт, 1980.
10. *Байдалова Е. В.* Травелог как элемент украинской биографической прозы: на пути к В. Винниченко // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы. Сер. «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы». М., 2018.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА О РОЛИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА В ПРАВОСЛАВНОМ МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕГОВОРОВ С ПАТРИАРХОМ МЕЛЕТИЕМ IV (МЕТАКСАКИСОМ) ОБ АВТОКЕФАЛИИ ПОЛЬСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (1922–1923 ГОДЫ)

© 2020 г. А.А. Чибисова

Сотрудник лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ

aachibisova@mail.ru

Статья посвящена интерпретации роли Константинопольского патриархата в православном мире правительством Второй Речи Посполитой в связи с его попытками получить согласие Константинопольского патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) на автокефалию Польской православной церкви, провозглашенной в июне 1922 г. Константинопольский патриархат стремился использовать польский вопрос для реализации разработанной им программы реорганизации патриархата в административный центр мирового православия. Однако неготовность сторон к компромиссу в конечном итоге привела к задержке издания томоса об автокефалии Польской церкви, которое могло произойти уже в 1923 г. Исследование основывается на архивных документах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Article is devoted to the interpretation of the role of the Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world by the government of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth in connection with his attempts to receive the consent of the Patriarch of Constantinople Meletius IV (Metaxakis) for the autocephaly of the Polish Orthodox Church, proclaimed in June 1922. The Patriarchate of Constantinople sought to use the Polish question to implement its program of reorganizing the Patriarchate of Constantinople into the administrative center of world Orthodoxy. However, the unwillingness of the parties to compromise ultimately led to a delay in the publication of the Tomos of autocephaly of the Polish Church, which could have happened already in 1923. The study is based on archival documents, many of which are first introduced into scientific circulation.

Ключевые слова: Польская православная церковь, Константинопольский патриархат, Московский патриархат, Польша, автокефалия, «православный Ватикан», первенство в церкви, Мелетий (Метаксакис).

Keywords: Polish Orthodox Church, Patriarchate of Constantinople, Moscow Patriarchate, Poland, autocephaly, «Orthodox Vatican», primacy in the Church, Meletius (Metaxakis).

DOI: 10.31857/S0869544X0011095-7

Колоссальные изменения в международной политической системе, вызванные Первой мировой войной, не могли не сказаться на судьбе православной Церкви. Государства Восточной Европы, возникшие на руинах Российской империи, начали выстраивать собственную политику в отношении продолжавших существовать на их территории структур Русской православной церкви, пытаясь в первую очередь добиться их полной независимости от Московского патриархата. По итогам Версальского мирного договора 1919 г. на карту Европы вернулась Польша. Организация свободного от внешнего влияния управления Польской православной церковью стало одной из важных задач внутренней политики нового государства. В ходе совещаний, проходивших в 1919–1920 гг., польскому правительству удалось разработать проект, который подразумевал не объявление новой автокефалии, а возобновление прежнего фактически независимого существования православной Церкви, восходившего ко временам польско-литовского государства. Согласно этому проекту, автокефалию должен был провозгласить собор православных епископов, проживающих в границах Второй Речи Посполитой, с ее последующим признанием Константинопольским патриархатом.

Идея обращения именно в Константинополь была впервые озвучена Министерством религиозных исповеданий и народного образования Польши (МРИиНО) в письме от 12 ноября 1919 г., направленном министру иностранных дел, министру внутренних дел и генеральному комиссару Гражданского управления Восточных земель. МРИиНО отметило, что польские короли неоднократно предпринимали усилия по созданию независимой Церкви, всегда начиная их с переговоров со Вселенской патриархией. По этой причине министерство придерживается позиции, что «вопрос создания самоуправляющейся Церкви надлежит провести по соглашению с Константинопольским патриархом» [1. Sygn. 960. К. 47].

В начале 1920-х годов Константинопольский патриархат находился на грани исчезновения, в его прямой юрисдикции осталось всего несколько епархий в окрестностях бывшей османской столицы с немногочисленной паствой. Однако в православном мире традиционным продолжало оставаться признание за Фанаром первенства чести. В период предварительного обсуждения проблемы автокефалии Польской церкви в 1919–1920 гг., а также в 1921 г., когда начались переговоры с Константинопольским патриархатом, представления польского правительства о его роли в православном мире в целом отвечали сложившейся традиции.

В 1920 г. состоялись две конференции при участии представителей Министерства иностранных дел (МИД) Польши, МРИиНО, Гражданского управления Восточных земель и Гражданского управления Волыни и Подолья [1. Sygn. 1003. К. 1]. В качестве эксперта по каноническому праву был приглашен профессор Львовского университета В. Абрахам, признанный польский специалист по истории Церкви. По мнению участников дискуссии, Константинопольский патриархат, «этот ветхий Рим для православия (т.е. с теми же полномочиями, что и Римский престол в католическом мире. — А.Ч.), формально, в силу своего верховенства, вынужден был давать задним числом свое одобрение» [1. Sygn. 960. К. 386] на последующее отделение от патриархата территорий, на которых силой решения местного духовенства создавалась независимая Церковь. В отчете МРИиНО по поводу итогов конференций отмечено, что, несмотря на ничтожное в настоящий момент положение патриарха

в Константинополе, который фактически не имеет ни территории, ни пасты, его духовная власть по традиции все равно окружена особым ореолом [1].

Все вышеперечисленные мероприятия, проходившие в 1919–1920 гг., во многом носили подготовительный характер. Урегулированию положения Польской церкви мешало отсутствие ясности в вопросе восточных границ государства. Реальный сдвиг в церковном вопросе произошел только после заключения Рижского мирного договора между Польшей и советскими Россией и Украиной 18 марта 1921 г. В мае того же года министр исповеданий М. Ратай в письме к МИД вновь озвучил идею, что существующую зависимость Польской церкви от Московского патриархата можно исключить только путем введения церковного управления на основах автокефалии. Министр считал желательным обратиться через дипломатического представителя к православному патриарху в Константинополе и получить от него письменное благословение на создание самоуправляемой Церкви в Польше [1. Sygn. 1003. К. 14].

14 мая 1921 г. представитель Делегации правительства Речи Посполитой при Высокой Порте в Стамбуле Витольд Йодко-Наркевич встретился с местоблюстителем патриаршего престола митрополитом Кесарийским Николаем (Саккопулосом) [1. Sygn. 1003. К. 16]¹. Основной темой беседы стала правомочность решения 1686 г. о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату. Согласно донесению польского дипломата, местоблюститель пригласил его на аудиенцию, чтобы дать рекомендации, какого пути необходимо придерживаться для создания самостоятельной Церкви в Польше. Он предлагал «обратиться к патриарху с прошением, в котором было бы сказано, что Польская Церковь в свое время принадлежала к независимой от Москвы Киевской митрополии, и что только позднее московские цари уничтожили Киевскую митрополию, перевели польских православных под свою власть, и теперь православные Польского государства снова желают независимости и создания собственной митрополии» [1]. Полноценные переговоры пришлось отложить до выборов константинопольского патриарха, которые были намечены на июнь 1921 г.

Однако им было не суждено состояться. С одной стороны, патриарх в то лето так и не был избран, а с другой — у польского правительства стали возникать сомнения относительно правомерности обращения в Константинополь с канонической точки зрения, так как Польская православная церковь, в отличие от Православных церквей Восточной Европы, находилась в юрисдикции Московского патриархата, а не Константинопольского. Помимо этого, восточные границы Польши до 1923 г. не были признаны Антантой, поэтому выделение Православной церкви в Польше в самостоятельную могло породить ненужные трения с великими державами, особенно с Францией, где эмиграция из России имела определенное влияние.

После неудачных переговоров В. Йодко-Наркевича в Стамбуле позиция польского правительства относительно роли Константинопольского патриархата в православном мире претерпела существенные изменения. Если в мае 1921 г. министр исповеданий Ратай еще писал о необходимости обратиться за благословением автокефалии к патриарху в Константинополе, поскольку он, принимая во внимание историческое значение патриархата для всей Восточной церкви, «и сейчас имеет большое значение в православном мире» [1. Sygn. 1003. К. 14], то уже в июне-августе 1921 г., как отметил позже в инструкции,

¹ Об этом событии сообщала греческая церковная периодика [2. Σ. 143; 3. Σ. 2]

выданной польскому дипломату в Стамбуле В. Барановскому, министр иностранных дел Г. Нарutowич, польское правительство озабочилось вопросом, будет ли благословение Константинопольского патриарха, данное новообразованной Церкви, отпадающей от Московского патриархата, каноничным и предохранит ли от объявления Московским патриархатом Польской церкви схизматической. Так же как открытым оставался вопрос, признали ли бы другие Церкви польскую автокефалию, провозглашенную таким образом. Польское правительство пришло к пониманию, что получение большинством существующих автокефальных Церквей благословения на независимое существование от Константинопольского патриархата свидетельствует лишь о том, что все эти Церкви отделялись именно от него [1. Sygn. 881. К. 56].

Ввиду скудности источниковой базы сложно ответить на вопрос, чем была вызвана такая быстрая перемена представлений польского правительства о том, кто должен утверждать автокефалию. Большое количество аналитических записок, касающихся проблемы автокефалии, подготовленных МРиИНО в период 1920–1922 гг. (см., например [1. Sygn. 960. К. 92, 418; Sygn. 1001. К. 250]), позволяет говорить об активной работе экспертов, привлеченных к исследованию проблемы. Возможно, именно подробное изучение темы православной автокефалии повлияло на разворот польского правительства в сторону канонического способа получения церковной независимости в Москве. Вопрос о самом факте наличия, а также о составе и принципах работы экспертной группы, которая функционировала в начале 1920-х годов остается открытым и должен стать предметом специального исследования.

Идея обращения в Константинополь стала еще менее актуальной, когда бывший архиепископ Минский Георгий (Ярошевский), которого польское правительство рассматривало как кандидата на пост предстоятеля Польской церкви, принял предложение о сотрудничестве и поддержал идею автокефалии при условии согласия на нее польского православного епископата (это согласие он обещал изыскать самостоятельно) и московского патриарха Тихона (Беллавина). Очевидно также, что и неурегулированность положения самого Константинопольского патриархата (в Варшаву приходили регулярные отчеты о его текущем положении в Турции (см., например [1. Sygn. 882. К. 5; Sygn. 1005. К. 132, 144])) добавили сомнений в возможности получить автокефалию в Константинополе. Ввиду опасности схизмы, а также ввиду отсутствия действующего Константинопольского патриарха польскому правительству оставался единственный приемлемый путь – начать переговоры в Москве.

На фоне этих изменений идея провозглашения автокефалии на соборе епископов эволюционировала к идее созыва Поместного собора с участием делегатов от духовенства и православного населения Польши для обсуждения организационного устройства Польской церкви. В письме от 22 июня 1921 г. к председателю Реэвакуационной комиссии, которая должна была отправиться в Москву и фактически стать первым представительством Польши в Советской России, Министерство исповеданий сообщало, что, несмотря на то, что нет никаких канонических или догматических препятствий для объявления независимости Польской православной церкви, польское правительство не хочет подвергнуть высших иерархов православной Церкви обвинениям в учинении раскола в случае провозглашения ими церковной независимости [1. Sygn. 1003. К. 77–78]. МРиИНО просило председателя Комиссии переговорить в Москве с митрополитом Серафимом (Чичаговым), чтобы тот изыскал благословение и согласие московского патриарха Тихона на оглашение на Поместном соборе

в Варшаве автокефалии Польской православной церкви. Митрополит Серафим (Чичагов) был назначен на Варшавскую и Привислинскую кафедру в сентябре 1918 г., но политические обстоятельства сделали невозможным его отъезд во вверенную ему епархию. В результате польские власти не признали назначения митрополита Серафима. В начале переговоров в Москве по вопросу автокефалии польское правительство планировало заручиться его поддержкой, пообещав, в случае благоприятного исхода дела признать его назначение на Варшавскую и Привислинскую кафедру. Но, столкнувшись с несговорчивостью патриарха Тихона и митрополита Серафима, поляки очень быстро отказались от созыва Поместного собора. Очевидно, в Варшаве боялись, что участие в соборе мирян обеспечит противникам автокефалии массовую поддержку, что помешает реализации проекта церковной независимости.

В итоге польские власти вернулись к идее провозглашения автокефалии на соборе православных епископов Польши с ее дальнейшим признанием через другую Церковь. Признание со стороны любой Церкви уже спасало от схизмы, так как переводило вопрос в межцерковную политику, а сам маневр польские власти оправдывали отсутствием Поместного собора как института в канонических нормах². При поддержке властей в 1922 г. состоялись три архиерейских собора (подробнее о соборах епископов, проходивших в 1922 г., см. [5. С. 106–111; 6. С. 34–37; 7. С. 112–114]). На третьем из них, прошедшем в Варшаве 14 июня 1922 г., вскоре после ареста патриарха Тихона, было принято решение о готовности епископов работать на началах автокефалии при условии, что польское правительство добьется благословения константинопольского и других патриархов, в том числе московского, если тот вернется к исполнению своих обязанностей. После июньского собора МРИиНО утвердилось во мнении, что собор оформил автокефалию *de-facto*, а *de-jure* она должна была настать после получения благословения из Константинополя.

Осенью 1921 г. на Патриарший престол был избран Мелетий IV (Метаксакис). Его избрание происходило с явными нарушениями: в самой процедуре выборов участвовало меньшинство епископата и членов избирательного собрания, что вызвало немалый скандал. Греческое правительство, пытавшееся помешать избранию Мелетия, обвинявшегося в Греции в учинении раскола, не только не признало результатов выборов, но и утвердило в декабре 1921 г. решение Священного синода Элладской церкви об извержении Мелетия из священного сана. Султанское правительство также отказалась признавать избрание патриарха, объясняя это тем, что оно состоялось в нарушение действующего законодательства. В результате положение Мелетия оказалось достаточно шатким. Все это поставило перед патриархом задачу укрепить собственную власть и позиции патриархата в Турции. Сразу по прибытии в Константинополь Мелетий IV приступил к реализации разработанной им программы

² Польское правительство объявило, что «37 Апостольское Правило признает Собор епископов как единственную каноническую инстанцию в делах наивысшей для Церкви важности. В этом духе высказались и Вселенские Соборы (I Вселенский Собор, правило 5, IV Вселенский Собор, правило 19, VII Вселенский Собор, правило 6)» [1. Sygn. 960. К. 96; Sygn. 1001. К. 250]. В одной из аналитических записок МРИиНО автор указал, что соборы с участием клира и мирян как нельзя лучше отвечают духу демократических времен, но, однако, не являются канонически признанными для принятия решений в таких важных для Церкви вопросах, как автокефалия [1. Sygn. 1001. К. 251]. Эту же позицию спустя год высказал в своем интервью министр исповеданий Ю. Микуловский-Поморский. Он сказал, что древнейшие каноны православной Церкви признают только за епископами решающую власть в церковных вопросах, а собор с участием мирян и низшего духовенства носил в прошлом лишь характер совещательного органа при соборе епископов [4. С. 9].

реорганизации Константинопольского патриархата в административный центр мирового православия (подробнее см. [8. С. 36–53; 9. Р. 283–302]). Превращение патриархата в высшего арбитра в православном мире должно было повысить его влияние на международной арене на случай неблагоприятного исхода, вызванного неурегулированностью положения патриархата в Турции.

Инструкция, выданная представителю делегации правительства Речи Посполитой при Высокой Порте в Стамбуле В. Барановскому в июле 1922 г., хорошо демонстрирует, что к началу переговоров в Фанаре польские власти подошли, имея весьма четкую позицию относительно положения Константинопольского патриархата и его роли в православном мире. В ходе переговоров с патриархом Мелетием эта позиция окончательно выкристаллизовалась. Первое, на что поляки планировали сделать ставку, обращаясь за благословением в Константинополь, это слабость патриархата и падение его авторитета, вызванные внутренними неурядицами и участием в политических событиях рубежа 1910–1920-х годов. Обращение в Константинополь польское правительство стремилось представить не как просьбу, а как взаимовыгодное сотрудничество, от которого Константинопольский патриархат получал возможность упрочить и формально подтвердить свое первенство в православном мире. При этом важно отметить, что, несмотря на признание существующей в православии традиции первенства чести, польское правительство не считало Константинопольский патриархат единственно возможной инстанцией для получения благословения. На разных этапах переговоров поляки рассматривали в качестве альтернативы Румынскую и Сербскую православные церкви, а также другие Восточные патриархаты.

Переговоры в Фанаре начались летом 1922 г. Барановскому было поручено обратиться к патриарху Мелетию, представить ему решение собора от 14 июня 1922 г. и осторожно обсудить с ним условия признания автокефалии. В инструкции, выданной Барановскому, особо отмечалось, что, следуя историческим примерам, за благословение необходимо будет вручить патриарху как дар правительства некоторую крупную денежную сумму, размер которой он должен был обсудить с патриархом [1. Sygn. 881. K. 55]. Министр иностранных дел Нарutowич просил дипломата проявить осторожность при обсуждении с патриархом денежного вопроса, изучив параллельно возможность замены его какими-нибудь моральными услугами, например, посредничеством польского правительства в признании патриарха Мелетия султанским правительством. «Для Вселенского Патриарха наше обращение о налаживании близких отношений имело бы, несомненно, большое значение, так как создало бы для него уже некоторый правовой прецедент его признания, снова подняло бы ту важность патриархата, которая пошатнулась недавней внутренней борьбой, — писал Нарutowич. — Это стало бы утверждением принципа, что Патриарх Константинопольский является первым в мире, имеющим непреходящие права, которые он мог бы вновь обрести при счастливом для себя стечении обстоятельств и при доброй воле других» [1. Sygn. 881. K. 60]³.

Барановский вступил в контакт с Мелетием IV в августе 1922 г. Первая встреча носила общий характер, а во время второй встречи, которая состоялась 15 августа 1922 г., дипломат передал патриарху решение июньского собора

³ «Byłoby to stwierdzeniem zasady, że Patrjarchat Konstantynopolitański jest pierwszym w świecie, mającym swe nieprzedawnione prawa, które mógłby odzyskać przy szczęśliwym dla siebie zbiegu okoliczności i przy dobrej woli innych»

епископов и сопутствующие документы⁴ и попросил признания автокефалии со стороны Константинополя [1. Sygn. 881. К. 95]. Но патриарх не стал читать документы. Он сразу же повел разговор на тему давних отношений Польской православной церкви и Константинопольского патриархата, сообщив, что специально изучил этот вопрос. Мелетий IV выразил желание, чтобы прерванные исторические отношения были возобновлены и чтобы Польская церковь вновь вошла под духовную опеку Фанара, поскольку духовные институты требуют высшего авторитета, так же как его требуют государственные организации. В. Барановский оказался не готов к такой беседе. Относительно исторических связей Польской церкви и Константинопольского патриархата он ограничился тезисом, известным ему, по всей видимости, еще со времен переговоров В. Йодко-Наркевича в мае 1921 г. Дипломат заявил, что Польская церковь, зависевшая в свое время от Киева⁵, была действительно бесправно втянута под управление Москвы, но лично он уполномочен затронуть в переговорах с патриархом вопрос автокефалии только в контексте решений варшавского собора. Тогда патриарх пожелал, чтобы духовные власти Польши обратились к нему напрямую, представив всю ситуацию и высказав свои требования. В ответ Барановский попросил патриарха все же прочесть текст резолюции собора, который уполномочил польское правительство вести переговоры напрямую с Фанаром. Патриарх любезно согласился. После прочтения резолюции он удивился наличию подписей всего лишь трех епископов⁶, что вынудило его поинтересоваться составом собора, а также мнением остальных иерархов Польской церкви. Патриарх Мелетий заявил, что должен войти в непосредственный контакт с ними, а также исследовать настроение и положение православных масс на месте, и предложил выслать в Польшу специально назначенного делегата. Барановский не решился обсуждать этот вопрос без консультаций с польским МИД. В рапорте от 22 августа 1922 г. он, докладывая о трудностях, которые возникли при переговорах, сообщил, что патриарх Мелетий, чье положение очень шатко, ориентируется на собственные амбиции и стремится к усилению и возвышению Фанара. «В этой связи предложение “выкупа” (okup) видится мне второстепенным» [1. Sygn. 881. К. 97], — с сожалением отметил дипломат.

Предложение Константинополя об отправке специального делегата в Польшу было воспринято Барановским с осторожностью. Он считал, что это напоминает попытки вмешаться во внутренние дела государства, несмотря на то, что такой делегат «мог бы достаточно легко быть убежден через МИД, или, прямо скажем, “перекуплен”» [1. Sygn. 881. К. 96], дипломат не исключил, что при определенных обстоятельствах визит представителя Фанара в Варшаву мог иметь нежелательные последствия. Вопрос о личности будущего посланника также вызывал у Барановского опасения. Патриарх Мелетий рассматривал двух возможных кандидатов: кто-нибудь из Лондона (скорее всего, им должен был стать митрополит Фиатирский Герман (Стринопулос))⁷, или кто-нибудь из

⁴ Письменное обращение польского правительства с просьбой об автокефалии, выдержки из конституции Польши, касающиеся национальных меньшинств, краткий экскурс в историю вопроса о польской автокефалии, включая информацию о переговорах с патриархом Тихоном.

⁵ В. Барановский имел в виду Киево-Литовскую митрополию.

⁶ Решение собора епископов Польской православной церкви от 14 июня 1921 г. было подписано только тремя из семи действующих в то время в Польше православных иерархов.

⁷ В апреле 1922 г. в Европе была учреждена епархия Константинопольского патриархата — Фиатирская митрополия, экзархат Западной и Центральной Европы с центром в Лондоне для православных приходов, находящихся вне границ поместных автокефальных Церквей.

константинопольского Синода. Польский дипломат опасался «подозрительных переговоров» [10. Р. 270—300], проходивших в то время между Фанаром и Англиканской церковью, и считал, что через кандидата из Лондона Польская церковь могла бы попасть под политическое влияние Великобритании [1. Sygn. 881. К. 97]. Международная обстановка в условиях борьбы Польши за восточные границы складывалась таким образом, что Великобритания, выступавшая за сильную Германию и слабую Польшу, скорее была ее противником, чем союзником. В связи с этим прибытие в польскую столицу представителя Фанара, имевшего тесную связь с Лондоном, никак не отвечало геополитическим интересами Второй Речи Посполитой. Позицию Барановского поддержали в Варшаве. МИД согласился на приезд делегата при условии, что будет подобрана кандидатура не из Лондона. Министерство также разделяло точку зрения, что Фанар предпринимает попытку вмешаться во внутренние дела Польши, но, поскольку обсуждение этого вопроса на настоящий момент было единственной базой для продолжения переговоров с Мелетием IV, МИД не хотел от него сразу отказываться. Министерство попросило по возможности затягивать согласование даты визита представителя патриархата в Варшаву [1. Sygn. 881. К. 110]. С одной стороны, это было связано с обострением военной ситуации в Малой Азии⁸ и возможным низложением патриарха Мелетия. Польский МИД отметил, что разрешение на приезд делегации является некоторой тактической уступкой патриарху, которому сейчас больше чем когда бы то ни было необходимо поднять свой престиж [1. Sygn. 881. К. 109]. МИД выражал надежду, что, пока в связи с военными действиями в Малой Азии, позиции Мелетия в Турции остаются шаткими и, возможно, он захочет их упрочить. Этот момент, по мнению министерства, необходимо было использовать с целью изыскания благоприятного для Польши решения относительно автокефалии. МИД считал, что сам факт переговоров в случае падения Константинопольского патриархата можно было бы использовать как прецедент и основание для переговоров с другими восточными патриархами [1. Sygn. 881. К. 111]. С другой стороны, затягивание отправки делегации в Варшаву было необходимым в связи с предстоящими выборами в польские сенат и сейм, которые должны были пройти в ноябре 1922 г. Если бы на выборах победили правые во главе с национальными демократами, сторонниками принципа «Польша для поляков» и «поляк = католик», то страна стала бы ареной острых межнациональных конфликтов, которые серьезно дестабилизировали бы внутривосточное положение [11. С. 299—303].

МИД в письме Барановскому специально высказался по вопросу исторического права Константинополя начальствовать над Польской православной церковью. По мнению министерства это утверждение не могло быть принято к рассмотрению, поскольку «в свое время Константинопольский патриархат лишился этого права в пользу России, следовательно его притязания не доказываются ни исторически, ни юридически». МИД отметил, что любые попытки передать Польскую церковь под юрисдикцию Фанара вызовут сильный протест православной общественности, которая увидит в нем недружественную

⁸ С 1919 по 1922 г. в Малой Азии шли боевые действия между греческой армией и возглавляемыми Мустафой Кемалем турецкими вооруженными силами, которые после двух лет изнурительных боев одержали окончательную победу в сентябре 1922 г. 11 октября 1922 г. страны Антанты подписали Муданийское перемирие с турецким правительством кемалистов, к которому 13 октября присоединилась и Греция, что стало окончанием греко-турецкой войны. 1 ноября 1922 г. в Турции был упразднен султанат и высшая власть в стране перешла к главе Великого национального собрания М. Кемалю.

политику польского государства в отношении меньшинств. Этот вопрос министерство рекомендовало исключить из переговоров с патриархом Мелетием.

Пожелание патриарха, чтобы собор православных епископов Польши обратился непосредственно к нему с просьбой дать благословение, также показалось МИД неприемлемым, поскольку оно, с одной стороны, нарушало права польского государства, а с другой, являлось в некоторой степени признанием власти Константинопольского патриарха. «Возможно, что Мелетий этим всем и занимается», — писал Нарutowич. — И что он желает хотя бы таким косвенным образом утвердить провозглашаемые им исторические права» [1. Sygn. 881. К. 110].

Предложение «выкупа» автокефалии было озвучено членом польской делегации К. Рыбиньским на совместном информационном заседании 6 сентября 1922 г. с участием митрополита Никейского Василия (Георгиадиса), первого драгомана патриархата С. Константиноидиса и юридического консультанта польской делегации некоего Папазяна [1. Sygn. 1003. К. 59]. Аргумент «выкупа», по сообщению К. Рыбиньского, произвел большое впечатление на представителей патриархии, но во время следующих визитов к патриарху Барановский не почувствовал у него никакой заинтересованности к этой стороне дела. Ни разу не был поднят этот вопрос и его окружением. «Видимо, последовал приказ (*nastąpił rozkaz*) об этом не упоминать» [1. Sygn. 1003. К. 60], — с сожалением сообщил польский дипломат. Переговоры грозили зайти в тупик.

Заседание Священного синода Константинопольского патриархата, на котором были рассмотрены полученные через Барановского документы, состоялось 7 сентября 1922 г. В протоколе заседания зафиксировано, что Синод заслушал резолюцию польского епископата от июня 1922 г., рассмотрел точки зрения польского правительства и московского патриарха Тихона по вопросу автокефалии⁹ и постановил, что не может выразить своего мнения на основе предоставленных данных и считает необходимым отправить в Польшу специальную комиссию, которая дополнит имеющуюся информацию [1. Sygn. 1003. К. 63]. Решения Синода патриарх Мелетий переслал Барановскому. В сопроводительном письме он выразил великую радость, что Константинопольская церковь спустя столетия дожидается до того дня, когда она в качестве матери Церквей Восточной и Северо-Восточной Европы возобновит свои отношения с Польшей [1. Sygn. 881. К. 113].

16 сентября 1922 г. В. Барановский встретился с начальником польского государства маршалом Ю. Пилсудским во время посещения последним Румынии. Проинформировав его о трудных переговорах с патриархом Мелетием, который пытается подчинить себе Польскую церковь, дипломат уточнил, не считает ли маршал возможным пойти в этом вопросе на соглашение с патриархом и таким образом окончательно оторвать польских православных от Москвы. Но Пилсудский в категоричной форме потребовал независимости Польской православной церкви и в случае если не удастся достигнуть договоренностей с патриархом, приказал прервать переговоры [12. S. 169].

В рамках подготовки визита делегата Фанара в Варшаву Барановский отправил 29 октября 1922 г. письмо патриарху Мелетию, в котором подтвердил получение синодального решения от 7 сентября и сообщил, что передал документы польскому правительству для дальнейшего обсуждения [1. Sygn. 881. К. 115]. На следующий день в рапорте в Варшаву Барановский предложил временно

⁹ Точка зрения патриарха Тихона была изложена польскими дипломатами в документах, переданных на рассмотрение константинопольскому Синоду.

прекратить переговоры об автокефалии в Константинополе, начав немедленные переговоры о признании независимости Польской церкви в Бухаресте¹⁰ и Белграде. Дипломат сообщил, что позиция патриарха Мелетия в отношении автокефалии Польской церкви не только не изменилась в ходе переговоров, но, напротив, четко обозначилась с точной оценкой тех выгод, которые он намеревался получить от соглашения с польской стороной. Польский дипломат отметил, что патриарх мечтает «о возвышении Константинопольского патриарха в положение папы. [...] В первую очередь Мелетий хочет раз и навсегда покончить с равнозначностью патриархов Русского и Константинопольского. Поэтому он не хочет трактовать этот вопрос (о предоставлении автокефалии Польской церкви. — *А. Ч.*) как вопрос между Польшей и патриархатом, а только как спор между православными Польской и Русской церквями, в котором он является верховным судьей, от которого зависит приговор. Таким образом, примат Константинополя над Москвой будет четко задокументирован» [1. Sygn. 1003. К. 60]. По словам дипломата, патриарх Мелетий рассчитывал на вхождение Польской церкви в прямую юрисдикцию Фанара с возможностью в будущем получения ею автокефалии, что, как отметил Барановский, было в духе внешней политики Вселенского патриархата, который стремился к ограничению уже существующих автокефалий и подчинению независимых Церквей Константинополю. Поляки хорошо разобрались в этом основном направлении политики Фанара. По словам польского дипломата Я. Стшембоша, посетившего Стамбул в период переговоров с патриархом Мелетием, чем более неуверенным патриарх чувствовал себя в Константинополе, тем больше пытался повысить «вес своей должности вовне», заботился об «увеличении своего влияния и авторитета в сфере международных отношений» и рассматривал их «как возможность резерва на случай слишком неблагоприятного для себя положения дел в Константинополе» [1. Sygn. 1003. К. 141]. Стшембош считал, что патриарх не будет долго упорствовать, так как понимает, что сопротивление в вопросе польской автокефалии не принесет ему никакой пользы, потому что польское правительство может начать переговоры с главами других поместных Церквей, в обход непримиримого Фанара.

Таким образом, материалы источников хорошо демонстрируют, что Константинопольский патриархат планировал использовать польский вопрос для продвижения своего лидерства в Православной церкви. Это направление внешней политики Фанара, как было верно подмечено Стшембошем, базировалось на «формальном подчеркивании псевдоисторических полномочий» [1. Sygn. 1003. К. 142–143] Константинопольского патриархата в отношении Польской православной церкви. А в Варшаве очень трепетно относились к историческим претензиям Фанара, поскольку они противоречили тем целям, которые ставили польские власти — организовать полностью независимую от внешнего влияния Православную церковь. Поэтому польское правительство

¹⁰ Осенью 1922 г. такие переговоры в Румынии действительно начались. Польский посол в Бухаресте обратился к примасу-митрополиту всея Румынии Мирону (Кристя) о признании автокефальной Православной церкви в Польше и ее благословении [1. Sygn. 214. К. 6]. И духовенство, и румынское правительство отнеслись к идее польской автокефалии доброжелательно. Синод Румынской православной церкви принял к сведению изменение организации Православной церкви в Польше и возвышение ее предстоятеля в достоинство митрополита [1. Sygn. 1001. К. 3; Sygn. 881. К. 127; Sygn. 1001. К. 4]. С одной стороны, это соответствовало духу антисоветской направленности политики Румынии, выраженной польско-румынским договором о союзе 1921 г., с другой стороны — антиканонической деятельности Румынской православной церкви, которая в 1918 г. без предварительных сношений с Московским патриархатом включила Кишиневскую епархию в свой состав, преобразовав ее в Бессарабскую митрополию.

в ходе переговоров с патриархом продолжало последовательно отстаивать тот факт, что Польская церковь является частью Московского патриархата, а Константинополь ни юридически, ни исторически не может выдвигать претензии на часть Русской православной церкви.

После завершения ноябрьских выборов в Польше правительство было, наконец, готово принять делегацию Фанара в Варшаве, о чем Барановский сообщил патриарху Мелетию в письме от 23 ноября 1922 г., в котором просил назвать имя официального посланника, чтобы начать непосредственную подготовку к его визиту в Польшу [1. Sygn. 881. К. 116]. На следующий день, 24 ноября 1922 г., дипломат посетил патриарха для окончательного выяснения позиции Фанара относительно автокефалии Польской церкви. В ходе встречи Барановский обсудил с патриархом личность делегата. Вначале Мелетий IV предложил отправить в Варшаву главу Фиатирской митрополии митрополита Германа (Стринопулоса), одного из сторонников сближения между Православной и Англиканской церквями. Когда Барановский, согласно инструкции МИД от сентября 1922 г., отвел эту кандидатуру, патриарх предложил бывшего местоблюстителя Константинопольского патриаршего престола митрополита Николая (Саккопулоса). Эта фигура получила одобрение, поскольку митрополит Николай считался среди польских дипломатов сторонником автокефалии Польской церкви, что, по их мнению, продемонстрировало переговоры В. Йодко-Наркевича, проходившие в 1921 г. [1. Sygn. 1003. К. 142]. Сопровождать митрополита должен был секретарь патриаршей канцелярии Христо Папаиоанну¹¹. В рапорте от 6 декабря 1922 г. Барановский сообщил, что планирует убедить митрополита Николая в необходимости автокефалии еще до его отъезда в Польшу, надеясь, что он окажется не таким стойким, как патриарх Мелетий. В Варшаве начали подготовку к визиту. Предполагалось придать ему наиболее торжественный и официальный характер, чтобы расположить делегата, поскольку он, как всякий восточный человек, очень чувствителен к форме и протоколу [1. Sygn. 1003. К. 143]. В конце декабря состоялся обмен телеграммами Барановского и Министерства иностранных дел [1. Sygn. 882. К. 123–124]. МИД указал, что представитель Фанара будет гостем польского правительства, которое возьмет на себя покрытие всех расходов.

Однако в планы польского правительства и Фанара внесла коррективы международная обстановка. 20 ноября 1922 г. начала свою работу Лозаннская мирная конференция, которая была созвана западными державами для решения ряда важных вопросов международного значения, подготовки нового мирного договора с Турцией, а также для урегулирования греко-турецких отношений по итогам войны в Малой Азии 1919–1923 гг. Во время обсуждения двухстороннего греко-турецкого соглашения об обмене населением в декабре 1922 г. турки заявили, что согласятся частично сохранить греческое население в Стамбуле в обмен на ряд уступок со стороны европейских держав. Одним из условий турецкой стороны было удаление из Стамбула Константинопольского патриархата [14. Р. 331].

В связи со сложившейся ситуацией в письме к МРИиНО от 29 декабря 1922 г. МИД уведомил, что приезд делегата Фанара из-за неурегулированности

¹¹ Христо Папаиоанну – великий протонотарий патриаршей канцелярии, кандидат богословия Петербургской духовной академии 1895 г. Архиепископ Алексей (Громадский) в труде, посвященном истории Польской церкви в 1920-е годы, указал другое имя (фамилию) секретаря патриархата, который должен был прибыть в Варшаву – Мандринос [13. С. 69–70]. Выяснить личность Мандриноса в рамках настоящего исследования не удалось.

положения Константинопольского патриархата в Турции был отложен до окончания Лозаннской конференции. Вместе с тем МИД сообщил о необходимости продолжить подготовку к приему представителя Фанара и запросить в министерстве финансов кредит в размере 30 000 фр. на расходы, связанные с прибытием почетного гостя и его секретаря. Указанная сумма должна была покрыть дорожные расходы, а также пойти на необходимые подарки и другие траты [1. Sygn. 1001. К. 86—89]. Тем временем 10 января 1923 г. в Лозанне удалось снять с повестки дня вопрос о патриархате после того, как турки согласились отозвать свое требование о прекращении его деятельности, выдвинув одно условие — удаление Мелетия IV с патриаршей кафедры. Понимая, что его дни в Константинополе сочтены, патриарх спешно попытался реализовать свои инициативы, в том числе и в отношении Польши.

В феврале 1923 г. митрополит Георгий (Ярошевский) был убит противником автокефалии архимандритом Смарагдом (Латышенковым), и на Варшавскую кафедру был поставлен архиепископ Дионисий (Валединский). Патриарх Мелетий в письме от 13 марта 1923 г. благословил избрание архиепископа Дионисия предстоятелем Православной церкви в Польше [15. С. 137; 16. С. 18], хотя формально новопоставленный митрополит находился в юрисдикции Русской православной церкви. Между ними завязалась интенсивная переписка, в ходе которой патриарх Мелетий подтвердил скорую отправку в Варшаву своего представителя [15. С. 137; 16. С. 18; 17. С. 1; 18. С. 19].

27 марта 1923 г. Константинопольский патриархат уведомил Барановского об изменении состава делегации. В связи с плохим самочувствием митрополита Николая он был заменен на митрополита Неокесарийского Агафангела (Константинидиса) [6. S. 73].

Однако отправка делегации в Польшу так и не состоялась. 10 июля 1923 г. патриарх Мелетий вынужденно покинул Константинополь, назначив митрополита Кесарийского Николая (Саккопулоса) председателем Священного синода на время отсутствия патриарха. В августе того же года эмиссар польского правительства Станислав Гемпель посетил заседание Синода в Фанаре, где вновь был поднят вопрос о визите представителя Фанара в Польшу. Польское правительство настаивало на том, чтобы члены этой делегации непременно входили в состав Священного синода Константинопольской церкви. Однако иерархи ответили, что состав делегации будет определен после избрания нового патриарха. Если же правительство сочтет необходимым немедленное прибытие посланников из Константинополя, то Синод готов был назначить опытного и квалифицированного священника, но не входящего в состав руководящего органа патриархата [6. S. 74]. Очевидно, что компромисса в этом вопросе достигнуть не удалось. В дальнейшем обсуждение вопроса об отправке в Варшаву делегата Фанара прекратилось. Отсутствие в архивных документах донесений дипломатов из Константинополя позволяет предположить, что переговоры об автокефалии были приостановлены польским правительством вплоть до выборов нового патриарха.

Таким образом, стоит отметить очень трезвую оценку, которую поляки давали патриарху Мелетию и патриархату в целом. Польское правительство с одной стороны планировало использовать неуверенное положение Константинопольского патриархата в Турции и создать ему условия для укрепления авторитета, с другой стороны, не хотело признавать его вселенские претензии, которые сам Константинопольский патриархат продвигал для решения собственных проблем. Оно, очевидно, боялось, что в таком случае поменяет

зависимость Польской церкви от Москвы на зависимость от Константинополя, тем самым главная задача, а именно создание независимой православной церковной структуры в Польше, не будет достигнута. Очевидно, что неготовность сторон к компромиссу в конечном счете привела к задержке издания томоса об автокефалии Польской церкви, которое могло произойти уже в 1923 г. В дальнейшем именно слабость позиции Константинопольского патриархата позволила добиться благословения на автокефалию от патриарха Григория VII в 1924 г., когда денежные аргументы польского правительства перевесили стратегические интересы Фанара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Archiwum Akt Nowych. Warszawa. Zesp. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego.
2. Εἰδήσεις. Ὁρθόδοξοι Πολωνίας // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1921. 8 V.
3. Ἐν Κων/πόλει // Νεολόγος. 15(2).05.1921.
4. Православная Церковь в Польше // Последние Известия. 1923. 4 V.
5. Свитуш А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии: 1917–1950. М., 1997.
6. Borkowski A. Między Konstantynopolem a Moskwą. Źródła greckie do autokefalii Kościoła prawosławnego w Rzeczypospolitej (1919–1927). Białystok, 2015.
7. Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918–1939. Warszawa, 1989.
8. Ермилов П.В. Происхождение теории о первенстве Константинопольского патриарха // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 51.
9. Anastassiadis A. Un «Vatican anglicano-orthodoxe» a Constantinople?: Relations inter confessionnelles, êves impériaux et enjeux de pouvoir en Méditerranée orientale a la fin de la Grande Guerre // Voisinages fragiles: Les relations interconfessionnelles dans le SudEst européen et la Méditerranée orientale 1854–1923: Contraintes locales et enjeux internationaux / Éd.A. Anastassiadis. Athènes, 2013.
10. Geffert B. Anglican Orders and Orthodox Politics // The Journal of Ecclesiastical History. 2006. Vol. 57. № 2.
11. Мамвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
12. Baranowski W. Rozmowy z Piłsudskim. 1916–1931. Warszawa, 1938.
13. Алексий (Громадский), архиеп. Из истории Православной церкви в Польше за десятилетие пребывания во главе ее Блаженнейшего митрополита Дионисия (1923–1933). Варшава, 1937.
14. Lausanne Conference on Near Eastern Affairs (1922–1923). Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London, 1923.
15. Ἡ ὑπὸ τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχείου κύρωσις τῆς ἐκλογῆς τοῦ Ὁρθοδόξου Μητροπολίτου Βαρσοβίας καὶ πάσης Πολωνίας Κυρίου Διονυσίου // Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια. 1923. 12 V.
16. Телеграмма Константинопольского патриарха Митрополиту Дионисию // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 5–6.
17. Письмо Высокопреосвященного Митрополита Дионисия Святейшему Мелетию IV, Патриарху Константинопольскому // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 9.
18. Письмо Святейшего Патриарха Мелетия IV Высокопреосвященному Митрополиту Дионисию от 24 апреля 1923 г., за № 1860 // Вестник православной митрополии в Польше. 1923. № 11–12.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК О СОБАКАХ И КОЗАХ, ИЛИ ПАРТИЯ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ ЖИВОТНЫХ

© 2020 г. К.Б. Егорова

Канд. филол. наук, ВОО «Русское географическое общество»

xenia.egorova@gmail.com

Статья посвящена теме животных и животного мира в произведениях Ярослава Гашека, связанных с политикой и политической ситуацией в Австро-Венгерской монархии накануне последних в истории этого государства парламентских выборов (1911 г.). Подмена понятий, перемещение акцента с политико-социальных аспектов жизни общества на, казалось бы, незначительные явления становятся главным художественным приемом Гашека-сатирика, организующим большинство его произведений. Первые переводы Гашека на русский язык появились в конце 1920-х годов, это было связано, в первую очередь, с развернувшейся в Советском Союзе антирелигиозной пропагандой, в которую очень удачно встраивались многие юмористические произведения чешского сатирика, где главным объектом писательского внимания становилась религия.

The article deals with the theme of animals and wildlife in the works of Jaroslav Hašek devoted to the politics and political situation in Austria-Hungary on the eve of the last parliamentary elections in the history of this state (1911). The substitution of concepts, the shift of emphasis from political and social aspects to seemingly insignificant phenomena becomes the main artistic technique of Hašek the satirist, typical for most of his works. Hašek's first translations into Russian appeared in the late 1920s, this was primarily due to the anti-religious propaganda that unfolded in the Soviet Union which many humorous works of the Czech satirist very successfully matched. Translators and publishers were mainly interested in religious motives in Hašek's literary works.

Ключевые слова: чешская литература, перевод славянских литератур, история Австро-Венгерской империи, Ярослав Гашек.

Keywords: Czech literature, translation of Slavonic literatures, history of Austria-Hungary, Jaroslav Hašek.

DOI: 10.31857/S0869544X0011096-8

Один из пунктов предвыборной программы «Партии умеренного прогресса в рамках закона» звучал странным образом: «Пора реабилитировать животных!». С этой программой кандидат в депутаты австро-венгерского Рейхсрата Ярослав Гашек (1883–1923) отправился на последние в истории этого государства парламентские выборы, которые состоялись в июне 1911 г.

«Партия умеренного прогресса», возглавляемая писателем, не имела реального политического веса и являлась одной из литературных мистификаций. Об этом свидетельствует уже тот факт, что ее манифест помимо Гашека подписали также сотрудник журнала «Humoristické listy» («Юмористические листы») Йозеф Скружены (1871–1948) и художник Йозеф Лада (1887–1957). Для молодого Гашека политическая деятельность (создание партии, разработка ее программы, предвыборная борьба) была художественным жестом, призванным эпатировать публику; политика становилась литературной игрой, в которой каждое действие получало художественную трактовку и сопровождалось текстами (манифест, памфлет, фельетон, стенограммы реальных или вымышленных публичных лекций), многие из которых составили книгу под названием «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона»¹.

В годы расцвета чешского литературно-художественного авангарда, к которому принадлежал писатель, политика была литературно окрашена, в то время как литература еще не была политизирована. В предвоенное время контекст политизации литературного творчества не был актуален для Гашека, а его увлечение левыми политическими течениями означало лишь принадлежность к кругу новых чешских литераторов², отрицавших либеральные направления политической мысли и примыкавших к наиболее радикальным течениям своего времени: от анархизма до леворадикального крыла социал-демократической партии³.

И манифест, подписанный членами «партии умеренного прогресса», и все последовавшие за ним публичные лекции и выступления в печати были острой пародией на происходившие в стране политические события — развитие чешской многопартийной системы, борьба за депутатские мандаты в австрийском парламенте. Мастер сатиры и импровизации, Гашек обращался к живому политическому языку своей эпохи, перемещал знакомые пражанам предвыборные лозунги и воззвания с городских улиц на страницы газетных фельетонов, где гротеск, юмор и пародия создавали иллюзию абсурдности всего происходящего в Австро-Венгерской империи⁴.

Серьезность своих намерений новоявленный кандидат в депутаты Рейхсрата подтверждал многочисленными выступлениями, составившими в книге «Политическая и социальная история партии» самостоятельный раздел («Партия идет на выборы»), куда был помещен, в частности, текст «Лекции о реабилитации животных», материалом для которой послужило состоявшееся в пражском трактире «Коровник» в 1911 г. шуточное публичное выступление писателя, где он пояснил своим избирателям суть загадочных призывов, касающихся жизни животных.

¹ В рукописном варианте книга была окончена в 1911 г., т.е. она создавалась как единый цикл по свежим воспоминаниям о «предвыборной борьбе». Однако она была опубликована целиком лишь спустя несколько десятилетий после смерти автора — в 1963 г. Отдельные рассказы из этого цикла появлялись в чешской и чехословацкой периодике с 1913 г.

² Речь идет о так называемом Поколении бунтарей, к которому принадлежали чешские писатели Ст. К. Нейманн (1875–1947), П. Безруч (1867–1958), В. Дык (1877–1931), Ф. Шрамек (1877–1952) и др.

³ В советском литературоведении, однако, контекст политизации вчитывался в ранние произведения Гашека в угоду советской конъюнктуре; происходила деформация представлений о творчестве писателя, которое рассматривается линейно как последовательное движение к сотворению образцового чехословацкого писателя-коммуниста [1–2]. В современном литературоведении сложилась, однако, противоположная тенденция, которая заключается в отрицании политической ангажированности творчества Гашека [3].

⁴ Уже самоназвание партии отсылало к указу австрийского императора от 12 сентября 1871 г., в котором Франц Иосиф призывал чешское население постепенно развиваться в рамках законов империи.

По мысли Гашека, необходимо полностью исключить выражения, оскорбляющие чувства зверей, из лексикона чешских депутатов. В категорию запрещенных должны входить такие расхожие выражения, как «грязная свинья!», «собака!» и все сочетания со словом «вол» (например «*ty vole*»), что является в разговорном чешском языке одним из самых распространенных способов проявления разного рода эмоций — от удивления до крайнего раздражения. Свою лекцию Гашек завершил следующими словами: «Так приложим же все усилия к тому, чтобы в будущем каждая политическая партия относилась к животным с истинным уважением и никогда не использовала их имен для разнузданной агитации в период избирательной кампании» [4. Т. 2. С. 426]⁵.

Абсурдность идей Гашека, высказанных в адресованной избирателям лекции, полностью дискредитировала серьезность политической борьбы остальных современных писателю чешских партий с их пестрыми предвыборными лозунгами. Механизм, порождавший смех аудитории, на первый взгляд, прост — пародирование предвыборной гонки с ее громкими обещаниями и призывами вызывало эффект «остранения», значение произнесенных (или записанных) слов снижалось, а ситуация, из которой ушел «высокий» политический пафос, становилась комичной. При более внимательном прочтении становится очевидной еще одна немаловажная деталь, сыгравшая свою роль в создании подчеркнуто абсурдного мира политической борьбы чешских партий за депутатские мандаты, — Гашек переводил вектор общественного интереса на принципиально иные, не политические, ценности, в фокусе писательского внимания оказывались животный мир и тема взаимоотношений человека и животного.

Эта подмена понятий, перемещение акцента с политико-социальных аспектов жизни общества на, казалось бы, незначительные явления становятся главным художественным приемом Гашека-сатирика, организующим большинство его произведений (не является исключением и его центральное произведение «Похождение бравого солдата Швейка во время мировой войны», где талант Швейка переводить все события в плоскость бытового, переключать внимание собеседников с патетических ценностей военного времени на сиюминутные проблемы и преходящие ситуации становятся основой всех тех коллизий, на которых строится роман).

Помимо выступлений в защиту прав животных, партия делала странный подарок своим избирателям — каждому, отдавшему свой голос за Гашека, был гарантирован карманный аквариум.

Появление животных в качестве главного предмета предвыборной пропаганды было неслучайным. В предисловии к «Политической и социальной истории партии» чешский сатирик заявил, что никогда не ступил бы на путь политика, если бы не опыт работы редактором в журнале «*Svět zvířat*» («Мир животных»), который многому «научил» будущего депутата: «Вот и я тоже сделал первый шаг по пути, который учит искусству обманывать людей и сбивать их с толку, потому что стал редактором “Мира животных”, питаю надежду, что от “Мира животных” один лишь маленький шаг до депутата в сейме» [5. Т. 5. С. 40].

Подобные шуточные благодарности журналу, якобы положившему начало депутатской карьере Гашека, встречаются на страницах «Политической

⁵ В данной статье цитация ведется по двум источникам — четырехтомному и шеститомному собраниям сочинений, которые были изданы соответственно в 1985 г. и 1984 г. Эта непоследовательность является вынужденной мерой и объясняется тем, что указанные собрания не претендуют на полноту и дополняют друг друга.

Kdo dá hlas, obdrží malé kapesní akvárium!

Strana mírného pokroku
v mezích zákona

Предвыборный плакат партии, 1911 г.

и социальной истории партии» достаточно часто: «Именно журнал “Мир животных” произвел в моей душе полный политический переворот. Все, что там делается в миниатюре, по большому счету происходит в политике» [5. Т. 5. С. 41]. Сложно сказать, подтолкнуло ли Гашека редакторство в этом журнале к участию в политической жизни богемских земель; более вероятно, что чешский сатирик обратился к своему редакторскому опыту уже будучи кандидатом в депутаты Рейхсрата, а параллель между политикой и жизнью животных становилась еще одной творческой находкой автора, которая имела большой потенциал для развития и немалый заряд комического.

Бесспорным остается одно — с 1911 г. практически любое упоминание животного в творчестве Гашека отсылало к каким-либо актуальным политическим событиям, а взаимоотношения, которые выстраивались между человеком и животным (реже — животным и животным), становились пародией на сложившуюся в стране политическую и социальную ситуацию⁶.

На посту редактора журнала «Svět zvířat» Гашек продержался меньше года, поступив на службу не позднее 1910 г. и покинув ее после конфликта с владельцем этого издания, недовольным редакторской политикой Гашека, все чаще вызывавшей негодование подписчиков. Журнал имел научно-популярный характер и состоял в основном из переводных статей; источником чаще всего становились немецкие периодические издания и книги. Гашек же находил цитирование Брема⁷ и Ленца⁸ скучным и малопродуктивным занятием, а потому принялся со свойственным ему юмором менять направление журнала, сделав его ареной для выражения собственных воззрений, где в сатирической форме была представлена жизнь чешских земель с ее богатой

⁶ В отдельных случаях тот же прием выражения своей позиции по конкретному политическому вопросу через описание жизни животных распространялся и на сатирический анализ международных событий. См., например, не переведенный на русский язык фельетон «Испорченные русские рыбешки» («Zkažené ruské rybičky»), который появился в журнале «Kopřive» в 1912 г. [6].

⁷ Брем Альфред Эдмунд (1829–1884) — немецкий зоолог, автор знаменитой книги «Жизнь животных».

⁸ Ленц Харальд Отмар (1798–1870) — немецкий натуралист, автор нескольких научных и популярных книг о природе.

ко времени поступления писателя на редакторскую службу палитрой политических партий.

Гашек шутил: придумывал новые виды животных, открывал явления природы, повествовал о некоторых подробностях из жизни животного мира (например, в один из первых номеров журнала была помещена заметка о случаях алкоголизма среди зверей), иронизировал над взаимоотношениями человека и живой природы (эта тема затронута, в частности, в рассказе «Акционерная фабрика по производству яиц», написанном специально для журнала «Svět zvířat»). Позднее Гашек несколько «политизирует» свой редакторский опыт в этом журнале, проведя параллель между редакторской работой в «Мире животных» и сотрудничеством в газете «České slovo», являвшейся печатным органом национал-социалистов. Свидетельством этому являются первые строки из рассказа 1912 г. «Как я выбыл из национал-социалистической партии»: «Прежде всего, напрашивается вопрос: как я в ней оказался?! Очень просто. Сначала я служил редактором “Мира животных”. Прознав об этом, национальные социалисты принялись уговаривать меня изменить свои политические убеждения. Конечно, если бы речь шла о том, чтобы от консерваторов перемахнуть к анархистам, душевные муки были бы во сто крат тяжелее. Но в данном случае никакой пропасти преодолевать не пришлось. Из “Мира животных” я преспокойно перебрался в “Ческе слово», не изменив даже своим политическим убеждениям,— так, по крайней мере, утверждали все мои знакомые. Просто-напросто я променял своих бульдогов на новую партию» [4. Т. 2. С. 415].

Нововведения, то и дело появлявшиеся на страницах солидного «Мира животных», привлекли к редактируемому Гашеком журналу немалую аудиторию. Однако читательский бум продлился недолго, и в редакцию стали поступать жалобы недовольных подписчиков, принимавших на веру все «находки» и «открытия» Гашека.

Этот эпизод из редакторской жизни писателя появился на страницах второй части романа «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны»: повстречавшийся Швейку в военной тюрьме вольноопределяющийся солдат Марек рассказал во всех подробностях историю своей работы в редакции «Мира животных». Так солдат поделился со Швейком стремлением «основательно дополнить фауну»: «Желая преподнести читателю что-нибудь новое и неожиданное, я сам выдумывал животных. Я исходил из того принципа, что, например, слон, тигр, лев, обезьяна, крот, лошадь, свинья и так далее — давным-давно известны каждому читателю “Мира животных” и теперь его необходимо расшевелить чем-нибудь новым, какими-нибудь открытиями. В виде пробы я пустил “сернистого кита”» [4. Т. 3. С. 315]. Рассказ о «сернистом ките» — лишь одна из многочисленных историй о животном мире, которые солдат успел поведать Швейку в вагоне для арестантов, следовавшем на восточный фронт.

Безусловно, подобные автобиографические сюжеты, введенные в текст романа, провоцируют невольное отождествление автора с героями его произведений. Так, основное занятие Швейка в мирное время — продажа породистых собак, часто оборачивавшаяся мошенничеством: Швейк уговаривал будущих хозяев приобрести беспородного и часто большого щенка под видом пса самых благородных кровей.

Торговля собаками имела к Гашеку вполне бытовое отношение: после неудачи в журнале «Мир животных» писатель решил организовать собственное дело

и основал «Кинологический институт» («Kynologický ústav»), который гарантировал «разведение, продажу, покупку и обмен собак на научной кинологической основе». Свой опыт собаководства Гашек положил в основу книги «Моя торговля собаками» («Můj obchod se psy»), которая увидела свет в 1915 г.⁹ Чтобы отграничить сферу литературного от биографического, в рамках данной статьи я буду говорить только о творчестве писателя, оставив в стороне реальные события, ставшие основой многочисленных рассказов, фельетонов и очерков.

Вольноопределяющийся, с которым судьба столкнула Швейка, дал характеристику проводимой им редакторской политики, которая чуть не разорила вверенный ему журнал. Желая расширить аудиторию, он регулярно удивлял читателей не только новыми, сплошь вымышленными, видами животных, но и разнообразными пикантными подробностями из жизни животного мира, для чего изобретательный редактор организовал специальные рубрики, среди которых, в частности, значились «новые разделы, например “Уголок юмора зверей”, “Животные о животных” (применяясь, конечно, к политическому моменту) [...]». Раздел “Звериная хроника” будет чередоваться с “Новой программой решения проблем домашних животных” и “Движением среди скота”» [4. Т. 3. С. 316].

Ирония над политическими процессами, протекавшими в землях австрийской короны, очевидна; содержание зоологического научно-популярного журнала стало напоминать структуру чешских периодических изданий, выходивших в последнее предвоенное десятилетие, время бурного расцвета чешской журналистики [7]. Так, обстоятельной политической хроникой славилась газета «Čas» («Час»), орган партии реалистов (партия будущего первого президента Чехословакии Т. Г. Масарика); ставку на юмор и политическую сатиру делала чешская социал-демократическая партия (в издании юмористического журнала «Korfu» долгое время принимал участие сам Гашек). Заявленный Гашеком раздел «Движение среди скота» («Hnutí mezi dobyt看») имеет отчетливый политический и социальный подтекст, поскольку чешское слово «hnutí» встречается в основном в таких устойчивых сочетаниях, как «dělnické hnutí» («рабочее движение»), «odbojové hnutí» («движение сопротивления»), «stávkové hnutí» («забастовочное движение»).

Превращение «нейтрального» с политической точки зрения журнала о живой природе в собрание политической сатиры не осталось незамеченным; Мареk завершил свой монолог рассказом о дискуссии, завязавшейся между двумя периодическими изданиями, по поводу регулярно появлявшихся на страницах журнала громких открытий: «По этому, незначительному, в сущности, поводу возникла крупная полемика между газетами “Время” и “Чех”. “Чех”, цитируя в своем фельетоне – рубрика “Разное” – статью об открытой мною блохе, сделал заключение: “Что бог ни делает, все к лучшему”. “Время”, естественно, чисто “реалистически” разбило мою блоху по всем пунктам, прихватив кстати и преподобного “Чеха”. С той поры, по-видимому, моя счастливая звезда изобретателя-естествоиспытателя, открывшего целый ряд новых творений, закатилась» [4. Т. 3. С. 316]. Таким образом, обращаясь спустя много лет к своему опыту редакторской работы в «Мире животных» как к источнику литературных образов, Гашек не обошел стороной и политический контекст

⁹ На русском языке эта книга впервые была издана в серии «Библиотека краснофлотца» в 1944 г.

предвоенной эпохи. Газеты «*Čech*» («Чех») и «*Čas*»¹⁰ являлись печатными органами двух крупных чешских политических партий, воззрения которых Гашек не разделял.

Газета «*Čech*» [8. S. 734–735] издавалась католической партией, которая пользовалась наибольшей популярностью в моравских землях и набрала достаточное количество голосов для получения депутатских мандатов в австрийском парламенте. Гашек сатирически изобразил идеологию «Чеха», раскрывая ее через отношение редакции газеты к открытой «Миром животных» «“блохе инженера Куна”, которую я нашел в янтаре и которая была совершенно слепа, так как жила на доисторическом кроте, который также был слеп, потому что его прабабушка спаривалась, как я писал в статье, со слепым “мацаратом пещерным” из Постоенской пещеры» [4. Т. 3. С. 316]. Ответом «преподобного “Чеха”» на это абсурдное псевдонаучное открытие, по версии вольноопределяющегося, стали слова: «Что бог ни делает, все к лучшему», прочитывавшиеся современниками писателя как насмешка над католической моралью этого издания.

Первое сатирическое обращение к редакции «Чеха» Гашек опубликовал задолго до появления Швейка; в 1909 г. в журнале «*Karikatury*» появился рассказ «Животные и чудеса» с подзаголовком «Посвящается господам редакторам “Чеха”»¹¹. Рассказ состоит из нескольких историй, объединенных одной идеей: «как тесно с жизнью животных была связана жизнь целого ряда святых» [4. Т. 1. С. 279]. Последняя история повествует о чудесном превращении атеиста в осла, а осла — в сотрудника «Чеха».

Журналы и газеты католического направления «пострадали» от внимания чешского сатирика более всего. Остроумный фельетон «О католической печати» появился в социал-демократической газете «*Právo lidu*» в самом начале писательской карьеры Гашека. Чешский сатирик довольно резко выразил свою позицию по отношению к католическим изданиям, в гротескной форме показав, насколько односторонне подходят сотрудники католической прессы к назревшим в стране в начале XX в. социальным проблемам: «однажды молния ударила в группу рабочих. Те из них, которые были социалистами, получили страшные ожоги. “Слава богу,— сообщает писатель (сотрудник католического издания. — К.Е.),— из двадцати рабочих социалистов было только двое” [...] Хуже пришлось одному социалисту из деревни. Встретил он как-то приходского священника и не поздоровался с ним. Его тут же разбил паралич» [4. Т. 1. С. 148]. Заключение, к которому приходит Гашек после своего сатирического анализа существовавшей в Чехии и Моравии католической прессы, показывает, что писатель не разделял морали этих изданий, но в то же время не считал необходимым положить им конец: «Католическая печать так легко разрешает социальный вопрос, что человек просто не может оторваться от этих журналов. Но невольно приходят на мысль четыре вопроса: 1. Что было с человечеством без католической печати? 2. Что из него стало с помощью католической печати? 3. Что могло бы еще с ним стать при помощи католической печати? 4. Что еще наверняка с ним случится при помощи католической печати?» [4. Т. 1. С. 148].

¹⁰ Последнее периодическое издание в русском переводе романа фигурирует как газета «Время».

¹¹ Рассказы и фельетоны Гашека подобного характера регулярно появлялись в 1910-е годы на страницах различных чешских газет и журналов. Многие не были переведены и опубликованы на русском языке. См., например: «Святые и животные» («*Světcí a zvířata*») [9].

Не меньше «доставалось» от чешского сатирика и партии реалистов, набравшей вес в 1910-е годы. Ее лидером и идейным вдохновителем являлся ученый и философ Т. Г. Масарик, что обусловило общую направленность основного периодического издания партии — газеты «Час», выступавшей против превращения идей национального возрождения в клише, а именно это постепенно происходило в чешском обществе под воздействием повсеместного тиражирования лозунгов и призывов, имевших националистическую окраску, в средствах массовой информации (особенно злоупотребляли этим представители национал-либерального крыла). Редакция «Часа» выступала за ясность аргументации, ответственность к слову и профессионализм сотрудников, что полностью соответствовало пониманию журналистики «как выражения качества и уровня общественной жизни нации» [7. С. 138]¹². Подобному изданию, по мысли Гашека, не оставалось ничего кроме как разбить «блоху по всем пунктам, прихватив кстати и преподобного “Чеха”».

Наиболее близким Гашеку направлением чешской политической мысли той поры была социал-демократическая партия, которая являлась самой многочисленной и неизменно набирала большинство голосов на парламентских выборах. Политическая программа партии была направлена на рабочий класс. Ориентация на пролетариат сделала ее отколовшийся леворадикальный фланг платформой для создания в 1921 г. Коммунистической партии Чехословакии, среди высшего руководства которой оказался, в частности, Богумир Шмераль (1880—1941), десять лет назад подписавший шуточный манифест «Партии умеренного прогресса в рамках закона». Судьба Гашека, однако, оказалась связана не с этой политической организацией, но с более мощным ее товарищем — РКП(б).

Первые переводы Гашека на русский язык появились в конце 1920-х годов, это было связано, в первую очередь, с развернувшейся в Советском Союзе антирелигиозной пропагандой, в которую очень удачно встраивались многие юмористические произведения чешского сатирика, где главным объектом писательского внимания становилась религия [10]. Прежде всего востребованными советской пропагандой оказались рассказы о животных, поскольку Гашек прибегал именно к аллегориям из жизни животного мира, когда обращался к чешской католической партии и религиозной прессе начала XX в.

Произведения Гашека в течение более чем десятилетия (конец 1920-х и 1930-е годы) регулярно появлялись на страницах журналов «Резец», «30 дней», «Против бога», включались в книги, составившие «Библиотечку безбожника», печатались в таких сборниках, как «Антирелигиозные юмористические рассказы» (М., 1937) и «Антирелигиозный художественный сборник для чтения и декламации» (М., 1933).

Однако антирелигиозными в советском смысле этого слова произведения Гашека назвать все же нельзя; необходимый для пропаганды смысл проявлялся только при соотнесении с происходящими в советской стране событиями. Жанру, в котором работал Гашек, необходим контекст, переключка с актуальной политико-социальной ситуацией должна быть очевидна. Вне этого контекста сатира перестает вызывать улыбку читателя, теряет свою злободневность, яркость и остроту. Надо признать, что это в конечном итоге произошло со всеми юмористическими рассказами Гашека, которые сейчас мало кому кажутся по-настоящему увлекательным чтением. В Советском Союзе в конце двадцатых годов были созданы такие условия, при которых ранние произведения

¹² Перевод мой.

Гашека вновь обрели свою злободневность. Именно этим можно объяснить, в частности, тот факт, что роман «Похождения бравого солдата Швейка» долгое время не был опубликован на русском языке полностью, а популярность пришла к Швейку только к концу 1930-х годов, когда вектор политической пропаганды в Советском Союзе начал меняться, и военная проблематика почти вытеснила антирелигиозную.

Наиболее популярным антирелигиозным произведением Гашека на русском языке в 1930-е годы был рассказ «Коза и всемогущий бог», давший название отдельному сборнику рассказов, опубликованному в 1937 г. [11] Рассказ повествует о жизни пограничной балканской деревушки, на небольшой территории которой находятся сербский православный храм и турецкая мечеть. Сербский поп Богумиров и муфтий Измир ежедневно встречались у ручья, разделявшего деревню на православную и мусульманскую части, и дружески беседовали о религии и жизни. Однажды Богумиров заприметил в стаде коз своего приятеля Измира одну козочку удивительной красоты и решил непременно заполучить ее. Мулла назначил за козу Мири высокую цену: поп должен был громко произнести, что православный бог не может ни при каких обстоятельствах воскрешать мертвых (а именно это положение было предметом их ежедневного спора). Страсть Богумирова была велика, и ему пришлось исполнить требование муллы, после чего коза была крещена попом в ручье и присоединилась к православному стаду.

Сатира Гашека не является антирелигиозной в полном смысле этого слова; рассказ, написанный в 1912 г., имел вполне реальные основания: в том же году был образован Балканский союз, куда вошли Болгария, Греция, Сербия и Черногория, и была развязана Первая Балканская война против Османской империи. Таким образом, рассказ не являлся выпадом против церковнослужителей, обманывающих народ, но звучал в определенном контексте как антивоенное произведение, стремящееся показать условность границ между народами и религиями, сосуществующими столетиями на одной территории. Обращение к другим произведениям Гашека, написанным в период Балканских войн, показывает, что эта тема волновала писателя, и он не раз высказывался против конфликтов на Балканах [12. S. 25].

В оригинальной версии рассказ имел также иное название «Сербский поп Богумиров и коза муфтия Изрима» [13. S. 10], замененное в русском переводе. Под оригинальным названием это произведение Гашека появилось на русском языке достаточно поздно, только в 1950-е годы.

Успех именно этого рассказа Гашека в Советском Союзе в 1920-е годы был обусловлен, вероятно, тем, что это одно из немногих произведений писателя, затронувшее православную церковь, где главным объектом сатиры становится православный сербский поп, отказавшийся от веры из-за земной страсти к мусульманской козе. В большинстве других газетных фельетонов и юмористических рассказов Гашек обращался к специфическим католическим реалиям жизни Богемских и Моравских земель, что не всегда играло на руку советской пропаганде, поскольку эти реалии были мало знакомы нарождавшемуся поколению «безбожников», и тонкая ирония чешского сатирика над структурой и обычаями католической церкви не вызывала нужных эмоций у советского читателя, поскольку мало соотносилась с известными русскими религиозными обычаями и практиками.

Удивительно то, что в 1920—1930-е годы не публиковались поздние произведения Гашека, написанные в большинстве своем по-русски (т.е. вовсе не нуждавшиеся в переводе) во время пребывания писателя в России в рядах Красной Армии (1918—1921): «Из дневника уфимского буржуя», «Трагедия одного попа», «От партии иностранных коммунистов», «Что такое отделение церкви от государства», «Задачи “Красной Европы”: Комитет иностранной партии коммунистов (большевиков) в Уфе», «Международное значение побед Красной Армии», «Дневник попа Малюты. Из полка Иисуса Христа», «Христос и попы» и т.д. Популярностью в Советском Союзе пользовались совсем не те произведения, которые помогли Гашеку снискать славу первого чешского писателя-коммуниста, но его юмористические рассказы о животных, отвлеченные от коммунистической идеологии и высмеивающие конкретные события довоенной жизни славянских земель. В этих рассказах, лишенных политического официоза и идеологической подоплеки, политика становилась художественной игрой; в последние годы перед крахом Австро-Венгерской империи писатель становился политиком, оставаясь при этом художником. Игра в политику для Гашека-писателя закончилась тогда, когда политика более не позволяла игры и иронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Щербakov Ю. Н.* Писатель, агитатор, борец. М., 1966.
2. *Ančík Z.* O životě J. Haška. Praha, 1953.
3. *Berwid-Buquoy J.* Jaroslav Hašek a jeho «Dobry voják Švejk»: čeští občané, rakouští vojáci, anebo ruští bolševici? České Budějovice, 2011.
4. *Гашек Я.* Собр. соч. В 4 т. М., 1985.
5. *Гашек Я.* Собр. соч. В 6 т. М., 1984.
6. *Kopřivý.* 1912. Č. 9.
7. *Bednařík P., Jiráek J., Köpplová B.* Dějiny českých médií: Od počátku do současnosti. Praha, 2011.
8. *Kryštofík F. X.* Dějiny církve katolické ve státech rakousko-uherských s obzvláštním zřetelem k zemím koruny české od doby slavného panování císařovny Marie Terezie až do času J.V. císaře a krále Františka Josefa I.: 1740—1898. V Praze, 1898.
9. *Právo lidu.* 1912. Č. 158.
10. *Хашек Я.* Уши святого Мартина: Антирелигиозные юмористические рассказы. М., 1927.
11. *Хашек Я.* Коза и всемогущий бог: Антирелигиозные юмористические рассказы. М., 1937.
12. *Karikatury.* 1912. Č. 21.
13. *Dělnická besídka.* 1912. Č. 42.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ В МИНИАТЮРАХ СОКРАТА ЯНОВИЧА: РАЗВИТИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

© 2020 г. М.А. Ламм

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

lamm.maria@yandex.ru

Статья посвящена трем вариантам текста писателя Сократа Яновича. Выявлены различия между польским и двумя белорусскими редакциями текста, предпринимается попытка их анализа с точки зрения художественной репрезентации положения белорусского меньшинства в Польше. Исследованы пути ассимиляции местного населения.

The article is devoted to three versions of the text of the Belarusian and Polish writer Sokrat Janovicz. Differences between one Polish and two Belarusian versions of the text are revealed, an attempt is made to analyse them from the point of view of the artistic representation of the situation of the Belarusian minority in Poland. The ways of assimilation of the local population are investigated.

Ключевые слова: белорусская литература, польская литература, тутэйшество, белорусы в Польше, художественный перевод, билитературная принадлежность, полилитературность, мультикультурализм.

Keywords: Belarusian literature, Polish literature, Tuteishiya, Belarusians in Poland, literary translation, biliterary affiliation, multiculturalism, multiculturalism.

DOI: 10.31857/S0869544X0011097-9

Территория польско-белорусского пограничья — особая контактная зона, где на протяжении веков происходит процесс взаимовлияния нескольких литературных традиций. Одни и те же тексты, существуя в корпусах разных литератур, воспринимаются читателем в контексте той или иной эстетической реальности. Для данного региона подобное имагологическое различие, в принципе, традиционно. Польский исследователь Б. Хадачек рассматривает пространство восточного пограничья как особую зону культурного контакта, отмечает поливариативность литературного языка в регионе: «кресовяки оставались в сфере влияния двух и более культур, говорили на нескольких языках (билингвизм, мультилингвизм), которые выбирались в зависимости от аудитории, читателя или цели высказывания» [1. С. 86]. Выбор языка влечет за собой также некоторые особенности поэтики. Так, белорусский исследователь Л. Киселева, рассуждая о творчестве В. Дудина-Марцинкевича (1808—1884), отмечает, что «в его творчестве на польском языке очень сильно лирическое начало,

в стихотворных повестях и рассказах можно видеть значительное количество лирических отступлений [...], а в белорусскоязычных произведениях этого как раз немного. Зато в последних довольно много юмора» [2. С. 96]. Эта ситуация описана исследователями преимущественно в контексте литературы XIX в., однако она существует и сегодня. В частности ее можно увидеть в творчестве Сократа Яновича.

Сократ Янович (1936–2013) – писатель, писавший на польском и белорусском языках. В рамках данной статьи рассматриваются концептуальные различия конкретного литературного текста «Деревенщина – богиня стыда», существующего в трех вариантах на польском и белорусском языках: «Вёха, багіня ганьбы» [3. С. 52], «Wiocha – bogini zawstydzienia» [4. S. 11–13], «Вёскішча, багіня ганьбы» [5. С. 14–15].

Дружкі-сваячкі ў дарагіх сукнях, упрыгожанныя пераконанасцю ў тым, што яны не сялянкі, бо працуюць у Беластоку, папрыязджалі на вяселле не з суседніх вёсак. Дружбанты-сваякі ў чорных касцюмах жрэнна адчуваюць сябе ў хамуце манераў, украдзеных гораду, але непацеюць а ж да пятай ці нават сёмай чаркі. Яны таксама не сяляне. Адны старыя людзі суюцца сялянамі і на іх тварах скачуць грывасы вінаватасці. Яны разумеюць, што ўсёнька непрыгожае можа выкінуць толькі ад іх альбо з-за іх. Хтосьці з маладых азваўся голасна да старога чалавека па-свойму, па-беларуску, голасна, і стары чалавек пацарванеў ад такой ганьбы, і хутка-хуценька адказаў ён маладому па-польску. (1969)	Drużny-krewniaczki w drogich sukniach, wypiękniałe przez to poczucie, że nie są ze wsi, bo pracują w Białymstoku, a nie zjechały tutaj z sąsiedztwa. Drużbowie-swojacy w czarnych garniturach, czują się źle w chomości manier, skradzionych miastu, ale nie pocą się aż do piątego, czy nawet siódmego kielicha. Oni też nie są wsiowi. Jedynie starzy ludzie czują się wieśniakami i na ich twarzach błąka się jakieś poczucie winy. Zdają sobie sprawę, że wszystko, co nieładne, niezdarne, może się zrodzić tylko z nich albo z ich powodu. Któryś z młodych odezwał się głośno do starego «z prosta», a stary człowiek poczerwieniał od takiego wstydu i szybko, skwapliwie odpowiedział młodemu «po miejsku». (1973)	Дружкі-сваячкі ў дарагіх сукнях, упрыгожаныя пераконанасцю ў тым, што яны – не сялянкі, ганарацца сваімі пасадамі на заводах. Дружбанты-сваякі ў чорных касцюмах для большае святачнасці, відаць, дрэнна адчуваюць сябе ў хамуце манераў, падгледжаных у патомных мяшчанаў, але яны не пацеюць да пятае ці бо й сёмае чаркі. Гэтыя таксама не сяляне. Адны старыя пачуваюцца імі, і таму па іх тварах скачуць грывасы вінаватасці. О, яны добра разумеюць, што ўсёнька непрыгожае можна выкінуць толькі ад іх. Нехта з маладзеччыны, на выгляд дзіўна скромны, нечакана загаварыў да старога па-свойму, па-беларуску ўголос, і той бядак пачырванеў ад гэткае ганьбы ды хутка-хуценька адказаў ён хлопцу па-гарадзкому, па-панску, «інцілігентна»!.. (1993)
--	---	---

В таблице приведен небольшой отрывок миниатюры «Деревенщина – богиня стыда» на польском и белорусском языках. Впервые миниатюра была опубликована в первой книге автора «Законы» на белорусском языке в 1969 г. Этот текст размещен в середине сборника, первым в тематическом ряду трех текстов, посвященных теме свадьбы. Авторизованный перевод открывает первую книгу С. Яновича на польском языке «Большой город Белосток», вышедшую в свет в 1973 г. Позднее миниатюра издавалась на белорусском языке в книге «Долгая смерть Крынок» в 1993 г., в тематическом ряду сохранения идентичности. Три варианта этого текста исключительно интересны с точки зрения межнациональных взаимоотношений в регионе и исторического фона эпохи.

Название рассматриваемой миниатюры – «Деревенщина – богиня стыда», в нем происходит инверсия традиционного понимания оппозиции города и деревни. Традиционно в рамках этой оппозиции деревня рассматривается

в идиллических категориях, в то время как город связан с образом порока. Подчеркнуто сниженное «деревенщина» и высокое «богиня» вводят коннотации земного и небесного, истинного и ложного, праведности и греховности. На уровне содержания травестивное понимание этих категорий подчеркивается описанием старых людей, которые в дискурсе традиционной культуры являются носителями истины и хранителями векового уклада, но в художественном пространстве данного текста стыдятся своей роли.

Два белорусских варианта текста различаются на уровне названия: Вёха / Вёскішча. В обоих случаях название просторечно-пренебрежительное, однако в более позднем тексте это значение суффиксально усиливается, что может быть связано с изменением содержания и усугублением процессов денационализации. Изменения в содержании, на первый взгляд, незначительны, но исключительно важны. В хронологически более раннем тексте девушки «работают в Белостоке, приехали на свадьбу не с соседних деревень», в тексте 1993 г. героини уже «гордятся своими должностями на заводах», в обоих случаях Янович подчеркивает, что они «не селянки». Оппозиция город/деревня присутствует в каждом варианте текста, однако контексты различны: локальная оппозиция белорусов в Польше в хронологически более раннем варианте сменяется общенациональной в варианте 1993 г. Более конкретным становится классовое противопоставление: молодые люди, которые уже «тоже не селяне», в первом издании неловко чувствуют себя в «хомуте манер», «украденных в городе», в более позднем варианте — «подсмотренных у потомственных мещан». Хотя по сути это один и тот же текст, но каждый из его вариантов обращен к представителям разных поколений и, следовательно, самоценен.

Селяне — только старшее поколение. Они чувствуют себя виноватыми, понимая, что что-то «некрасивое» может исходить «только от них или из-за них» — в тексте 1969 г. и «только от них» — в тексте 1993 г., причем в хронологически более позднем тексте эта мысль усиливается введением междометия. Таким образом, в первом тексте традиция еще жива — старики актуализируют деревенские модели бытия, носителями которых в той или иной степени еще являются представители всех поколений, в то время как в более позднем варианте деревенская традиция показана как отжившая. Данная проблематика характерна для творчества С. Яновича и может быть интерпретирована в двух направлениях. С одной стороны, по мнению Я. Чиквина, это «проблема блудных сыновей, которые оставляют свой дом и отечество, идут умножать славу и благополучие других народов, отчетливо связывает Сократа Яновича с той белорусской традицией, которую основал В. Дунин-Марцинкевич» [6. С. 234]. Эта интерпретация ближе к первой редакции рассматриваемой миниатюры. С другой стороны, эта классическая тема усугубляется актуальной проблемой разрушения традиционного уклада. Как пишет П. Васюченко, «денационализация населения в глазах писателя приобретает черты дегуманизации вообще. Белорусы, которые, по определению автора, не выдержали “революции быта”, стали “паркетными”, как бы искусственными» [7. С. 104], что более характерно уже для позднейшего варианта текста. В обоих случаях возникает типичный для творчества писателя контекст разрыва поколений [2. С. 33], однако его содержание существенно различается.

Это различие разрыва поколений наглядно иллюстрируется конкретным примером «некрасивого», которое может исходить от «селян». Описанная ситуация связана с традиционной для культуры данного региона оппозицией белорусского и польского языков. В тексте 1969 г. «кто-то из молодых обратился

громко к старому человеку по-своему, по-белорусски», в варианте 1993 г.: «некто из молодежи, на вид очень скромный, нечаянно заговорил со старым по-своему, по-белорусски». В первом случае использование белорусского языка естественно, во втором — случайность. Различается также и описание ответа старика: в варианте 1969 г. он «ответил молодому по-польски», в более поздней редакции старик отвечает «по-городскому, по-пански, “интеллигентно”!..». Нейтральный для постороннего наблюдателя национальный маркер в тексте 1993 г. сменяется его восприятием, при этом Янович предлагает развернутый ассоциативный ряд, раскрывающий отношение деревенских белорусов к польскому языку. То же противопоставление языков возникает и в авторизованном переводе этой миниатюры на польский язык. Здесь оригинальный вариант «по-своему, по-белорусски» заменен на «простой», а наименование «по-польски» на «по-городскому». Для регионального контекста эти наименования синонимичны, однако для постороннего читателя межнациональная проблематика заменяется традиционным противопоставлением города и деревни.

Оппозиция города и деревни — одна из универсалий христианской культуры, представленная во всех европейских литературах [8]. В данном случае она дополняется конкретным региональным контекстом, где город и деревня являются маркерами национального: в белорусской традиции город семантически связан с польской культурой, в то время как деревня — маркер белорусскости. Имагологическое противопоставление возникает уже на уровне названий сборников, задавая восприятие художественного целого. Миниатюры Яновича посвящены описанию быта белорусского меньшинства в Польше, в центре внимания писателя — подчеркнуто типичные местные жители, «тутейшие». Заглавия белорусских изданий семантически связаны с деревенским контекстом: «Загоны», максимально деперсонализированное, сниженное название, и «Долгая смерть Крынок», т.е. родной деревни писателя. Упоминание родной деревни отсылает к особенно значимой для белорусской литературы теме отчего дома — «родного угла». В книгу «Большой город Белосток» вошли переводы миниатюр из первого сборника писателя, выбранное название вводит в дискурс польской (по определению городской) культуры, задавая имагологическое противопоставление. Детерминированные названием, те же тексты читаются иначе.

В позднейшей редакции белорусского текста имагологические расхождения усиливаются. В польском тексте, как и в первом варианте белорусского, представлена традиционная для белорусской литературы оппозиция город/деревня и связанная с ней экзистенциальная проблематика белорусского меньшинства в Польше в ее классическом для белорусской литературы выражении. В позднейшей редакции белорусского текста в центре внимания автора не столько межнациональная оппозиция, сколько идеологическая. Исчезает название конкретного города, на его месте возникает завод как маркер индустриализации. Синонимический ряд «по-городскому, по-пански, интеллигентно» дополняет оппозицию город/деревня, указывая и на польские (по-пански), и на советские (интеллигентно) мифологии денационализации белорусов. Уже известный локальному читателю текст теперь ориентирован на решение задачи другого времени — преодоление аксиологического кризиса, связанного с распадом СССР. Локальный контекст становится теперь общенациональным.

Поскольку Янович является одновременно и польским, и белорусским писателем, а его тексты вошли в корпус двух литератур, эти расхождения существенны. Каждый из текстов существует в рамках заверщенного

художественного целого, особой эстетической реальности — книги. Считать один из них копией, а другой — оригиналом в данной ситуации некорректно. Белорусский и польский тексты существенно различаются, они ориентированы на разного читателя. При этом различия в позднейшей редакции белорусского текста, хотя и обусловлены историческими событиями, продолжают логику различий в переводе первого издания на польский язык. Как польский, так и белорусский тексты являются самостоятельными художественными системами — они равноправны как два факта культуры, хотя опора на различную топику приводит к расхождению дискурса. Польский текст — лиричен, белорусский более полемичен, в польском тексте на первый план выходит локальная проблематика, в белорусском — национальная. Один и тот же текст встраивается в две литературные традиции, в каждом конкретном случае опираясь на конкретный эстетический код. Характерная для польской традиции литература малой Родины не тождественна белорусской категории «родного кута», хотя структурно они близки.

Подобное переосмысление традиций литератур соседних народов, по мнению Л. Д. Синьковой, является типичным для белорусской литературы в целом. Исследователь отмечает, что «принципиальный алгоритм развития белорусской литературы подразумевает отказ от идей пусть собственных, но эстетически устаревших; отказ от тех своих традиций, которые прерывались-переиначивались во время, когда наши земли и население находились в юридически и идеологически небелорусских государствах — в пользу более новых, современных новым авторам инокультурных идей, которые всякий раз отечественными создателями осваиваются — и развиваются уже как национальные» [9. С. 11]. Подобный процесс можно видеть и в миниатюрах Яновича.

Д. Завадская также полагает это явление вполне типичным, отмечая, что «есть стратегия мимикрии, то есть имитация польских исторических нарративов (традиции гавенды с начала XIX века в литературе и историографии), мимикрия использовалась как из-за сходства исторической ситуации написания истории без покровительства государства и его институтов, так и из-за своего рода перспективности исторического момента, и в полемических целях (видение Яновича не имеет ничего общего с романтической идеализацией Пограничья и их героев, за исключением территории сообщества)» [10. S. 109]. Помимо бытового кода, который полемичен сам по себе, белорусский вариант усиливается самим фактом использования национального названия языка, который в обоих текстах именно белорусский, хотя центральной темой творчества Яновича является «тутейштво», т.е. «форма самой ранней самоидентификации, она носит указательный характер, связана с восприятием ограниченного визуального пространства, знанием всех, кто на нем проживает, в лицо и не только. Это знание истории жизни каждого из ее членов, характера и форм взаимодействия между ними. Это специфическое бытописание, в которое как в реально существующее включаются события, происходящие между давно умершими родственниками, свояками, соседями» [11. С. 241]. Таким образом, закономерно отсутствующее в польском тексте указание на национальную принадлежность приобретает полемические коннотации.

Действие миниатюр С. Яновича разворачивается на территории польско-белорусского пограничья, романтизация которого, в принципе типична для польской литературы, а после Второй мировой войны эта территория за счет символического переосмысления становится своеобразной «носителем исторической памяти» (см. [12. С. 33]). Формально миниатюры Яновича

наиболее близки к русским стихотворениям в прозе, что подчеркивал и сам писатель [13. С. 136], это сходство отмечал также А. Макмиллин [14. С. 33]. Необходимо отметить, что в польской литературе жанр стихотворений в прозе развития не получил. Подобный факт существования иного в монациональной Польше исключительно демонстративен. Заявленная как в названиях книг, так и в содержании конкретных миниатюр, оппозиция города и деревни оказывается гораздо шире, что подчеркивается инверсией традиционного восприятия противопоставления города и деревни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Hadaczek B.* Historia literatury kresowej. Krakow, 2011.
2. *Кісялёва Л.* Маргіналіі: беларуская гумарыстычная літаратура XIX – пачатку XX ст. у святле сучасных літаратуразнаўчых канцэпцый. Мінск, 2007.
3. *Яновіч С.* Загоны. Беласток, 1969.
4. *Janowicz S.* Wielkie miasto Białystok. Warszawa, 1973.
5. *Яновіч С.* Доўгая смерць Крынак. Беласток; Бельск, 1993.
6. *Чыквін Я.* Далёкія і блізкія. Беласток, 1997.
7. *Васючэнка П.* Абрысы мастацкага свету Сакрата Яновіча (Хранатоп, іронія, сімвал) // Тэрмапілы. 2003. № 7.
8. *Jedlicki J.* Proces przeciwko miastu// Teksty Drugie: teoria literatury, krytyka, interpretacja. 1991. № 5 (11).
9. *Сінькова Л. Д.* Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI стст.: гісторыя, кампаратывістыка і крытыка (літ.-крыт. артыкулы, гутаркі). Мінск, 2013.
10. *Zawadzka D.* Wynajdywanie tradycji. O prozie historycznej Sokrata Janowicza// Sokrat Janowicz. Pisarz transgraniczny. Studia. Wspomnienia. Materiały. Białystok, 2014.
11. *Розенфельд У. Шелбанина Г.* Структура и уровни национальной самоидентификации// Шлях да узаемнасці. Матэрыялы X Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Гродна – Мір, 24–25 кастрычшка 2002 г.). В. 2-х ч. Гродно, 2004. Ч. 2.
12. *Адельгейм И. Е.* Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М., 2018.
13. *Supra W.* Sokrat Janowicz – pisarz polsko-białoruskiego pogranicza// Acta Polono-Ruthenica. 1996. № 1.
14. *Макмиллин А.* Стихотворения в прозе Сократа Яновича 60-х годов: текст и контекст// 3 крыніц. Зборнік артыкулаў (матэрыялы з канферэнцыі прысвечанай творчасці Сакрата Яновіча, Беласток, 8 чэрвеня 1996 года). Беласток, 1996.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ К СЛАВЯНСКИМ СООБЩЕСТВАМ В АРГЕНТИНУ И ПАРАГВАЙ

© 2020 г. Г.П. Пилипенко

*Канд. филол. наук., старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН*

glebpilipenko@mail.ru

В статье представлены первые результаты экспедиции к славянским сообществам в Аргентину и Парагвай, проводившейся в октябре 2019 г. Были записаны интервью с информантами на украинском, польском и белорусском языках, пополнен цифровой архив записей, сделанных ранее в данном регионе. Также проводилась работа с личными архивами информантов. В конце статьи публикуются три текста в фонетической транскрипции на этнографическую и социолингвистическую тематику.

The paper discusses first results of the field research among Slavic communities in Argentina and Paraguay, carried out in October 2019. Interviews with informants were made in Ukrainian, Polish and Belarusian, and the digital archive of previous recordings from this region was updated. The work with personal archives of informants was also done. At the end of the paper three texts on ethnographic and sociolinguistic topics are published in phonetic transcription.

Ключевые слова: полевое исследование, славянские языки, переселенцы, украинский язык, польский язык, белорусский язык, испанский язык, билингвизм, диалект, Аргентина, Парагвай.

Keywords: field research, Slavic languages, migrants, Ukrainian language, Polish language, Belarusian language, Spanish language, bilingualism, dialect, Argentina, Paraguay.

DOI: 10.31857/S0869544X0011098-0

С 8 октября по 1 ноября 2019 г. проводилось полевое исследование среди потомков славян — носителей украинского, польского и белорусского языков, проживающих в северо-восточной аргентинской провинции Мисьонес, а также в соседнем департаменте Итапуа в Парагвае. Речь идет о третьем экспедиционном сезоне в данном южноамериканском регионе, первые два прошли в 2015 и 2017 гг. (см. подробнее [1–4]). Полевая работа следует устоявшейся традиции: каждый раз исследование начинается с уже обследованной ранее местности, а затем география экспедиции расширяется. Так, в этом сезоне было продолжено движение на север провинции Мисьонес к департаменту Ванда. Из-за большой территории изучаемого региона было выбрано три

опорных пункта для облегчения мобильности и большего охвата информантов — Посадас, Обера и Ванда.

Хронологически работа проводилась в следующем порядке. На первом этапе в столице провинции Мисьонес в городе Посадас (Posadas) были записаны интервью с украинцами — с потомками двух волн переселенцев из Галиции (конца XIX — начала XX в. и межвоенного периода), прихожанами греко-католической церкви, а также с потомками двух волн переселенцев поляков (конец XIX — начало XX в. и межвоенный период) (также в местечке Гарупá (Gaurá), пригороде Посадаса). Затем исследование было продолжено в городе Энкарнасьон (Encarnación) и в поселении Капитан-Миранда (Capitán Miranda) в соседнем Парагвае. Парагвай отличается от соседней Аргентины тем, что мигранты-славяне поселяются здесь только в межвоенный период. Были записаны интервью с потомками выходцев из современной Брестской области Белоруссии, носителями западнopolесского диалекта украинского языка, с потомками выходцев с Волыни на Украине (все прихожане Русской православной церкви за границей (РПЦЗ (Ар)¹), с галичанами (греко-католики), а также с поляками из Белоруссии (территория современной Гродненской области Белоруссии). В Капитан-Миранде удалось также побывать на ежегодном 15-м по счету украинском фестивале «Kolomeika» (12 октября 2019 г.), где можно было также пообщаться как с парагвайскими украинцами, так и с родственными диаспорами из соседних с Парагваем аргентинских провинций, попробовать блюда местной кухни (представляющей собой смесь парагвайских и украинских кулинарных традиций, например, маниока с голубцами). Кульминацией праздника стал выбор «королевы» сообщества, а также лотерея. Кроме того, в Капитан-Миранде довелось общаться с потомками русских мигрантов, оказавшихся в Парагвае после революции 1917 г. (о присутствии некогда многочисленной русской диаспоры свидетельствуют надписи на надгробиях на местном кладбище).

Второй этап экспедиции был связан с городом Обера́ (Oberá), который расположен на северо-восток от Посадаса, центром межвоенных переселенцев². В городе была продолжена работа с носителями украинских южноволынских диалектов, выходцами с территории исторической Волыни, прихожанами Русской православной церкви и с баптистами. Кроме того, были записаны беседы на украинском языке с потомками мигрантов из Подлясья (например, д. Курашево (польск. Kuraszewo), территория современной Польши). Поскольку Обера является «столицей мигрантов», в городе более сорока национальных сообществ, в ходе работы удалось пообщаться с представителями японской, арабской (сирийской) и немецкой диаспор. Кроме того, проводилась работа в соседней с Обера колонии Гуарани (Guaraní), в городе Леандро-Алем (Leandro N. Alem), благодаря помощи священника РПЦ о. Бартоломе Овьедо. В колонии Гуарани также было записано интервью с польской семьей, потомками переселенцев из соседней Бразилии. Находясь в Обера, удалось посетить также южную часть провинции Мисьонес, где работа уже велась в 2015 году: речь идет о местечках Трес-Капонес (Tres Capones) с самой старой в регионе русской православной церковью Покрова и Консепсьон-де-ла-Сьерра (Concepción de la Sierra). В результате было записано интервью с самым

¹ Сан-Паульская и Южноамериканская епархия относится к РПЦЗ (Ар), которая откололась от РПЦЗ в 2007 г..

² За помощь в проведении экспедиции автор выражает сердечную благодарность Зеноне Забчук (Zenona Zabczuk), почетному консулу Российской Федерации в г. Обера (Мисьонес, Аргентина).

пожилым информантом экспедиции 95-летним потомком (Б.Л.) одних из первых мигрантов — украинцев из Галиции, являющихся прихожанами церкви Покрова. Сам Б. Л. долгое время был старостой церкви, от него записаны истории о ее строительстве, о колоколе, деньги на который передал император Николай II, а также о чудесах, происходивших в церкви, кроме того, Б.Л. подробно рассказал о местном обряде, связанном с Крещением.

Третьим этапом экспедиции было посещение городка Ванда, расположенного в двух километрах от реки Парана. Колония Ванда основана в тридцатых годах XX в. и является местом компактного расселения польской диаспоры. Там работа проходила с поляками, как потомками переселенцев из соседней Бразилии, более ранней по времени миграции, так и с потомками тех, кто приехал в конце тридцатых годов. О польском характере местности свидетельствует также само название Ванда (официальное испанское название — Wanda). В Ванде в отличие от других обследованных мест действует школа польского языка, где работает учитель, направляемый из Польши. Большинство поляков являются выходцами из юго-восточной Польши. Кроме того, удалось посетить службу православной общины Ванды (РПЦ), которая из-за отсутствия храма совершается в доме одного из прихожан. Было также записано интервью с собеседницей, носительницей поднестровского диалекта украинского языка в Ванде, чьи предки — мигранты второй волны переселения — родом из Галиции. Для общения с информантами были осуществлены выезды в соседние с Вандой небольшие поселения: Пуэрто-Эсперанса (Puerto Esperanza) и колония Лануссе (Lanusse). В Лануссе, расположенном среди густой сельвы в 30 км от Ванды, когда-то также существовала община русской православной церкви. Там посчастливилось записать интервью на белорусском языке с информантом, чьи родители прибыли в Аргентину из тогдашней Польши из-под Слонима (территория юго-западного диалекта белорусского языка). Кроме того, довелось разговаривать с этим собеседником и на польском³, который в той местности больше распространен (см. текст (3)). В Лануссе также было обследовано кладбище, однако, к сожалению, ни одной таблички с надписями на славянских языках не сохранилось. За все время экспедиции было записано около пятидесяти часов аудио- и видеоматериала с тридцатью восемью информантами на украинском, польском, белорусском и испанском языках. Таким образом, в архиве записей из данного региона имеется уже более 150 часов звучащей речи на указанных языках.

Как и в предыдущих экспедиционных сезонах, основной целью являлась фиксация речи информантов на славянских языках, запись нарративов, содержащих основные фонетические, морфологические и синтаксические черты системы, присущей тому или иному переселенческому говору. К темам по традиционной материальной (сельское хозяйство⁴, строительство, традиционные ремесла) и духовной культуре (календарная, семейная обрядность) были добавлены в этот раз нарративы о природе и природных явлениях. Информанты рассказывали о тукане, печнике (исп. *hornero*), колибри, муравьях, пчелах и диких животных сельвы (чаще всего о пуме) — об их повадках, а также о поверьях, связанных с ними. В Ванде записаны истории о расположенных недалеко от города

³ По нашим наблюдениям, для белорусов с белорусским родным языком характерно большее число идиомов в их языковом репертуаре, чем для других информантов. Так, в Парагвае среди белорусов широко распространен также украинский язык.

⁴ Особый тип нарративов — о чае мате и черном чае, главном сельскохозяйственном продукте провинции Мисьонес (выращивание, сбор, приготовление).

каскадах водопадов Игуасу на границе Аргентины и Бразилии (исп. *Cataratas del Iguazú*, порт. *Cataratas do Iguazu*), а также о шахте полудрагоценных камней вблизи реки Парана недалеко от Ванды. Повсеместно распространены истории о блуждающих огоньках (или столпе огня), сами информанты связывают эти легенды с племенами индейцев-гуарани. Считается, что эти огни можно увидеть в тех местах, где зарыт клад. Обычно этот клад ассоциируется с реальными историческими событиями: с бегством индейцев и иезуитов, которые прятали свои сокровища, чтобы они не попали в руки грабителей, когда иезуитские миссии были изгнаны из данного региона (ср. исп. *Misiones*, порт. *Missões* — название области в Аргентине, Парагвае и Бразилии)⁵. По рассказам информантов, свет от блуждающего огня может свести человека с ума. От собеседников — украинцев и поляков — были записаны истории, когда кто-то из их знакомых пытался найти затерянные драгоценности, и они копали землю в тех местах, где видели это явление. (см. тексты (1), (2)). Кроме того, были записаны нарративы о народной медицине, а также о целителях (исп. *curanderos*) и порче, которую наводят индейцы (*payé*) (см. подробнее [5]). Удалось поговорить с информантами о мифологических персонажах, вера в которых распространена по всему изучаемому региону, о них фиксировались рассказы в прошлых экспедициях [3. С. 294–295], — речь идет о *yacy uateré*, *pombero*, *lobizón*. Данные легенды и рассказы свидетельствуют о взаимовлиянии культур, восприятию славянами, потомками мигрантов, этих рассказов как признаков региональной идентичности. Дополнительную ценность записанному материалу придает то, что они впервые фиксируются на славянских диалектах.

Что касается сохранности славянского диалектного ландшафта в крае, то приходится констатировать, что за редким исключением молодое поколение не владеет языками своих предков. Даже в семьях, где оба родителя говорят по-украински или по-польски, нередко случаи, когда дети говорят только по-испански (в лучшем случае — имеют пассивное знание этих языков). Во многих населенных пунктах провинции Мисьонес, в особенности расположенных близко к бразильской границе, распространено пассивное знание португальского языка, а также так называемого портуньола⁶ (см. подробнее [6]). Примером может служить слово *pusherón* (в языке информантов *puš('e'ron)*, использующееся в португальской огласовке и повсеместно употребляемое даже информантами-славянами для обозначения совместной работы членов сельской общины (славянские названия оказались вытеснены) (порт. *puch*[j]eiro (ср. исп. *puch*[tj]ero) — традиционное блюдо, густой наваристый суп; горшок; по обычаю после работы все собирались и ели это блюдо), а также португальская топонимика в провинции (например, название деревни, в которой проходило исследование — *Tres Capones* от порт. браз. *capões* — холм, поросший деревьями). Информанты связывают влияние португальского языка с тем, что Бразилия находится всего в нескольких километрах, а раньше они могли принимать только бразильские телевизионные каналы (даже в глубине провинции Мисьонес, например в Ванде), которые пользовались популярностью. И сейчас многие отдают предпочтение бразильскому телевидению. В Парагвае (а также отчасти в Аргентине) среди славян наряду с испанским языком распространен

⁵ Миссии существовали в XVII–XVIII вв. и являлись сообществом индейцев-гуарани, которые стали осевшими племенами, и монахов-иезуитов. К концу XVIII в. в результате войны с гуарани миссии пришли в упадок и были заброшены. От иезуитских миссий сегодня сохранились руины, которые являются важным туристическим объектом в этих странах (например руины Сан-Игнасио).

⁶ Смешанный язык из португальских и испанских элементов, бытующий на границе Бразилии с испаноязычными странами, в особенности на границе с Уругваем, Аргентиной и Парагваем.

язык гуарани, также являющийся официальным в стране. Собеседники признавались, что этот язык им необходим для общения с местным индейским населением, в частности — с рабочими, которые нанимаются на плантации.

В экспедиции 2019 г. была возможность работать с личными архивами информантов (на что было получено их разрешение), содержащими в основном фотографии и документы, которые свидетельствуют о переселении в Аргентину или Парагвай. Так, из личного архива почетного консула Российской Федерации в г. Обера Зеноны Забчук были получены документы о деятельности русско-белорусской общины⁷, истории ее формирования в конце 80-х годов XX в., а также материалы о членах сообщества (см. подробнее [7]). Однако один документ выделяется как объемом, так и своей значимостью для экспедиционных целей. Речь идет о дневнике переселенца из исторической области Волынь (проживавшего, по семейным данным, в тридцати километрах от Почаева, север современной Тернопольской области Украины), переехавшего в Мисьонес в 1938 г. в окрестности города Обера из тогдашней Польши, Иване Вознюке (Juán Wozniuk) (1906 г.р.), православном, строителе по профессии, имеющем два класса образования. Дневник был обнаружен случайно на чердаке дома уже после его смерти в испорченном состоянии (из-за попадания воды и сырости пропала часть документа, а сохранившиеся листы частично испорчены). Сын И. Вознюка Николас (Мыкола) Вознюк (Nicolás Wozniuk) (1941 г.р.) предоставил в наше распоряжение этот ценный документ, а также семейные фотографии и фотографии отца, за что автор выражает огромную благодарность. Своеобразие дневника состоит в том, что он написан на украинском языке, точнее — на южноволынском диалекте⁸, родном говоре автора (в авторской кириллице присутствуют буквы *i, ĭ, ě, ѿ* (наряду с *ѣ*) и отсутствуют такие буквы украинского алфавита, как *є, ґ*). Всего сохранилось 218 страниц, общий объем оцифрованного текста составляет 4 а.л. Учитывая то, что большинство мигрантов, прибывавших в Аргентину, были неграмотными, а также то, что он написан на диалекте, все это делает найденный документ уникальным и весьма ценным лингвистическим материалом, ведь он отражает речь переселенцев и постепенное проникновение заимствований из испанского языка, которые на сегодняшний момент в речи информантов уже стали нормой. Даже если некоторые из мигрантов и могли писать, то они не были заинтересованы этим заниматься. А если и были какие-то записи, то жанр дневника очень редко можно встретить. Кроме того, этот дневник — важный документ эпохи, в нем описаны события день за днем с указанием даты, дня недели и даже времени суток. Из сохранившихся и попавших в наше распоряжение листов узнаем, что описаны события с 1970 по 1980 г. (лучше представлены события первой половины 70-х гг.). Детально описана жизнь колонистов на чакре, сельскохозяйственные работы, ежедневные дела семьи автора, их соседей. А жизнь семьи происходит на фоне драматических событий в истории Аргентины 1970-х годов: авторитарные режимы, экономические и политические кризисы, забастовки и т.д., что также нашло отражение в дневнике. Уделяется большое внимание аргентинским праздникам, обычаям, есть также сведения

⁷ Членами общины в советское время были переселенцы межвоенного периода с территории Западной Украины и Западной Белоруссии, украинцы и белорусы (местное население называет их «поляками» (исп. *polacos*), поскольку приехали они в то время из Польши и имели польские паспорта). У многих было и советское гражданство. С распадом СССР община изменила название на русско-белорусское, однако многие его члены являются также и украинцами.

⁸ Отличающегося, в частности, такими особенностями как произношение *y* на месте безударного *e*, отвердение *r*, наличие протетического *ʎ*, образованием причастий типа *z'robl'anyj*.

о традиционной народной культуре Волыни, народные песни. Описаны события на семейной чакре, расположенной между Обера и Кампо-Виера, а также в Обера, Кампо-Виере, Посадасе, Буэнос-Айресе. Удалось записать интервью и с доном Николасом Вознюком, что весьма важно и полезно в контексте этой находки, поскольку позволяет нам сравнить лингвистические особенности островного украинского диалекта в одной семье с полувековой дистанцией. Кроме того, можно сопоставить устные и письменные формы изучаемого диалекта, сравнить степень проницаемости славянских языков для испанских лексических элементов (которые заимствуются за редким исключением из той формы испанского языка Аргентины, которая распространена в провинции Мисьонес, на что указывает в первую очередь такой фонетический признак, как характер звука, передающегося на письме при помощи *ll*). Обнаруженный дневник — прекрасный образец так называемого наивного письма (подробнее см. [8]) в том регионе, позволяющий узнать многое как о языке первых переселенцев, так и об их жизни, внутреннем и окружающем мире.

В завершение будут приведены образцы текстов, записанные от украинцев, поляков и от информанта белоруса в фонетической транскрипции. Отрывки снабжены отсылками в случае, если лексема является заимствованной из испанского языка, а также переводом на русский язык.

Все обследованные говоры являются языковым островом среди доминирующего испанского окружения и имеют тенденцию к ослаблению своей витальности, поскольку старшее поколение уходит. Собранные записи, аудио- и видеозаписи, архивные материалы позволяют сохранить ценные и уникальные для славистики примеры славянско-романского языкового контактирования. Первые два текста — на этнографическую тематику: в (1) информанты рассказывают о закопанном индейцами золоте и появляющихся огнях по-украински (южноволынский диалект), в (2) также представлен рассказ о золоте, но уже на польском языке (малопольский диалект, предки собеседницы из окрестностей Люблина). В (3) информант говорит на белорусском языке о своей языковой биографии, о том, какими языками он владеет (юго-западный диалект, родители информанта из окрестностей Слонима). В текстах имеются случаи переключения кодов⁹.

(1) K.K. A to d'ruye, to de je ta'k'iji, 'r'ička, 'same ka'm'in'a.

A. K. Ob'ry'vy'e, ta'kyje šo to, čy 'duže ve'lyk'e sta're sta're 'deryvo, šu xu'valy 'zoluto zasy'paly.

K. K. **Indios**¹⁰.

A. K. SÍ¹¹, pyd 'deryvom, i je šo, to vo'no bu'lo. 'Ale ne ščo'večera! To bu'ly tak, čy 'posl'a duš'ču, čy 'ran'čyj duš'ču, to ta'k'yj o'yon' 'sy'n'ij v'i'so-o-ok'in'k'ij ta'kyj, γolu'by'j u'yon', b'ly'kaw. E, to tak bu'lo vo'no. To te ka'zaly. Ud'na, 'naša- 'jixn'ij su's'it i 'naš'i, tut jak ska'zaty **um'bu**¹²? Ta'ke 'deryvo vo'no ne pot'r'ibne ne na ščo, na xulu'dok. A vu'no da'je ta'k'i v'it'k'i, to jak vyno'rat, i vu'no 'padalo, to ptaš''k'i ji

⁹ Случаи перехода на испанский язык выделены жирным шрифтом, на польский язык в (3) — курсивом. Неадаптированные слова из испанского языка приводятся в оригинальной орфографии.

¹⁰ Индейцы (Исп.)

¹¹ Здесь и далее — да (исп.)

¹² Лаконос двудомный, омбú (лат. *Phytolacca dioica*) (исп. *ombú*, *bellasombra* — досл. красивая тень) — вечнозеленое дерево, произрастает, в частности, в провинции Мисьонес.

'jily, vu'no su'lotke. I py'e tym, e, 'kul'a 'teje, pyt 'teju p'l'antuju v'in 'vykupav, e, tuju γ'ladyš'ku 'zoluta.

K.K. 'Ale to ne 'kužnumu pu'kažyc'a toj u'yon'. Ni 'kužnomu. Ko'mu naz'načane, sí! Vy 'možyte ij'ty i dy'vytys'a fse i n'iču'γo ne naj'dete, a ko'mu naz'načano, sí!

G.P. A xto jo'γo 'bačyv toj vo'yon'?

K.K. A ti 'naš'i su's'idy p'iš'ly ku'paty, e, s 'tymovo, **cómo es? Pala, cómo es**¹³?

A. K. Γu'rodnykamy!

K. K. Γu'rodnykom, 'k'irka, i 'vy'e'kupaly'e.

A. K. Πα'dyš'ku ta'ku.

K. K. Vo'ny **čak'r'i**¹⁴, **čak'ri** pukup'l'aly, sí!

A. K. Bu'ly 'b'idnyje, vam jak ska'zaty 'b'idny a 'sy'en'i, ta'k'i 'b'idny'e, i v'in 'paru den' pu'd'iws'a. toj 'd'at'ko, 'tyko-no ta 'jama zus'talas'a. A jak ver'nuws'a, ku'pyw čak'r'i naj'luč'i i šo bu'ly, z' jid'noγo dn'a na d'ruγyγ. I pu'čaw ruš'ty, 'd'at'ko. I svu'ja **kam'jona**¹⁵ i trak'tora, i i, pru'daw te- 'ale de v'in pu'd'iws'a, ku'dy v'in te 'zoluto-o-o.

K.K. 'Ale vu'ny zus'talys' ne'dobre na 'γolovu.

A. K. Ws'i 'd'ity i bat'k'y 'b'idneji. Šos' jim.

K. K. **Por'ke**¹⁶ vu'ny p'iš'ly 'pos'l'a jak uže dus'taly toj, te 'zoluto, i vže-e, fse zru'byly jak p'iš'ly, to jim puka'zalos'a i γa'd'uk'y i t'iyry i šo na s''v'it'i je! I 'kažut' šu 'čeres te vu'ny pul'a'kalsy' i ta'k'i 'b'idny. Ja ny 'xoču 'zoluta, i ny 'xoču vu'dy ta'koj.

A.K. I ba'γactwa. Jak 'budu 'b'idnyj i um'ru 'b'idnyj [cmex], **'pero**¹⁷ tag, ta jak vu'ny, tu'p'iro šo 'majut ba'γato 'ale 'b'idnyji.

G. P. Xto sxo'vav?

K.K. 'Kažut' šu 'indiji.

A. K. Ind'i'jany! Jak ut'i'kaly.

K. K. Tak 'kul'a 'našuji 'čakry de my'e 'vy'e'rusly'e, to tam bu'lo ba'γac'ko **'ind'iv**. 'Mama ka'zaly, 'ale ka'zaly šu vu'ny 'do-o-o-obr'in'k'i bu'ly **por'ke**, to 'sami l'is u's'udy. I šly tu'doju 'kul'a 'mamy'e. I 'mama γuvu'ryly z 'nymy! Jak vu'ny γuvu'ryly ny z'naju! 'Mama pu 'rusk'i a 'tyji 'pevne pu-u ny z'naju pu ja'k'ij **id'jom'i**, jak vu'ny pun'i'maly, **'pero**¹⁸, 'kažut' šu 'duže 'do-obr'in'k'i!

A.K. A 'pos'l'a vu'ny jak zaby'alys'a 'pevne vu'ny 'maly ba'γato 'zoluta, 'dumaly ku'lys' ver'nutys' to vu'ny dy'vylyz' 'deryvo ta'ke ja'kes'. I tu 'xuvaly py'e tim 'dervom, ko'lys' ver'nutys', to 'dumaly, zaby'e'raty ju'γo te 'zoluto, 'ale de vo'ny te 'zoluto b'rally, 'tyko Бoγ z'naje, bo my ny z'najimo.

K.K. А это другое, это, где есть речка, одни камни.

А. К. Обрывы такие или очень большое старое дерево, что прятали золото и засыпали.

¹³ Как это? Лопата, как это? (исп.)

¹⁴ Чакра, ферма (исп.)

¹⁵ Грузовик (исп.)

¹⁶ Здесь и далее — потому что (исп.)

¹⁷ Язык (исп.)

¹⁸ Здесь и далее — но (исп.)

К. К. Индейцы.

А. К. Да, под деревом. И это было. Но не каждый вечер! Это было или после дождя, или перед дождем. Такой огонь синий, такой высокий, голубой огонь светился. Так это было. Это говорили, их сосед и наши, тут, как сказать омбú? Такое дерево, оно ни на что не годное, только дает тень. И у него такие ветки, как у виноградики, и оно опадало и птички ели, они сладкие. И под этим растением он выкопал горшок золота.

К. К. Но это не каждому покажется этот огонь. Не каждому, кому суждено, да! Вы можете идти и смотреть и ничего не найдете, а кому суждено — да!

Г.П¹⁹. А кто видел этот огонь?

К. К. Те наши соседи пошли копать, этим, как это? *Pala*, как это?

А. К. Лопатами!

К. К. Лопатой, кирка. И выкопали.

А. К. Горшок такой.

А. К. Они чакры понакупили, да!

А. К. Они были бедные, как Вам сказать, бедные аж синие. И он на пару дней пропал. Тот дядька, только яма осталась. А как вернулся, купил чакры самые хорошие, какие были. С одного дня на другой. И начал развиваться. Дядька. И свой грузовик, и трактор, продал- но куда он пропал, куда он то золото?

К. К. Но они остались, плохо стало с головой.

А. К. Все дети и родители бедные, что-то им.

К. К. Потому что они пошли после, как уже достали это золото, и уже все сделали, как пошли, и им показались и змеи, и тигры, и чего только на свете нет! И говорят, что из-за этого они перепугались и такие бедные. Я не хочу золота, и не хочу воды такой.

А.К. И богатства. Если я бедный, то и умру бедный [смех], но так, как они, теперь у них есть много, но они бедные.

Г.П. А кто спрятал?

К. К. Говорят, что индейцы.

А. К. Индейцы, когда убегали.

К. К. Возле нашей чакры, где мы выросли, было много индейцев. Мама рассказывала, но говорила, что они добренькие были, потому что там только одни леса везде. И они проходили возле мамы. И мама говорила с ними! Как она говорила, я не знаю! Мама по-русски, а те, наверное, не знаю на каком языке, как она понимала/они понимали, но говорила, что очень добренькие!

А.К. А после они, как отступали, наверное, у них было много золота, они думали когда-то вернуться, и они высматривали какое-то дерево. И тут под этим деревом прятали, они думали когда-то вернуться, забрать это золото. Но где они это золото брали, только Бог знает, так как мы не знаем (А.К., К.К. 80 лет, Леандро-Алем, Аргентина).

¹⁹ Исследователь.

(2) **Sí**, n'e ras tak viž'el'i cy og'in' š'i pal'i, pošl'i tam to ne bylo. Al'i tam, e, jest zakupany coš' jak'ež' złoto albo co. To jest jak byl'i **xesuity**²⁰ to muv'i, to zakupuval'i to. I te złoto, ot tego og'in' był, na v'is vyxož'i. I duzo tutaj wykupal'i to złoto al'i. Muj ojč'ec v'iz'ał ras. **Sí**, al'i. I un zašfy opuv'adu, tutaj jest złoto, zafse bylo. Tša to kopač'. **Sí**, jak to znajž'iš to troxa głu'p'i cov'ek š'i zustan'i. Tak, muj ojč'ec v'iz'aw pary razy og'in', tak. I tam poset zubačyč' bl'isko i n'i bylo. Tag z daleka v'idac og'in'. V duzo m'ejscax jest, luž'i pošl'i kopač', jest i kupal'i, al'i, cy znašl'i cy n'e, n'e v'adomo. Jak xto znajž'i złoto tu dustav'ja zafse, e, tym co kop'i, grace albo spadel', zafse dustav'ja, i b'ezy złoto i iž'i. Muj ojč'ec v'iz'aw i brat tak samo n'e raz v'iz'el'i. **Sí**, na ž'ałce, **ś!** Zakupal'i jak Brazylja e, **invadió, o sea**²¹, za-a- jak to š'i muv'i po polsku? n'e v'im.

И не раз так видели, огонь горит, шли туда и не было. Но там закопано какое-то золото или что-то. Были такие иезуиты, это они закопали. И это золото, и от него огонь был, выходил на поверхность. И много выкапывали это золото. Мой отец видел раз, да. И он всегда рассказывал, что здесь золото, всегда было. Нужно копать. Да, когда его найдешь, то человек становится сумасшедшим. Мой отец видел пару раз, да. И пошел туда, чтобы увидеть вблизи, и не было огня. Там издали виден огонь. Во многих местах он, и люди копали, но нашли или нет — неизвестно. Если кто найдет золото, то всегда оставляли там то, чем копали, лопату. Берет золото и идет. Мой отец и брат видели не один раз. Да, на чакре. А закопали это (индейцы) когда Бразилия напала, как это сказать по-польски? Не знаю. (Т.Е., 70 лет, Ванда, Аргентина).

(3) **Sí**, ja xa'z'iw da š'koly, šes'c' s'em k'il'a'metry z 'yetul' da š'koly 'tama ze by'lo **centro**²², n'e by'lo-o, by'la š'kola i t'reba by'lo xa'z'ic, n'e m'el'i n'i ka'n'a n'e 'm'el'i n'i 'rovara n'i 'm'el'i n'ic. T'reba by'lo i'c'i na 'p'ešo, až da š'koly, až da 'šostayo-o **g'radu**²³. Jak 'pos'l'ej 'tato n'e xa'c'el kab ja-a pa'jexaw wu'čyca, bo ja syn, a'ž'in syn i m'ew try s'ast'ry. I u'že ž'v'e pa'm'eryl'i, a jaš'če ad'na žy'je- žy'v'e u Buj'nes'i. **Y bueno**²⁴ i 'tato n'e xa'c'el kab ja i'šow wu'čyca 'dalej bo-o jon by zas'taws'a tut sam, i što jon 'buže ra'b'ic' tut sam? To n'i pus'c'iv m'e'n'e u'čyca... Pa b'ela'rusk'i, 'tato i 'mama z 'nam'i pa b'ela'rusk'i. Ja'ny by'l'i, e, b'ela'rusy, a'l'e jak pry'jexaw s'u'dy 'tato to 'pašpart m'ew 'pol'sk'i, bo by'lo zaj'n'ato, 'Pol'ska zajn'a'la B'ela'rus! ... jak xa'z'il'i da š'koly, ta ws'e ya'varyl'i. By'l'i pa'l'ak'i tak jak 'Kaž'ik, e, jon pa'xož'i s 'pol'sk'ix, pal'a'k'i. Dru'gi tam su's'et, Dumb'rosk'i tež byw pa'l'ak, Kšy'nuvek pa'l'ak teš. I by'l'i pal'a'k'i i my šl'i da š'koly i a'ž'in ya'voryc' pa b'ela'rusk'i, dru'gyy ya'voryc' pa iš'pansk'i, t'rec'ij pa 'pol'sk'i i nau'čyl'is'a tak. *'Može n'e rozma'v'amy 'dobže 'ale t'roxa 'možna roz'mav'ač'* [смех]. A ja nau'čyws'a pa'm'iš x'lopcaw tak, pa'm'iš ta'varyšy. A'l'e ja 'celo 'žyc'o ya'varyl'w s 'tatoju z 'mamoju pa b'ela'rusk'i. C'e'p'er 'c'aška bo u'že m'noyo l'et 'tato u'm'or u 'sorak p'ac' l'et a 'mama um'er'la p'et'nacad l'et, ma'ja 'žonka n'i ya'varyl'a pa, n'i pa 'pol'sk'i, n'i pa b'ela'rusk'i. Ma'e 'žec'i, 'bol'šyje pan'i'majuc' p-a-a-a b'ela'rusk'i pa 'pol'sk'i, a 'etyje 'm'en'šyje n'ic n'i z'najuc', n'ic! Ty ya'voryš z 'ym'i i n'i z'naje n'ic! No pa iš'pansku z'najuc'... My n'e u'm'el'i ya'varyl'w pa yiš'pansk'i, pašl'i da š'koly ja m'ew s'em l'et.

²⁰ Иезуиты (исп.)

²¹ Завоевал, или (исп.)

²² Центр (исп.)

²³ Класс (исп.)

²⁴ И хорошо (исп.)

I ad'na naučy'č'el'ka, pan'i'mala pa 'pol'sk'i pa 'rusk'i. I u'čyla nas pa γ'iš'pansk'i, e, ka'zala s'lovo pa 'pol'sk'i, e, a 'pos''l'ej dl'a nas ka'zala jak pa iš'pansk'i, to nau'čyl'is'a w škol'i, n'e'v 'domu! N'i z'nal'i n'i ad'noγo s'lova pa iš'pansk'i. By'la naučy'č'el'ka Ja'vorsk'i, naz''v'isko. I, 'kur'ica, ja z'naju 'kur'ica, 'kura po 'polsk'i, no, n'i 'kur'ica n'i 'kura, gallina²⁵. P'es, a pa 'rusk'i sa'baka, no, **no es**²⁶ n'i p'es n'i sa'baka, **es perro**²⁷. **Y bueno, y así aprendimos! En la escuela**²⁸. Z za 'etym u'm'eju γava'ryc' i pa b'ela'rusk'i i pa 'polsk'i i pa iš'pansk'i i pa brazy'l'ijsku vu'm'eju γava'ryc', t'roxa pa **guaraní**, pa-a, tak jak indi'jany γa'vorac' f Parag'waju, **sí!** ... Ra'botn'ik'i, bo ja 'zafše m'ew ra'botn'ik'i, z'b'irac'' tunk²⁹, 'val'ic'' les, i m'noγo s Parag'waju pry'xoγ'il'i n'i u'm'el'i γava'ryc'' pa iš'pansk'i, pa **guaraní!** I s'luxav i pan'i'maju, p'ij's'at na sto pan'i'maju... wže m'e'n'e n'e 'moγuc', ašu'kac' [смех].

Да, я ходил в школу, шесть-семь километров отсюда до школы, там, где был центр. Была школа и нужно было ходить. И не было ни коня, ни велосипеда, не было ничего. Нужно было идти пешком аж до школы, до шестого класса. А потом папа не хотел, чтобы я поехал учиться, потому что я один сын, и было еще три сестры. И уже две умерли, а еще одна живет в Буэнос-Айресе. И папа не хотел, чтобы я шел учиться дальше, потому что он остался бы здесь один. А что он будет делать тут один? И не пустил меня учиться... По-белорусски, папа и мама с нами по-белорусски [говорили]. Они были белорусами, но когда приехали сюда, то у него был польский паспорт, потому что было занято, Польша заняла Белоруссию!... Как ходили в школу, то все говорили. Были поляки, как Казик, он из поляков. Второй сосед там, Домбровский, тоже был поляк, Кшинувек поляк тоже. И были поляки, и мы шли в школу, и один говорит по-белорусски, второй говорит по-испански, третий по-польски и научились так. *Может не разговариваем хорошо, но немного можно разговаривать* (пол.) [смех]. Я научился [говорить по-польски] среди ребят, среди товарищей. Но я всю жизнь с папой и мамой по-белорусски. Теперь тяжело, так как уже много лет как папа умер. Сорок пять лет, а мама умерла пятнадцать лет назад. Моя жена не говорила ни по-польски, ни по-белорусски. Мои дети, старшие понимают по-белорусски и по-польски, а эти младшие ничего не знают, ничего! Ты говоришь с ними, и он не знает ничего! Только по-испански знают... Мы не умели говорить по-испански, пошли в школу, мне было семь лет. И одна учительница понимала по-польски и по-русски. И учила нас по-испански, говорила слово по-польски, а затем говорила, как по-испански, и выучили в школе, не дома! Не знали ни одного слова по-испански. Была учительница, фамилия ее Яворски. И курица, я знаю курица, *kura* по-польски, но ни курица, ни *kura*, а *gallina*. *Pies*, а по-русски собака, это ни *pies*, ни собака, это *perro*. И так мы выучили, в школе. И поэтому я умею говорить и по-белорусски, и по-польски и по-испански и по-бразильски умею говорить, немного на гуарани, так, как индейцы говорят в Парагвае, да!... Рабочие, так как у меня всегда были рабочие, собирать тунг, валить лес. Много из Парагвая приходили и не умели говорить по-испански, на гуарани! И я слушал, пятьдесят на сто я понимаю... уже меня не могут обмануть [смех]. (А.Ч., Лануссе, Аргентина).

²⁵ Курица (исп.)

²⁶ Это не (есть) (исп.)

²⁷ Это собака (исп.)

²⁸ И хорошо! И так мы выучили! В школе (исп.)

²⁹ Тунг (лат. Aleurites) – масляное дерево.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Pilipenko G. P.* The Ukrainian Language in Argentina and Paraguay as an Identity Marker // Slověne. 2018. № 1.
2. *Пилипенко Г. П.* Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // Славяноведение. 2018. № 3.
3. *Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2.
4. *Пилипенко Г. П.* Украинские тексты из аргентинской провинции Мисьонес // Исследования по славянской диалектологии. М., 2020 (в печати).
5. *Kujawska M.* Leczenie zamawianiem wśród Polaków z Misiones w Argentynie // Lud. 2008. T. 92.
6. *Lipski J. M.* Encontros fronteirços espanhol-português // Revista do Centro do Educação e Letras. 2011. V. 13. № 2.
7. *Zabczuk Z.* Colectividad Rusa Belarusa de Misiones. «30 años de historia». Oberá, 2018.
8. *Козлова Н., Сандомирская И.* «Наивное письмо» и производители нормы // Коллаж. М., 1997.

DOI: 10.31857/S0869544X0011099-1

А. ДУБЧЕК. Надежда умирает последней. М., 2019. Пер. со словацкого языка И.А. Богдановой. 352 с.

В 2019 г. издательством «Новый хронограф» опубликована впервые переведенная на русский язык книга об Александре Дубчеке «Надежда умирает последней», написанная на основании трех десятков интервью с чешским журналистом И. Гохманом. Интервью были даны, как отметил автор предисловия к книге Ю. В. Богданов, с апреля 1990 по август 1992 г. Таким образом книга воспринимается как воспоминания Дубчека о себе и своей жизни. Описываемые в ней события завершаются совместным выходом В. Гавела и Дубчека на балкон издательства Мелантрих на Вацлавской площади в Праге 26 декабря 1989 г., перед которым собрались граждане на митинг.

С этого момента и до смерти Дубчека в ноябре 1992 г. произошло еще немало событий, связанных, в первую очередь, с деятельностью возглавляемой им Социал-демократической партии в Словакии и председательством в Федеральном собрании пока еще единой Чехословакии, находившейся в стадии «бархатного» развода на Чешскую и Словацкую республики. По дороге в Прагу 1 сентября 1992 г. он попал в автокатастрофу, а 7 ноября скончался в госпитале, не приходя в сознание.

Александр Дубчек родился 27 ноября 1921 г., его родители вернулись из США, где они, будучи приверженцами идей социализма, устроились достаточно благополучно, в недавно родившуюся новую страну — Чехословакию. «Этот маленький деревенский домик, — читаем в книге, — в котором я родился, был, однако, весьма примечательным, так как сто лет назад он явился и местом рождения Людовита Штура» (с. 18).

Всю жизнь Дубчек был предан словацкому народу, который наконец-то освободился от «тысячелетнего венгерского ига» (с. 16), и привержен идеалам социализма (по примеру своего отца Штефана он в 17 лет вступил в ряды коммунистов). Его деятельность

можно сравнить с извилистыми железнодорожными путями в горах той же Словакии — с мостами над пропастями. Мемуары зримо демонстрируют эти повороты и даже движения в обратном направлении в описаниях его восхождения на политический Олимп и свержения с него. Воспоминания Дубчека привлекают внимание не только историков, но и специалистов самых различных областей знания, например, политологов, психологов, культурологов и т.д. Не обойдут вниманием книгу и более широкие круги пытливых читателей: она написана живым языком и наполнена мудрыми мыслями. И не случайно в памяти всплывают сказанные Гамлетом о своем отце слова: «Он человек был, человек во всем».

Естественно, на первый план в книге выходят 1967—1969 гг., но и вся представленная в ней жизнь Дубчека наполнена яркими событиями, иллюстрирующими несгибаемость его характера — особенно в отношениях с «родиной социализма», в которой он проживал в детстве и ранней юности (с 1925 по 1938 г.), в которой учился (с 1955 по 1958 г.) и которую неоднократно — волей и тяжелой неволей — посещал в качестве руководителя своей партии и страны.

Внешне Александр Степанович Дубчек, как его часто именовали в СССР, выглядел улыбчивым и беззаботным, но когда погружаешься в его яркие описания того, как ему приходилось перебегать поле под выстрелами немцев и получить ранение в 1944 г. (с. 77), или того, как он с риском для жизни подстрелил медведя, когда даже опытные лесники предупреждали его об опасностях преследования хитрого зверя, — как раз перед попыткой свержения с властных позиций А. Новотного (который держался за них медвежьей хваткой) (с. 141), или того, как он держал оборону после августа 1968 г, сдвая свои позиции с гордостью и честью (семь последних

интервью), то нельзя не признать, что это был волевой человек, сознательно участвовавший в исторических событиях. Открытость и даже в некоторой степени наивность, которые ему приписывались сверхискусственными собеседниками, к примеру, освоившимися у власти Я. Кадаром и В. Гомулкой (они проявляли в ходе Пражской весны ту осмотрительность, которая затем превратилась в поддержку вхождения войск ОВД в Чехословакию), отнюдь не была показной; она уживалась с жесткой волей и упорством в достижении поставленных целей.

Беседы с такого рода политиками, равно как и с Л. И. Брежневым, сравнительно недавно сдвинувшим с властных позиций Н. С. Хрущева (от себя замечу, что и Дубчек действовал по схожей матрице, участвуя в свержении Новотного), очень яркие и убедительны в создании психолого-политических портретов указанных и других лидеров. То же можно сказать и о характеристиках соратников и оппонентов в ЦК КПЧ во время его пребывания на посту первого секретаря партии (портреты упоминаемого их значительно-го числа очень интересны не только в идейном, но и психологическом планах). Книга в этом отношении — живой рассказ, показывающий, как люди делают историю.

Интересна траектория отношений А. Дубчека с Г. Гусаком, жизненный путь которого тоже в чем-то уподобляется движению по двум упомянутым железнодорожным путям: преданности словацкому делу и приверженности социализму. Гусак — фигура, наиболее часто упоминаемая в мемуарах. Приводятся новые детали его участия в Словацком национальном восстании (он сохранял элементы «недовольства отношением к словацким национальным интересам в домюнхенской Чехословакии» (с. 62), допуская, «к примеру, включение Словакии в состав Советского Союза» (с. 65)). Дубчек осуждал преследования Гусака в начале 1950-х годов (с. 86), выступал против преследований его Новотным (с. 120), а в 1963 г. начал добиваться его полной реабилитации (с. 122). При этом новый лидер коммунистов Словакии говорил о лидере старом (а в дальнейшем старый лидер уже чехословацких коммунистов относительно нового — редко встречающееся переплетение политических судеб) следующее: «Я чувствовал, что у меня не получилось установить с ним контакт по-человечески, хотя в других случаях обычно мне это удавалось» (с. 123).

В описании дальнейших событий имя Гусака встречается постоянно, вплоть до контактов Гусака и Дубчека накануне отъезда последнего в Турцию в качестве посла. Дубчек,

припоминая первые встречи, не без горечи заметил: «Наш отъезд был запланирован на 16 января 1970 г. Прежде чем уехать, я ответил на письмо Гусака, в котором он требовал от меня выразить согласие с его политической линией. Я выступил против его скрытых угроз и протестовал против клеветнической кампании, которая велась в средствах массовой информации [...]. Существовал укоренившийся порядок, что новых послов перед их отъездом принимает первый секретарь ЦК КПЧ. Однако Гусак не проявил желания встретиться со мной. Если бы он был способен на нормальные чувства, я бы сказал, что он не хотел оказаться в неловком положении» (с. 294).

Оставляю за пределами рецензии самые яркие страницы жизни и судьбы Дубчека-политика — 1964—1969 гг.: пять судьбоносных лет не только для Чехословакии, но и для всего мира, выразившего неподдельный интерес к «социализму с человеческим лицом» и главному проводнику этой идеи. Ограничусь лишь цитатой о введении чрезвычайного положения в августе 1969 г. — «закона дубинки», предотвратившего массовые демонстрации по случаю годовщины введения войск ОВД и фактически завершившего Пражскую весну. «Я, — сказал Дубчек, — сделал большую ошибку, которая тяготила меня всю жизнь, что в конце концов подписал “законные меры”». Должен добавить, что подписывать законы и законные меры являлось рутинным делом председателей, безотносительно к тому, одобряли они их или нет. Только в данный момент ситуация не была “рутинной”. Сегодня я знаю, что должен был отказаться его подписывать. Но это происходило в горячей, нервной обстановке. Я был там в полном одиночестве и даже не мог оценить всех последствий. Никогда не прошу себе этого. Я не собираюсь оправдываться, могу лишь дополнительно прояснить обстановку» (с. 289—290). Так мог оправдываться тот, кто, говоря упомянутыми выше словами Гамлета, был человеком во всем...

Остановлюсь подробнее на семи последних частях, повествующих и о судьбе идеи «социализма с человеческим лицом», и о преследованиях главного ее носителя. Украинский и общеславянский мыслитель Г. Сковорода любил прибегать к пословице: «Не той орел що літає, а той, що добре сідає». Справедливость этой пословицы подтверждается в этих частях книги. Дубчеку удалось убедительно описать, что он ни одной позиции не сдавал без боя. Он пользовался уважением близкого окружения, включая рабочих, будучи в прошлом партфункционером, смог овладеть специальностью слесаря, не проявлял

негативного отношения к своим охранникам — обо всем этом мало известно отечественному читателю. Бывшему лидеру Пражской весны пришлось многое пережить, но и он, и его семья переносили тяготы с большим достоинством.

Не забывали Дубчека не только сограждане, но и зарубежные политики. Рассказ о его встрече в Италии, где ему вручали диплом почетного доктора Болонского университета — поистине повествование о свете в конце туннеля. Вместе с ним этот свет видели не только лидеры Итальянской коммунистической партии, но, по свидетельству желанного гостя из Чехословакии, и рядовые итальянцы (с. 316).

Конечно, немало в изложении жизни и судьбы Дубчека зависело от интервьюера. Но все-таки в книге слышится и живой голос чехословацкого политика. В конце отмечу: «социализм с человеческим лицом» на личностном уровне был манифестирован Дубчеком, человеком эмоциональным, но и последовательным в своих убеждениях, прекрасным семьянином и верным другом очень ярко. В этом особая ценность мемуаров. Помимо прочего, они служат и доказательством того, что такой социализм — не химера, которую, по словам современника Дубчека, президента США Р. Рейгана, следовало отправить на свалку истории.

Английский писатель Дж. Барнс в романе «Дикобраз» (1992, русский перевод 1995 г.) дал психологический портрет еще одного приверженца идеи социализма, за которым угадывается Т. Живков (он описан в мемуарах Дубчека как человек, не чувствовавший необходимости «задирать нос» и осознававший необходимость изменений в социалистическом лагере) (с. 197). Писатель приписал

своему персонажу весьма любопытную фразу, сказанную в ответ на обвинения в искажениях и неудавшихся попытках сохранения социализма: «А вы хотите допрыгнуть до небес за один раз?». Сопоставляя эти слова с убедительными мемуарными свидетельствами Дубчека, нельзя не признать, что тот мыслил примерно так же. Демократический социализм как попытка означить длительный период соответствующих исканий чехов и словаков, равно как и руководства Социал-демократической партии в Словакии после 1989 г., убеждает: с намеченных рельсов Дубчек не сходил — Словакия и социализм остались ключевыми идеалами всей его сознательной жизни.

Остается добавить, что он был и выразителем лучших черт словацкого характера, выкованного столетиями. Его носителями в XIX в. были Я. Коллар, словак, манифестировавший идею единения славянства своему народу и народам мира, и Л. Штур, а в XX в. — М. Р. Штефаник — известный ученый-астроном и авторитетный политик. Книга позволяет глубже понять не только личность самого Дубчека, но и те идеалы, за которые он сражался всю свою жизнь.

Так кем же был Александр Дубчек, представлявший «социализм с человеческим лицом»? Знакомство с его мемуарами, наполненными описанием драматических событий его жизненного пути, и особенно испытаниями после ухода с властных позиций (которые под силу далеко не каждому), требует еще и еще раз повторить: он Человек был...

© 2020 г. Э. Г. Задорожнюк
elzador46@mail.ru

Международная конференция «Между соглашательством и цареубийством. Пределы польско- российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года»

24 мая 2019 г. в Варшаве прошла конференция «Между соглашательством и цареубийством. Пределы польско-российского политического компромисса в эпоху Царства Польского. К годовщине коронации 1829 года», организованная факультетом «свободных искусств» Варшавского университета в сотрудничестве с Центром польско-российского диалога и согласия.

Эпоха конституционного Царства (Королевства) Польского 1815–1830 гг. всегда находилась в центре внимания польских и российских историков. Основной дискуссионной проблемой является вопрос о возможностях российско-польского политического компромисса после образования в 1815 г. в составе Российской империи автономного Царства Польского. Одним из кульминационных проявлений данного компромисса стала коронация Николая I в качестве царя польского в Варшаве 12 (24) мая 1829 г. Однако уже через полтора года, 17 (29) ноября 1830 г., в Польше началось восстание за независимость, после подавления которого конституция была отменена и принят Органический статут. В польской историографии существует точка зрения, что позиции представителей польского общества, занятые накануне и во время коронации, от идеи соглашения любой ценой до планов цареубийства, как бы определили дальнейший ход событий, начиная с Ноябрьского восстания, повлияв на продолжение русско-польского конфликта и в XX в. Для российских историков рассмотрение эпохи конституционного Царства Польского прежде всего важно в контексте анализа разрабатываемых в то время проектов модернизации Российской империи: от идеи «революции сверху» вплоть до планов декабристов, а также в контексте отношений центра и окраин империи.

Конференцию открыли заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований факультета «свободных искусств» Варшавского университета профессор *Я. Кеневич* и директор Центра польско-российского диалога и согласия *Э. Вуцишкевич*. Выступления были сгруппированы в несколько блоков, первый носил название «Политические механизмы польско-российского компромисса и конфликта в 1815–1830 гг.».

В своем докладе *М. Мыцельский* (Ин-т истории Варшавского ун-та) проанализировал формальные и неформальные механизмы управления Царством Польским, используемые Александром I и Николаем I в 1815–1830 гг. Пребывание российского императора — царя польского вдали от польской столицы вызывало необходимость назначения наместника, которому передавалась часть царских прерогатив. Кроме того, посредником между монархом и польским правительством выступал находившийся в Петербурге польский министр статс-секретарь, который наряду с официальной вел частную переписку с польским наместником и министрами, сообщая в ней о решениях царя и, в свою очередь, пытался повлиять на него в благожелательном для поляков духе. Как отмечал М. Мыцельский, неформальные механизмы управления Царством можно связать с присутствием в Варшаве российского комиссара при польском правительстве сенатора Н. Н. Новосильцева, который при Александре имел право непосредственного представления рапортов императору, и главнокомандующего польской армией — брата царя — великого князя Константина Павловича. При Николае I влияние Новосильцева и Константина на польское правительство уменьшилось за счет усиления роли министра финансов князя Ф. К. Друцкого-Любецкого.

О. С. Каиштанова (ИСл РАН) сосредоточила свое внимание на донесениях великого князя Константина Павловича Николаю I в связи со следствием по делу польского Патриотического общества и его рассмотрением в сеймовом суде. Эта организация имела целью возрождение польского государства в границах 1772 г. и завязала контакты с представителями Южного

общества. В докладе было показано, что Константин, тесно связанный с Польшей в результате своего морганатического брака с графиней И. Грудзинской и отречения от прав на российский престол в 1822 г., не желал репрессий для поляков, но под давлением императора был вынужден в феврале 1826 г. назначить Следственный комитет. Полагая, что Николай I не будет удовлетворен мягким приговором, цесаревич предлагал судить обвиняемых военным судом. Однако под влиянием различных обстоятельств впоследствии было принято решение о передаче их конституционному сенатскому суду, который провел новое следствие и в 1828 г. оправдал подсудимых, считая, что они виновны не в государственной измене, а в участии в тайных обществах после запрета их деятельности. Константин советовал Николаю не утверждать приговор, называя его «пособничеством» или «ошибкой» со стороны Сената. Император разделял мнение брата, но ввиду предстоящей коронации в 1829 г. приговор все же был санкционирован.

Доклад *Х. Глембоцкого* (Ин-т истории Ягеллонского ун-та, Краков) был посвящен коронационному заговору 1829 г. В ходе коронации его участники намеревались совершить задержание Николая I. Нет точных данных о том, планировалось ли убийство императора, взятие его под стражу или простое вручение петиции сеймовой оппозицией. Это задержание должно было послужить сигналом к началу восстания за независимость. Как полагал Х. Глембоцкий, обстоятельства, приведшие к складыванию коронационного заговора, были обусловлены деятельностью трех групп: группы Т. Дзялыньского, А. Гуровского и Г. Малаховского — участников так называемого графского заговора, возникшего на волне подъема патриотических настроений в связи с деятельностью сеймового суда, союза П. Высоцкого, организованного в школе подхорунжих, и сеймовой оппозиции. Заговорщики пытались наладить контакт с британской и австрийской дипломатией. Участники заговора отказались от планов захвата Николая I из-за изменения настроений населения Варшавы под влиянием царских милостей, а также из-за неблагоприятной международной обстановки и стали надеяться на достижение политического компромисса с императором. Эта тактика явилась предзнаменованием подобных действий во время Ноябрьского восстания.

Выступление *И. В. Ружицкой* (Ин-т российской истории РАН) касалось отношения российских правящих элит к Царству Польскому до и после Ноябрьского восстания 1830 г. Как подчеркивала докладчица, перед восстанием наиболее характерно настроение российского дворянства от консервативных кругов до членов тайных обществ отражало «Мнение русского гражданина» Н. М. Карамзина. В нем известный историограф критиковал польскую политику Александра I в связи с речью императора на открытии польского сейма в марте 1818 г., в которой он намекал на возможность присоединения западных губерний империи — бывших восточных территорий Речи Посполитой — к Царству. После восстания, когда в русском обществе усилились патриотические и националистические настроения, часть его представителей выступала за отмену конституции и управление Царством Польским по образцу российских губерний. В итоге победила компромиссная точка зрения, в результате чего Царство утратило конституцию, но сохранило автономию, хотя и в урезанном виде.

Тематика второго блока — «Политические, религиозные и идеологические контексты польско-российского компромисса 1815–1830 гг.».

Доклад *А. Бараньской* (Люблинский католический ун-т) был посвящен рассмотрению польско-польских проблем Конгрегацией чрезвычайных церковных дел в 1814–1830 гг. Эта конгрегация, состоящая из влиятельнейших членов кардинальской коллегии, была создана как совещательный орган при папе по конфликтным вопросам между государственными и церковными властями. Польско-российскими проблемами конгрегация занималась довольно редко, в 1814–1830 гг. лишь 16 (4%) из общего числа всех рассмотренных ею дел касалось данных вопросов. Из-за большой удаленности, недостаточной свободы сообщения и отсутствия контактов с польскими епископами конгрегация часто затруднялась в решении польско-польских конфликтов. Как отмечала А. Бараньская, в отличие от Пия VII и Льва XII, которые питали большое доверие к Александру I, наделяя им в первое время и Николая I, конгрегация принимала в расчет не особу монарха, а его политику в отношении католической церкви и уже в 1827 г. была обеспокоена угрозой отрыва от Рима католиков в Российской империи. Ключевым вопросом кардиналы считали ведение дипломатических переговоров для урегулирования церковных проблем и создание папской нунциатуры в Петербурге или Варшаве, но эти предложения были всегда отвергаемы Николаем I.

В выступлении *П. Глуковского* (Ин-т русистики Варшавского ун-та) было проанализировано отношение российской элиты, и в первую очередь Николая I, к политике компромисса с поляками. По мнению докладчика, Николай I полностью разделял господствовавшее в русском обществе предубеждение относительно поляков, не доверял им значительных постов

при русском дворе и, по разным соображениям, хотел избежать визита в Варшаву и связанной с ним коронации. В том, что она все-таки состоялась, немалая заслуга принадлежала III Отделению и его шефу графу А. Х. Бенкендорфу, опасавшемуся в противном случае возможного брожения умов в Царстве Польском. В рапортах III Отделения подчеркивалось, что приезд императора в Варшаву и коронация позволили бы полякам лучше узнать своего монарха, победить недоверие и впоследствии стабилизировать ситуацию в Царстве Польском. III Отделение пыталось убедить царя в том, что после коронации поляки прониклись к нему той же симпатией и благодарностью, как и к его предшественнику, однако пребывание в Варшаве не помогло Николаю преодолеть свои предубеждения в отношении поляков.

М. Кулик (Ин-т истории Польской академии наук (ПАН), Варшава) обратил внимание на настроения офицеров и солдат варшавского гарнизона в 1815–1830 гг., который был довольно значительным и состоял из польских (около 9000 человек) и русских (около 6000 человек) частей. Причем в полках российской гвардии также служило немало поляков, преимущественно из западных губерний империи. Как отмечал М. Кулик, с одной стороны, настроения, господствовавшие среди офицеров и солдат, зависели от принадлежности к той или иной части гарнизона. Военнослужащие российских и польских полков по-разному оценивали друг друга, свое положение и отношения с местным обществом, всех объединял лишь страх перед главным командующим — великим князем Константином, отличавшимся вспыльчивым и капризным характером. С другой стороны, позиция военных определялась занимаемым местом в служебной иерархии. Большая часть польского генералитета и старших офицеров сохраняла лояльность Константину Павловичу, в то время как младшим офицерам не были чужды вольнодумные идеи, и из этой среды происходили члены тайных патриотических обществ. Офицеры и солдаты русской гвардии в основном ассоциировали себя с Россией, но, принимая во внимание служивший в ней значительный польский элемент, это не являлось общим правилом. После начала восстания 1830 г. поляки, породнившиеся с местным населением, были поставлены перед дилеммой: какую сторону им выбрать.

Проблемы легитимности власти в условиях конституционной монархии в Европе на примере автономного Царства Польского были затронуты в докладе *М. Яновского* (Ин-т истории ПАН). Как считал докладчик, накануне Первой мировой войны европейские монархии составляли интегральную часть современных капиталистических обществ, приобретая на протяжении XIX в. более мешанский, нежели дворянский характер. Распространению в обществе образа монарха как символа государства способствовали всеобщее образование и современные средства массовой информации, такие как иллюстрированная печать, а позднее — кино. Таким образом, накануне 1914 г. позиция монархий в Европе была гораздо более сильной, чем в эпоху Венского конгресса, когда в памяти были еще свежи воспоминания о революционных потрясениях. Эксперимент с конституционной монархией в Царстве Польском можно рассматривать в широком европейском контексте как адаптацию монархических институтов к новым условиям. Она была специфической, поскольку традиция Речи Посполитой не предусматривала персональной лояльности в отношении особы монарха. Однако в эпоху Великого герцогства Варшавского и Царства Польского такая форма лояльности сумела сложиться.

Завершающим стал третий блок под названием «Культурные, научные и литературные контексты эксперимента польско-российской конституционной монархии 1815–1830 гг.».

Доклад *Е. М. Болтуновой* (Высшая школа экономики) был посвящен поездке Николая I в 1829 г. из Петербурга в Варшаву на предстоявшую коронацию и обратно. В выступлении подчеркивалось, что наряду с традиционными составляющими императорских путешествий, такими, как смотры полков, посещения церквей, государственных учреждений, встречи с чиновниками, священнослужителями и просителями, здесь присутствовали и новые аспекты. Одним из них стало ограничение общения императора с населением по мере приближения к территории Царства Польского. Другим новшеством явился особый церемониал передачи короны на границе Царства от обер-церемониймейстера российского двора С. Потопцкого церемониймейстеру польского двора Я. К. Жабоклицкому. На обратном пути в Петербург Николай I ехал через Киев. В этом городе митрополит Евгений (Болховитинов) в заранее утвержденной речи приветствовал императора как монарха «соплеменной» державы — Польши.

Проблема легитимности власти в конституционной Царстве Польском на примере торжеств по случаю варшавской коронации Николая I была рассмотрена в выступлении *М. Гемки-Кенига* (Ин-т истории искусств Ягеллонского ун-та). По мнению докладчика, конституционная Польша в качестве «воскрешенного» государства, обращавшегося к традициям Речи Посполитой, с самого начала носила на себе печать нелегитимности. Стабильное существование Царства было под вопросом как в силу противоречий, связанных с общественными,

экономическими и политическими трансформациями, так и в результате надежд польского общества на возвращение к прежним границам Речи Посполитой, которые поляки тщетно связывали с российскими императорами и только на этом условии готовы были сохранять лояльность. Выход из создавшегося положения российские монархи видели в пропагандистских акциях, имевших целью поддержание и усиление королевского величия. Особенно интригующей в данном отношении стала коронация 1829 г., поражавшая масштабом торжеств, причем она являлась первой в истории Царства монаршей акцией, которая была рассчитана не только на элиту, но и на низшие слои населения. Тем не менее она не смогла оказать воздействия на последующие политические события.

Тема русско-польского сближения в историографическом плане была затронута в докладе *Н. М. Филатовой* (ИСл РАН). В выступлении подчеркивалось, что взгляд на историю конституционного Царства Польского как на «эпоху неволи», свойственный польским историкам-романтикам XIX в., оказал большое влияние на представление о ней исследователей последующих поколений. Современные польские историки, как правило, рассматривают сторонников пророссийской ориентации в рамках противопоставления консерватизма либерализму. Также заметна тенденция их негативной оценки вне зависимости от политических обстоятельств и исторической эпохи, исходя из тезиса о невозможности польско-российского политического компромисса. Что касается российской историографии, то на протяжении XIX в. она также развивалась под воздействием стереотипов, сложившихся после Ноябрьского восстания, трактуя его как проявление «черной неблагодарности» со стороны поляков. В настоящее время отечественные историки стараются переосмыслить эпоху конституционного Царства Польского с современных позиций. Такая попытка была предпринята историками-полонистами Института славяноведения РАН. По мнению *Н. М. Филатовой*, наиболее перспективным направлением в современной российской историографии являются исследования эпохи Александра I, которые хотя и не затрагивают польской проблематики, но дают «импульс ее новому осмыслению в русле политического романтизма и поискам путей русско-польского примирения».

Выступление *Э. Кисляк* (Ин-т литературных исследований ПАН, Варшава) было посвящено образу коронации и этическим дилеммам участников коронационного заговора в драме «Кордиан» (1834 г.) выдающегося представителя польского романтизма Ю. Словацкого. В III акте драмы, озаглавленном «Коронационный заговор», нашли отражение этические проблемы его участников — проблема вооруженного действия и одиночества заговорщиков, размышления над моральной допустимостью политического убийства. Внутренняя борьба героя происходит, с одной стороны, под влиянием убеждений о сакральности королевской власти и святости национальной истории, отвергающей цареубийство, лояльности в отношении монарха и чести, с другой — под воздействием стремления к независимости и республиканских идей. Как отмечала *Э. Кисляк*, Словацкий противопоставляет историю Польши истории России, что связывается с фундаментальными проблемами — не только смысла истории, но и сущности свободы и свободы действия. Подобные дилеммы, стоявшие перед заговорщиками, обозначены в философско-патриотической поэме другого поэта-романтика С. Гарчиньского «История Вацлава», написанной за год до «Кордиана» и часто с ним сравниваемой.

В докладе *Я. Кеневича* (Факультет «свободных искусств» Варшавского ун-та) были проанализированы взгляды известного польского писателя Т. Парницкого относительно возможностей компромисса между Польшей и Россией. Парницкий в своем романе «Могло быть именно так» (являвшемся частью историко-фантастического романа «Муза дальних странствий», 1970 г.) представил альтернативную историю Королевства Польского в случае победоносного завершения войны с Россией в 1831 г., проводя аналогии с современной ему Польской народной республикой. Рассуждая о возможности для поляков компромисса с Россией, писатель пришел к выводу, что он является ловушкой из-за цивилизационной чуждости поляков и русских. Таким образом, поляки были бы не в состоянии сохранить независимость своего государства как в случае победы, так и в случае поражения. Парницкий разделял идеи А. Дж. Тойнби и Ф. Конечного, что любой цивилизационный синтез ведет к катастрофе, в то время как цивилизационная конфронтация при условии равновесия сил может быть плодотворной. Однако, замечал *Я. Кеневич*, в качестве альтернативы компромиссу для поляков Парницкий не выдвигал никакого решения, отвергая такие пути, как война, восстание или попытка слияния с Россией для ее преобразования.

Таким образом, на конференции обсуждался широкий спектр вопросов. В выступлениях докладчиков нашли отражение проблемы политического управления Царством Польским с использованием механизмов официального и неофициального воздействия и легитимности власти в условиях конституционной монархии, контактов русского правительства

с Римом с целью урегулирования вопросов, касавшихся католицизма, отношения российского и польского общества к идее русско-польского политического компромисса и отражения этого вопроса в историографии и художественной литературе. Часть докладов была посвящена непосредственно самой коронации 1829 г. (поездке Николая I в Варшаву; коронационным торжествам, которые должны были продемонстрировать легитимность верховной власти) и коронационному заговору и их представлению в польской литературе. В конце каждого блока происходила оживленная дискуссия с участием представителей общественности. По итогам конференции планируется издать сборник статей.

© 2020 г. *О. С. Каштанова*
kashtanova-o@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0011100-3

ARTICLES

<i>Anshakov Yu.P.</i> (Samara). Russian emissaries to Montenegro in the second half of the eighteenth century	3
<i>Lebedeva N.S., Terekhova N.G.</i> (Moscow). Russian Communist Party (Bolsheviks) and the Comintern's Polish policy. 1919–1925	13
<i>Novoseltsev B.S.</i> (Moscow). The beginning of the reorientation of Yugoslav foreign policy towards the West in 1949 (based on American sources)	29
<i>Belov M.V.</i> (Nizhny Novgorod). «Historical revisionism» in the criticism of post-Yugoslav historians.....	43
<i>Kaganovich B.S.</i> (St. Petersburg). On the issue: Sigismund N. Valk and Marxism. (Valk's notes on the margins of Adam Schaff's book «Marxism and the Human Individual»)	57
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). The role of literary paradigm in the making of Slovenian nation.....	68
<i>Gusev Yu.P.</i> (Moscow). Symbolism and avantgarde in Hungarian literature of the early twentieth century. (In comparison with the experience of Russian literature)	74
<i>Baydalova E.V.</i> (Moscow). Volodymyr K. Vynnychenko. A biography of the politician and the writer against the background of the epoch	89

ESSAY

<i>Chibisova A.A.</i> (Moscow). Views of the Polish government on the role of Patriarchate of Constantinople in the Orthodox world in the context of negotiations with Patriarch Meletius IV (Metaxakis) on the autocephaly of the Polish Orthodox Church (1922–1923)	99
<i>Yegorova K.B.</i> (St. Petersburg). Jaroslav Hašek on the dogs and goats, or the party of modest progress in the framework of the law on rehabilitation of animals	112
<i>Lamm M.A.</i> (Moscow). Town and village in miniatures of Sokrat Janowicz: development of the interpenetration model	122
<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Linguistic expedition to the Slavic communities to Argentina and Paraguay.....	128

REVIEWS

<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> А. Дубчек. Надежда умирает последней. М., 2019. Пер. со словацкого языка И.А. Богдановой	139
---	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Kashtanova O.S.</i> The international conference «Between conciliation and regicide. Limits of the Polish-Russian political compromise in the age of Kingdom of Poland. To the anniversary of the coronation of 1829»	142
--	-----

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых
коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).